

**Possev-Verlag, D-623 Frankfurt/Main 80,
Flurscheideweg 15**

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

Сборник статей
за 1970 г.

Издательство ПОСЕВ
Франкфурт/Майн
1972 г.

В сборник включены статьи из комплекта журнала ПОСЕВ за 1970 г. имеющие неустаревающий характер.

Ограниченный объем сборника не дал возможности составителям использовать весь материал имеющий непреходящий характер. Следующий сборник такого типа будет содержать материалы опубликованные в ПОСЕВЕ за 1971 г.

Непроведенная реформа

Краткое изложение доклада бывшего заместителя председателя правительства Чехословакии, ведущего чехословацкого экономиста, доктора экономических наук, профессора

Ота ШИКА в Майнцском университете

29 октября 1969 г.

ПРЕДЫСТОРИЯ РЕФОРМЫ

Профессор Шик начинает доклад с утверждения, что Чехословакия — высокоразвитая промышленная страна и, поэтому, строительство социализма в ней должно было иметь собственную специфику, а не вестись по советскому образцу.

После войны в Чехословакии приступили к строительству социализма, учитывая чехословацкую специфику. Рабочие на предприятиях сами выбирали директоров, имели свои

советы. Предприятия продолжали работать независимо, в условиях свободного рыночного хозяйства, используя старый, довоенный чешский рынок на Западе, где у них были очень хорошие связи. Их продукцию знали, ценили, охотно покупали и хорошо оплачивали.

Прежде всего развивали традиционные отрасли чехословацкой промышленности: легкую, химическую, текстильную (чехословацкий текстиль славился далеко за пределами страны) и машиностроение.

Вырабатывались ориентировочные планы, не обязательные, а лишь помогавшие ориентироваться самостоятельно действовавшим предприятиям. Очень быстро чехословацкое производство достигло довоенного уровня.

Но началась «холодная война». Сталин вызвал наших руководителей в Москву, рассказывает профессор Шик, запретил им работать по-старому, отменил чехословацкую специфику. Положение сразу резко ухудшилось, и с тех пор чехословацкая экономика так и не смогла встать на ноги.

Приступили к перестройке руководства промышленностью и всем народным хозяйством по советскому образцу. Развивали только

тяжелую индустрию. Капиталовложения в трех отраслях тяжелой промышленности выросли с 20-25% до 50% и более.

Второй тяжелый удар нашей экономике нанесла смена ориентации внешней торговли. Нас заставили в течение двух лет повысить экспорт в социалистические страны с 38% на 78%. Мы потеряли нашу старую клиентуру, знавшую нас, ценившую наши товары, к вкусам и потребностям которой мы были приспособлены. Такая коренная переориентация привела к огромным потерям, — подчеркивает профессор Шик.

Начался политический и идеологический нажим, подготовивший полное подчинение Москве. Развернулись чистки. Их жертвой стали многие специалисты — экономисты, инженеры, капитаны производства. Профессор Шик перечисляет расстрелянных — таких известнейших людей, как Франк, Фрейка, Марголиус, и арестованных — таких, как Фабинг и Фука. В экономике, вместо научного подхода, стала господствовать примитивная пропаганда.

Но самым тяжелым ударом для чехословацкой экономики было введение новой системы планирования, по советскому образцу.

Отменили независимость предприятий. Ввели бюрократическое управление народным хозяйством. В Чехословакии было одно министерство индустрии. Вместо него создали 18 промышленных министерств. Тяжелую промышленность стали расширять в ущерб другим отраслям. У предприятий забрали все капиталы и отдали их тяжелой промышленности. Положение с каждым годом все ухудшалось, — вспоминает профессор Шик.

Сначала нам объяснили, что централизация — мера вынужденная и временная, вызванная холодной войной и необходимостью для ведения борьбы сосредоточивать все ресурсы, — продолжает профессор Шик. — Однако холодная война кончилась, а все оставалось по-старому. Планирование проводили примитивными методами, планы составлялись централизованно, наверху, без учета возможностей. Планы все время повышали. Делалось это автоматически, без учета возможностей: выполнило предприятие план, на следующий год ему спускают новый, повышенный. Выполнять планы становилось все труднее.

Из-за недостатка капиталов отставала рационализация производства. Снижалось качество машин. Старые машины изнашивались. Поступавшие новые образцы были ни-

же международного стандарта. Единственной возможностью поспевать за планами стала не рационализация, а расширение производства, увеличение числа рабочих. На производство стали посылать женщин. Теперь в Чехословакии самый высокий процент работающих женщин — более 75⁰/₁₀₀ всего женского населения, — говорит профессор Шик.

Предприятия потеряли интерес к освоению новых видов продукции, так как процесс освоения мешал выполнению планов. Получать прибыль и создавать резервы тоже стало невыгодно. Отстающих все равно субсидировали, а у передовых отчисляли капиталы, чтобы отдать отстающим.

В экономике господствовали субъективизм, обман, «туфта». Хорошим считался не тот руководитель предприятия, который знал свое дело, — а имеющий связи в центре, умеющий получить заниженный, легко перевыполнимый план. Возможности расширения хозяйства исчерпались, оно достигло своего потолка. Однако планы продолжали механически увеличивать. Предприятия выполняли их формально, за счет качества. Машинный парк все больше отставал от международного уровня. В Чехословакии более 60⁰/₁₀₀ машин устарели, давно уже списаны и подлежат

устранению. Особенно тяжелое положение с машинами в легкой промышленности, где на многих заводах работают еще машины, которым по 80 лет.

Продукцию заводов исчисляли валовым производством, а производительность труда — делением вала на количество рабочих, — говорит профессор Шик. — Это дает широкие возможности для «туфты». Машины стараются делать большими, громоздкими, тяжелыми, применять для их изготовления листовую сталь потолще. Даже прокат преобладал толстый. Появилась нехватка сырья.

Не лучше обстояло дело и в легкой промышленности, — продолжает профессор Шик и приводит пример: знаменитая обувная фабрика «Батя» работает до сих пор старыми, довоенными машинами. Обувь делают грубую, тяжелую — преобладают ботинки на толстой подошве, туфли на грубом каучуке. Этим достигается «вал». Текстильная промышленность предпочитает выделывать плотные, шерстяные ткани. Исчисление «валом» приносит крупные убытки, вызывает огромную растрату сырья.

Централизованное планирование, стимулирующее предприятия к выполнению и перевыполнению планов по «валу», ведет к скоп-

лению никому не нужных товаров, — констатирует профессор Шик. — Чтобы от них избавиться, предприятиям навязывали насильственный ассортимент. Неходовые товары скоплялись и в торговой сети. Залежавшиеся товары, ненужные машины сбывали с потерями слаборазвитым странам, часто не выручая и стоимости материалов, из которых они были изготовлены.

В тяжелую промышленность продолжали вкладывать средства. Капиталовложения на достижение одного и того же роста национального дохода увеличились в 4 раза, в то время как производство продуктов потребления относительно сокращалось. Создалась обстановка, когда промышленность работала сама на себя, — говорит профессор Шик.

Начался кризис в строительстве. Чехословакия вышла на пятое место в мире по производству цемента, но скатилась на последнее место по строительству квартир. Строительство страдало от недостатка средств, так как не входило в сектор «А» (тяжелая промышленность). Продолжительность стройки объектов в Чехословакии в три раза больше, чем в капиталистических странах. Выполнения плана добивались тем, что ежегодно вписывали в план одни и те же недостро-

енные объекты.

Ресурсы страны исчерпались. Их стали пополнять за счет народа, за счет снижения стандарта жизни населения. Началась скрытая инфляция. Господствовал товарный голод и, как его следствие, скопление денег на руках населения.

Правительство, несмотря на опасные признаки, не реагировало нужными мерами. С инфляцией пытались бороться торможением заработной платы. Промышленность работала на холостом ходу. Руководство не обращало внимания на кризис, так как считалось, что раз «баланс сходится», значит все хорошо. В этом виновата система, а не отдельные люди. Бюрократический аппарат иначе действовать и не может, — объясняет профессор Шик.

Удельный вес тяжелой промышленности все возрастал. Одновременно росло политическое влияние лиц, занятых в тяжелой промышленности. Они проникли на ключевые позиции на верхах и поддерживали своих на низах. Поэтому все попытки затормозить развитие тяжелой промышленности вызывали яростный отпор, интриги, скандалы. Сломить сопротивление бюрократов не было никакой возможности.

А между тем положение все ухудшалось, — продолжает профессор Шик. — Сначала, после войны, средняя заработная плата росла ежегодно на 6⁰/о, потом на 4⁰/о. В 1960 году она выросла всего на 2⁰/о, а в самом тяжелом для Чехословакии кризисном 1963 году даже понизилась. Несмотря на это фонд заработной платы не сокращался, а увеличивался, так как росло количество рабочих. Из-за ухудшения материального положения работали женщины. Это ухудшало бытовые условия, плохо функционировала торговая сеть. В магазинах скоплялись очереди. И не только потому, что не хватало товаров, а также и потому, что не справлялась торговая сеть. Не хватало продавцов. Люди, пробывшие день на работе, вечером шли за покупками и создавали в магазинах скопления.

Плохо обстояло дело с транспортом. В Праге продолжали ходить довоенные трамваи. Поездка на работу и с работы занимала ежедневно минимум два часа. А тут еще очереди в магазинах. Такое положение снижало работоспособность трудящихся.

До войны и в первые послевоенные годы стандарт жизни в Чехословакии был выше, чем в Австрии. Сейчас Австрия нас перегна-

ла. В Австрии, в среднем, стандарт жизни выше чем у нас на 30⁰%, а в ФРГ — на 50⁰%, — заключает профессор Шик.

БОРЬБА ЗА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ РЕФОРМУ

Далее профессор Шик переходит к рассказу о том, как началась борьба за реформу. Критическая оценка создавшегося положения стимулировала возникновение новых идей. Работать над проектом экономической реформы чехи и словаки начали с 1957 года. Но публиковать результаты своих исследований Шик и его друзья получили возможность только с 1963 года, когда кризис особенно дал о себе знать.

Тогда секретарем ЦК КПЧ по промышленности был Колдер, — вспоминает профессор Шик. — Он не допускал публикации наших работ и распространения наших идей. К счастью, между Колдером и Новотным началась склока. И Новотный, чтобы насолить Колдеру, разрешил публикацию наших исследований. Мы воспользовались ситуацией и стали проталкивать новые идеи в широкие массы. Устраивали собрания на предприятиях — провели сотни таких собраний, на которых

знакомили трудящихся с проектом реформы. Массы восприняли реформу с воодушевлением, стали требовать ее проведения. Начался нажим снизу. Правительство вынуждено было уступить. Приняли решение о создании партийно-государственной комиссии по реформе (которую возглавил проф. Ота Шик. — Р е д.)

Сначала комиссия приступила к попыткам улучшить систему планирования. Ее попытки встретил в штыки бюрократический аппарат. Тут им немного помог Хрущев, который у себя задумал нечто подобное. Осуществление реформы должно было быть начато в 1965 году, но министерства всячески саботировали реформу. Им удалось отсрочить начало экспериментирования.

Вполне логично, что против нашей реформы велась борьба, — объясняет профессор Шик. — У власти и в руководстве народным хозяйством находились люди, обладавшие другими качествами, чем те, которые необходимы хозяйственникам. Это были политические борцы. С закономерными, в сложившихся условиях, экономическими неполадками они пытались бороться политическими мерами. Всюду искали врагов, подозревали саботаж. Стоящие на верхах подыскивали себе со-

трудников по своему образу и подобию. Так было на всех ступенях руководства от аппарата ЦК до местных государственных и партийных органов.

Мы поняли, что со старым бюрократическим аппаратом невозможно вводить новую систему, — говорит профессор Шик. — Это против логики. Старый аппарат не приспособлен к тому, чтобы работать в новых условиях. Прежде чем проводить реформу, надо было политической борьбой свергнуть старый бюрократический аппарат.

Политическая борьба велась сначала подпольно, потом открыто. Борьбе за реформу сильно мешала централизация управления.

Решал даже не Центральный комитет партии. В ЦК механически голосовали. Все решения принимались в партийном Президиуме. Президиуму приходилось решать даже мелкие, второстепенные и третьестепенные вопросы. Профессор Шик приводит такой пример: Президиуму пришлось выбирать даже новую форму для полиции. В зал заседания Президиума привели манекенщиков и члены Президиума, осматривая их, обсуждали, какую форму принять.

В результате того, что Президиуму приходилось решать все вопросы, там скопилось

столько документации, что его члены, при всем желании, не могли все прочесть. Фактически вообще никто ничего не читал. Принимали механически те решения, которые подсовывались аппаратчиками. Таким образом, решал фактически не Президиум, а бюрократический аппарат, — констатирует профессор Шик.

Решения, принятые на верхах аппарата, внедрялись низам путем «кампаний». Иначе аппарат работать не мог. Это против его натуры. Движущее начало, направлявшее его действия, — воля к власти. Чтобы облегчить себе работу, аппаратчики подыскивали себе помощников не из числа способных людей, а из числа конформистов, готовых выполнять приказания, не задумываясь. Аппарат создал в стране систему массового карьеризма.

В заключение профессор Шик перечисляет три хорошо опробованных политических приема, с помощью которых управлялась страна:

1. Оглупление людей централизованной идеологией и односторонней информацией.
2. Массовая коррупция самого аппарата сверху донизу, создание условий, когда

люди материально заинтересованы выполнять любые распоряжения сверху, не раздумывая.

3. Моральные, экономические и юридические репрессии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Профессор Шик резюмирует.

Так как в условиях старой системы экономическую реформу осуществить невозможно, ей должна предшествовать политическая реформа. Старый бюрократический аппарат должен быть отстранен от власти, должна быть проведена полная демократизация всех областей жизни и разрешен обмен мнений.

Необходимо найти новые партийные формы. Не обязательно имитировать западную многопартийную систему. Быть может, возможна политическая игра сил внутри одной партии — между фракциями и группами. Может быть, нужны не другие партии, а клубы, союзы, объединения людей с общими взглядами и интересами.

Несмотря на то, что произошло, я продолжаю считать себя социалистом. Мы не хотим возвращения капитализма. Мы пытаемся найти новые пути развития и взять от капита-

лизма только то, что у него есть положительного.

Я твердо уверен, что процесс этот необратим. Рано или поздно экономика потребует политических изменений и удаления бюрократического аппарата, сковывающего живые силы страны. Это содержится и в марксистских установках.

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДЧИКУ

В о п р о с : Не могли бы вы рассказать вкратце, в чем состоит, конкретно, предлагаемая вами экономическая реформа?

Проф. Ш и к : Чтобы ответить на этот вопрос исчерпывающе, надо прочесть еще один доклад. Однако я постараюсь все же коротко изложить существо реформы.

Чехословакия — инициатор экономической реформы. Остальные социалистические страны, вступившие на путь реформ, проводят сокращенный чехословацкий вариант.

Невозможно проводить реформу на отдельных предприятиях в экспериментальном порядке. Реформироваться должна вся экономика одновременно.

Проведение реформы на отдельных пред-

приятнях похоже на известный, рассказывавшийся у нас анекдот: «Поступил проект перевода транспорта с левого на правое движение. Для того, чтобы проверить эффективность проекта, решили, в качестве эксперимента, перевести на правое движение сначала только шоферов такси, сохранив для остального транспорта левое движение». Точно в таком же положении оказываются предприятия, переведенные на новую систему работы, если остальная экономика продолжает работать по-старому. Кто будет поставлять им своевременно сырье? Где они добудут нужные им машины? Как они будут сбывать произведенную ими продукцию? И по каким ценам?

Чехословацкая экономическая реформа содержит следующие положения:

1. Отмена тотального, директивного планирования. Оно в наше время вообще неприемлемо, так как тормозит развитие и требует колоссального аппарата. На одном из совещаний социалистических стран ничего лучшего не нашли, как предложить использование в планировании электронных вычислительных машин. Представляете, что значит все планировать сверху? В Чехословакии имеется бо-

лее полутора миллионов наименований. Причем бюрократический аппарат заинтересован в том, чтобы наименований было как можно меньше, так как это облегчает его работу, но одновременно мешает развитию.

2. Выработка макроэкономических, ориентировочных планов. Перспективное планирование. Это не план-приказ, а помощь предприятиям, чтобы они знали, в каком направлении ориентировать производство.

3. Правительство руководит экономикой путем имеющегося в его распоряжении регуляровочного инструментария: налоговая и таможенная политика, различные льготы и прочее.

4. Независимость предприятий.

5. Создание на предприятиях рабочих советов, выбираемых коллективами предприятий с приглашением в них компетентных специалистов. Эти советы должны иметь функции, примерно соответствующие функциям контрольных советов капиталистических предприятий.

6. Свободные профсоюзы. Создание условий партнерства между профсоюзами и руководством предприятий.

7. Участие трудящихся в прибылях. Размеры дивидендов, выплачиваемых рабочим, должны быть такими, чтобы могли заинтересовать их в успехе производства: не менее 20% от основной зарплаты.

8. Ведение хозяйства на началах свободного рынка, способного осуществлять экономический нажим на предприятия, с целью заставить их работать лучше и дешевле.

Здесь самое трудное — проблема цен. Необходимо свободное ценообразование. Только оно поможет покончить с порочной практикой покрытия убытков.

Приведу пример. В Чехословакии дошло до того, что в последнее время экспорт на Запад считался нежелательным, но без него не могли обойтись, так как мы нуждаемся в определенном количестве иностранной валюты для закупки необходимых нам вещей. С каждым годом цены, по которым мы могли экспортировать нашу продукцию, становились все менее выгодными. Поэтому, чтобы получить ту же самую сумму денег в иностранной валюте, каждый год приходилось увеличивать объем экспорта. Доходило до анекдотов, когда цены некоторых экспортировавшихся

нами продуктов были ниже, чем стоимость сырья, необходимого для их изготовления, которое тоже закупалось за границей. Но валюта была нужна и дефицит покрывался из государственных средств.

Так как сразу невозможно ввести свободное ценообразование, запланирован переходный период. Во время переходного периода, в качестве временной меры, вводятся три группы цен:

- а) твердые цены, назначаемые государством;
- б) цены, которые могут свободно повышаться и понижаться только в определенных рамках;
- в) свободные цены, образуемые спросом и предложением на рынке.

В идеале все цены постепенно должны стать свободными.

Во время переходного периода, во избежание банкротства 80% предприятий, допускается временное покрытие дефицитов. Однако

субсидируемое предприятие должно знать, что его субсидируют временно, и ему указывается срок, когда покрытие дефицитов будет прекращено, чтобы оно могло к этому своевременно подготовиться.

9. Создание условий для внутренней конкуренции между предприятиями страны.

В о п р о с : Расскажите, хотя бы совсем коротко, какие мероприятия предвидит проект реформы в сельском хозяйстве? В частности, что вы собираетесь делать с колхозами?

Проф. Ш и к : Распускать колхозы в административном порядке мы не собираемся. В период их организации в них творилось что-то ужасное. Но постепенно они стали себя оправдывать. Особенно положение в колхозах улучшилось за месяцы чехословацкой весны. Частный сектор можно создавать там, где большие хозяйства организовать нельзя. Например, в горных районах. Много заброшенных земель есть у нас и в Судетах.

Мы, чехи, имеем привычку стремиться быть более правоверными католиками, чем рим-

ский папа. В других социалистических странах — в Польше, в Венгрии, в ГДР — есть частный сектор, а мы сразу национализировали последнего сапожника.

Здесь возможно восстановление частного сектора.

Печатается на основании записи, сделанной во время доклада сотрудником редакции. — Р е д .

Щ СЛУШАЙ НТС Щ

ЕЖЕДНЕВНЫЕ РАДИОПЕРЕДАЧИ

В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

по московскому времени:

от 16 до 23 часов на коротких волнах в диапазонах 26 и 46,9 метра или 11,55 и 6,40 мгц.

В АЗИАТСКОЙ РОССИИ

по московскому времени:

в 5 час. 40 мин. в течение 20 минут на коротких волнах в диапазонах 7.150, 9.630, 11.905, 11.970, 15.280, 15.320 килogerц, на средней волне в диапазоне 600 килogerц, а также в 5.45 и 23.45 в течение 15 минут на короткой волне в 31,12 метра или 9,64 мгц.

Наш адрес: Постбус 902, Роттердам. Голландия
Postbus 902, Rotterdam, Nederland

Заметки о путях западной и рус- ской молодежи

Н. ГАЛИНИН

ВЕРИТЬ, НАКОНЕЦ

Ворочать землю всю в морщинах
Жевать огонь под кожей, беглый,
Его взрывать,
Чтоб простилался он, как гнев —
Ножам пьяная волна.
И верить, наконец.
Когда причины веры больше нет.
Давать,
Когда мы обездолены.
И бросить пред собой
И кость
И мякоть
Фрукт
И нежное зерно —
Надежду жизни будущей.

Это стихотворение красовалось на стенах Сорбонны во время парижских студенческих волнений 1968 года. Заборная «идейная» литература одно из самых характерных и интересных явлений этого времени. Тогда в Латинском квартале все стены были покрыты лозунгами, афоризмами и стихами, порой пустыми и нецензурными, но часто очень содержательными. Стихи вообще у современной французской молодежи особым успехом не пользуются, поэтов мало и они пишут в основном для очень узкого круга. Расцвет заборной поэзии, обращенной к каждому прохожему, является тем более интересным.

Основная мысль стихотворения — современный мир в тупике, необходимо его преодолеть. Но выводы не только разрушительные, а, наоборот, свидетельствующие о возможности «отдать» всего себя «и кость... и нежное зерно». И в этой «отдаче себя» лежит путь к выходу из тупика. Иными словами — общество будущего можно построить только исходя из сугубо личных начал и полной незаинтересованности.

Конечно, эта отдача себя не может быть чисто индивидуальной. Чтоб перебороть стихию, силы должны объединиться, и для это-

го необходимо встретить и понять друг друга, отбросив все общественные преграды:

Ты — мой товарищ,
Ты — которого я не знал
За шумливостью жизни,
Ты
 подавленный
 запуганный
 задушенный
Прийди,
Говори с нами.

Естественная форма протеста в западном мире — это революционность марксистского типа. Большинство молодежи ищет духовную пищу и жизненные примеры у мыслителей и борцов марксистского толка. Вследствие этого марксистский жаргон является часто единственным «революционным наречием». Но, чтобы понять всю суть дела, необходимо преодолеть препятствие языка и смотреть глубже.

Приведу два примера, взятые из манифеста одной из крайне революционных студенческих групп Парижа:

«Наша привилегированность не в нашем

экономическом положении, а в том, что у нас одних есть время, а также и фактическая возможность осознать свое положение и положение общества».

«Мы теперь рабочие, как и остальные. Мы — нынешний капитал общества, а не его будущие руководители. Мы хотим получать зарплату, как любой рабочий, имеющий свое место в обществе».

Эти два высказывания явно противоречивы: с одной стороны, студенты себя считают единственными, кто может осознать всю обстановку, а, с другой стороны, они хотят включиться в общество на таком уровне, на котором люди не способны на это осознание. Далее, в том же манифесте пишется о чувстве вины, испытываемой студентами из-за их буржуазного происхождения. В этих высказываниях очень ясно ощущается, что искания западной молодежи упираются в препятствие, созданное односторонностью тех идейных истоков, в которых она черпает свое вдохновение и поддержку в своей революционной борьбе. Ощущение же вины за свое социальное происхождение и поиски искупления этой вины (например, путем участия, часто объективно ничем не оправданного, в

борьбе рабочих за улучшение условий жизни и труда) очень напоминают других людей совсем другой эпохи. Вспоминаются поиски русской молодой интеллигенции конца XIX, начала XX века.

Очень много общих черт: высшее гуманитарное образование, явно не созвучное социальной обстановке, ощущение своей ненужности и, главное, своей вины в паразитизме. Как известно, подобные настроения привели молодежь той эпохи, с одной стороны, к увлечению мыслями, крайне противоположными общественному порядку, построенному на патриархально-религиозной основе — к материализму и социализму, а, с другой стороны, к хождению в народ, к потребности конкретного служения ему. Эти два элемента безусловно есть и у современной западной молодежи. О них свидетельствуют постоянные попытки студентов входить в контакт с рабочими (представляющими в их глазах «народ»), связать свои требования с их требованиями, дать им осознать всю неполноту и несправедливость их жизни. Надо сказать, что, как правило, рабочие относятся к студентам весьма подозрительно и отнюдь не горят революционным пафосом. Старания

студентов убедить их в том, что они являются лишь отчужденной потребительской массой, у рабочих восторга не вызывают, так как главная цель их социальной борьбы — рост своих потребительских возможностей путем увеличения своего заработка.

Суммировать вышесказанное можно было бы следующим образом: неудовлетворенность современным обществом, яркое сознание его абсурдных и несправедливых сторон, а также и ощущение себя, как внеобщественного слоя, толкают студентов на глобальное отрицание этого общества. Внешние формы революционного движения остаются марксистскими, но экономическая проблематика отстраняется в пользу моральной и идейной, или, по крайней мере, мотивируется последними. «Народ» (рабочие) относится недоверчиво к чуждому ему революционному пафосу.

Отказ части западной молодежи от общества, уготовленного для нее старшими поколениями, проявляется не только в протесте социально-революционного типа. Основной вопрос, правда, остается тот же: нужно пре-

одолеть общественные преграды, которые не позволяют построить свою жизнь на онтологических основах и превращают общество в раз и навсегда данную схему, лишенную жизненного содержания и основания. Если путь прегражден забором, то последний можно или разрушить, или его обойти, проложив путь рядом с ним. Забор, перестав быть препятствием, со временем развалится сам по себе, без малейших усилий. Этот второй путь отказа от современного общества — путь той молодежи, которую можно грубо охарактеризовать термином «хиппи». Молодые «хиппи» отнюдь не одержимы пафосом революционной борьбы против общества: они просто, рядом с существующим обществом, строят свое собственное, основанное на совсем других ценностях.

Основная ценность в глазах «хиппи» — любовь. Что способствует любви — хорошо, что ей мешает — неприемлемо. Любовь, в основном, мыслится, как половая. Современное общество, как известно, на любви не зиждется и никогда в прошлом не считало любовь социальной ценностью, положительной или отрицательной. Оно поэтому ничего не может противопоставить тем, кто отрицает его во

имя любви: не являясь тоталитарным, западный строй не считает нужным и возможным влиять на иерархию ценностей чисто личного характера, и поэтому конфликты со сторонниками общественной любви возникают только в редких случаях (например, в вопросе об обязательной военной службе).

Надо сказать в оправдание слепоты западных политиков, что до сих пор движение «хиппи» не имело массового характера, и что отрицание насилия и утверждение любви, как основного закона бытия, рассматривалось лишь как модное явление, подобное миниюбкам. Сборища сотен тысяч молодых «хиппи», происходивших в последнее время, и освещение причин их появления и путей их развития, как движения общественного (см., напр., работы канадского мыслителя Маршала Мак-Луана и статью Орлена о нем в «Г р а н я х» № 74), сильно встревожили некоторые круги западной общественности, и можно предположить, что реакция и борьба против этого течения скоро примет большой размах.

Самому движению «хиппи», пока никем не преследуемому, приходится уже сейчас преодолевать две трудности. Во-первых, его основа — половая любовь — является одной из

самых доходных статей потребительского западного общества и, тем самым, объектом особого внимания со стороны дельцов и предпринимателей. Есть много шансов, что им удастся самых заядлых отрицателей общества из среды «хиппи» превратить в покорных потребителей особого разряда. Другая трудность — ограниченность самого идеала, способного вдохновить лишь молодежь, подверженную физическим и психическим нездоровым явлениям.

Как бы то ни было, отказ «хиппи» от современных форм общества является выражением неудовлетворенности теми ценностями, которые оно предлагает, и попыткой построения жизни на другой лад.

В России, на первый взгляд, картина совсем иная. Главным образом, конечно, из-за самих условий жизни. Все поиски молодежи происходят нелегальным или полунелегальным путем и само высказывание несозвучных властям идей (уже не говоря об их применении на практике) тяжело карается. Средства массовой информации полностью отсутству-

ют в распространении идей, несозвучных официальным взглядам. Ни одна из неофициальных идей не может подвергнуться суду общественного мнения и тем самым не может быть проверена ее обоснованность. Как и в бытовом отношении, основное различие Запада и «социалистических стран» в том, что на Западе потребитель затруднен главным образом при выборе идеи, ему нравящейся, среди всей массы идей, находящихся на «рынке», в России же ему, наоборот, очень трудно найти такую идею и часто приходится довольствоваться тем, что случайно попало в «интеллектуальную авоську». Для западной молодежи не имеет большого смысла, например, делиться своими политическими взглядами с другими, и даже на политических собраниях, обычно, не касаются глубинных основ той или иной темы, так как об этом каждый может прочитать в соответствующей газете продуманные и веские рассуждения. В России положение иное.

Сейчас в крупных вузах страны (например МГУ) чрезвычайно развито между студентами общение кружкового типа. К 10-11 часам вечера студенты собираются в комнатах группам в 6-10 человек. Слушается загранич-

ное радио, пускаются в ход «маги» с песнями Галича, Окуджавы и им подобных певцов, завязываются разговоры на любые темы, с явным предпочтением общественно-философской тематики. Разговоры ведутся довольно своеобразно, полунамеками, немного в стиле полунамеков Окуджавы. Изливания души, однако, тоже имеют место, обычно, в конце собраний и в условиях более чем сомнительной трезвости. Часто в таких кружках есть заводила, всеми признанный авторитет. Нередко тогда передаются и читаются произведения Самиздата и Тамиздата.

Постороннему наблюдателю, особенно иностранцу, почти невозможно вникнуть в суть разговоров и понять своих собеседников из-за запутанности формулировок и употребляемого жаргона. Все же, при долгом знакомстве, эти препятствия преодолимы, и можно прийти к выводу, что очень часто сознание людей разделяется на три пласта.

Первый — официальный, или поверхностный. Собеседник высказывается, что жить трудно, что есть несправедливости в обществе, особенно в области искусства и литературы, но что, слава Богу, дело идет к лучшему, и нужно способствовать этому улучшению.

Второй пласт выявляется только при полном доверии или потере самообладания. Он — полная противоположность первому и характеризуется ощущением безвыходности из общественного тупика и отрицанием общественных и политических условий, часто сопровождаемым пылающей ненавистью, степень которой почти недоступна пониманию на Западе. Песни Галича, хотя он и человек старшего поколения, прекрасно передают суть дела (см. «Облака»). При разговорах на таком уровне в собеседнике часто совершенно не ощущается принадлежность к советскому обществу.

Но существует и третий пласт, который уловить очень трудно, разве что в исключительных условиях. На этом уровне ощущается в первую очередь страх и чувство вины перед теми ценностями, которые сознательно отрицаются человеком в откровенном разговоре. Тут определенно имеет место внедренное в глубины подсознания школой, общественной и домашней обстановкой чувство самого низкого, животного страха и принципиальной своей виновности в любом конфликте с обществом.

Одно из самых сильных впечатлений, которое можно вынести из разговора с русскими студентами, — это их ощущение своей оторванности от остального мира, включая и страны социалистического лагеря. Им нередко хорошо известна политическая обстановка на Западе, в частности в США, но жизнь Запада им не кажется непосредственно связанной с их собственной. Советский Союз является миром в себе, миром, в котором каждый должен найти все элементы своей жизни, удовлетворить все свои потребности. Русскому молодому человеку почти невозможно анализировать явления советского строя из-за отсутствия конкретной точки сравнения. Если спросить у студента, какой он бы хотел политический строй, он чаще всего ответит — демократию, но редко может объяснить, что же дальше? Разговоры на общественные темы приводят часто к общей критике строя, еще чаще к критике тех его сторон, которые больше всего затрагивают данного собеседника (например, отсутствие свободы выбора места работы, отсутствие возможности путешествовать и т. д.). У каждого — ряд причин быть недовольным. Часто люди даже ясно видят, какие положительные ценности следовало бы

взять в основу общества: право, гуманность, свободу мысли, но редко кто способен связать эти начала с конкретной формой общественного порядка.

Может быть, причина такой обстановки, такого тупика, в отсутствии понятия самоценности личности, в трудности видеть себя не только как часть общества, но и общество как часть себя. Возможно, что увлечение Бердяевым в современной России и столь странные для западного человека попытки использовать его идеи для построения общества, основываются на том, что из всех философов русской «плеяды» Бердяев придавал самое большое значение личности человека и ставил даже Бога в зависимость от неё.

В современных советских условиях личная жизнь, обычно, идет самотеком, со своей собственной моралью, отличной от общественной, и часто ей противоположной. У людей два образа жизни, два способа мышления, и им очень трудно найти какое-нибудь связующее начало. Да они этого отнюдь не всегда хотят и, стараясь сберечь свою личную жизнь от вмешательства общественной, сами строят преграды. Эти два плана жизни не равны:

перевес в значительной мере на стороне общественного начала, которое всеми силами старается «деперсонализировать» чисто личные ценности, приписывая их искоренение воспитательному действию советского общества.

Особую роль в этом отношении играет миф Ленина. Часто на Западе ошибочно считают, что в Советском Союзе Ленин превращен в божество, и что его почитание носит характер религии. Дело, по нашему мнению, совсем в другом. Ленина не только не стараются превратить в божество, но, наоборот, стараются его как можно больше приблизить к людям, делая его родным, милым и любящим каждого советского человека. Он наделен чертами чисто человеческими, но всеми и в совершенстве. Он превращен в олицетворение идеального советского человека. Но — и это другой аспект его личности, не менее раздуваемый пропагандой, — он также является единственным основоположником государства, который сказал о нем все и предвидел все его развитие.

В образе Ленина пересекается план личного с планом общественного, даются все ответы на все вопросы настоящего и будущего,

социального и индивидуального. Легендарное время создания советской власти можно сравнить с «Большим временем» первобытных племен Полинезии, которое качественно отличается от обычного времени, носит священный характер, и периодически перестраивается жрецами племени, в соответствии с его общественным развитием. Характерная черта религиозного или, вернее, мифического сознания такого рода, что в нем отсутствует понятие веры, ибо все познаваемое, мифическое и реальное, находится в одном и том же плане сознания. Есть только знание, касающееся разных предметов. Применение методов мифологического и этнологического исследования к изучению некоторых явлений советской действительности могло бы привести к любопытным результатам. Как известно, миф, осознанный разумом как миф, прекращает свое развитие и существование.

Часто, в разговорах, русские молодые люди из среды интеллигенции остро сознают свой разрыв с остальными слоями общества, и их размышления об этом вопросе почти неизбежно приводят к осуждению косности, грубости и пассивности обывателей. По всей

вероятности, ощущение обособленности у интеллигенции в России сейчас не менее сильно, чем до 1917 года, скорее даже более, так как она отрезана и от внешнего мира, и не ждет от него понимания и поддержки.

Официальное низкопоклонство перед «народом» глубоко чуждо советским молодым людям, тем более радостно и удивительно часто встречать среди них любовь к России. Достаточно только подумать о всей казенщине, связанной в СССР с чувством патриотизма и национальной принадлежности. Интерес к стране и ее прошлому, который у молодежи Запада иногда почти полностью отсутствует, мог бы быть объяснен тем, что и учение различных аспектов прошлого страны есть область, где, под тонким слоем марксистско-советской оболочки, относительно легко можно докопаться до подлинных человеческих ценностей. Свидетельством тому, что в прошлом страны ищут и находят не только национальные ценности, служит тот факт, что молодые люди часто приходят к вере и Церкви через изучение и углубление ценностей прошлого.

Поиски истоков и корней могут также быть объяснены условиями жизни студентов в без-

личных общежитиях, с перспективой посылки по окончании учения в место, к которому не лежит сердце. Связь с коренными основами русской (и другой национальной) жизни является противоядием, убежищем от отсутствия личных, органических начал жизни.

Чтобы подытожить и обобщить вышесказанное о русской молодой интеллигенции, можно привести следующие соображения.

Революция 1917 года и строй, за ней следовавший, могут рассматриваться как попытка перестроить общество и, тем самым, человека, на принципе «бытие определяет сознание», сообразно с теоретическими основами, выработанными марксистской школой. Но дело в том, что революция переменяла условия жизни человека примерно по тому плану, по которому намечалось, но совсем не по этому плану изменила человека. Воздействие на человека происходило в материальной области его жизни, которая считалась единственно реальной. Нормальным последствием должно было быть перерождение человека путем

осознания в себе своих материальных начал и отстранения всяких «предрассудков», мешающих ему свободно развиваться.

На практике же, революция, коснувшись лишь поверхностного слоя человеческого бытия и придавая ему значение, которое он в онтологическом плане не имеет, привела к расслоению цельного человека, к отделению его материально-бытовых пластов от лично-духовных. Эта потеря цельности личности отразилась на ее дальнейшем развитии. Материальное «я», став единственно законным, породило в человеке «чувство вины» за остальные, «незаконные» пласты своего бытия и, порой, подавляет их путем низвержения в подсознание.

В области искусства претензии на тотальность материальной сферы действительности повлекли за собой поиски границ материального, поиски, которые характерны для течений начала двадцатых годов. Эти поиски действительно достигли пределов и, тем самым, доказали свою несостоятельность, так как потеряли весь свой потенциал, все свои жизненные силы, превратившись в пресловутый нынешний соцреализм. Подобным образом, во всех своих материально-догматических ас-

пектах, советский строй превратился в организм, лишенный духовных основ жизни и развития и обреченный лишь на самообслуживание, доживание и смерть.

Главный порок советского строя не в том, что он диктаторский, бесчеловечный и т. д., но в том, что он пуст, бессодержателен, подобен старой шкуре, покинутой своим обитателем. Как таковой, он лишен возможности развития. Именно поэтому его основы так старательно охраняются блюстителями порядка, чтоб первый попавшийся дубчек не наполнил старую шкуру новым содержанием, от давления которого она неизбежно лопнет.

И в этом плане встреча русской и западной молодежи может иметь решающие последствия для обеих сторон.

Две основные мысли руководят ищущей и бунтующей молодежью на Западе.

Во-первых, она отрицает стремление общества использовать ее как инструмент для достижения целей, несозвучных ее собственным. Молодые люди требуют быть принятыми обществом как сознательные «работники»,

сознательные и ответственные его строители. Призывы пролетариям «перестать быть пролетариями и стать рабочими», попытки пробудить потребность сознательности у всех слоев населения, уже не проистекают из экономических предпосылок, но должны осмыслять и определять их. Конечно, на Западе подобные лозунги не всегда соответствуют обстановке, но для современной России дух их носителей, да и они сами, имеют большое значение. Легко можно предвидеть сдвиг, который произойдет, когда появится у всех русских людей потребность постоянного осмысления условий своей жизни. Они, например, могут понять, что их раздвоенная жизнь не является природной необходимостью.

Вторая мысль — мысль о том, что встреча и познание других личностей, а также и самоуглубление, не только не связаны обязательно с общественными условиями, но часто идут с ними вразрез, что отношение к обществу именно и определяется самопознанием и взаимным познанием. Важно не то, что нужно обществу, а то, что каждому нужно в обществе. Не личность является средством

для построения общества, а общество должно быть средством для построения личности.

Нам кажется, что именно в этом лежит самое верное средство возрождения русского общества. Именно эти начала позволили чехословацкой молодежи, впитавшей в себя искания Запада и Востока, понятные для молодежи обеих стран, одержать самую блестящую победу — победу идеи против грубой силы.

Установление же контактов между русской и западной молодежью может быть чрезвычайно плодотворно и для той и для другой. Западные «революционеры» смогли бы преодолеть свою искусственную марксистскую фразеологию и идеологию, сравнить свои абстрактные схемы с советской реальностью и, если нужно, применить излишек своей энергии в борьбе с советскими «блюстителем порядка», действительно вредными и опасными. «Хиппи» смогли бы научиться у русской молодежи жертвенности и деятельной любви. Русская же молодежь смогла бы найти пути преодоления отчуждения своей личности.

ПОСЕВ Февраль 1970

Контуры нового мировоззрения

А. ПОРЕМСКИЙ

Десять лет назад, 18 марта 1960 года, трагически
погиб (в результате дорожной катастрофы)
Алексей Владимирович Поремский, работавший то-
гда ответственным секретарем редакции «Посева».
Ему не было еще 29-ти лет.

Углубляясь в самого себя, анализируя свои
познавательные способности, человек прихо-
дит к убеждению, что ни чувственное позна-
ние (сенсуализм), ни познание рассудочное
(рационализм) не обладают полноценностью.

Это видно, в частности, из того, что чувст-
венное познание нас нередко обманывает
(так, например, далекое расстояние приводит
к зрительному искажению величины наблю-
даемого предмета), что оно не способно про-
никнуть в такие реальности нашего опыта,
как математические законы, нравственные

Из книги: А. Поремский. Силой идеи. Изда-
тельство «Посев», 1961. — Р е д.

ценности и т. д.

Чисто рассудочное познание несостоятельно, в частности, в силу того, что оно механистично и аналитично, что оно неспособно узреть ощущаемую нашим духовным опытом целостность события, несводимую к сумме улавливаемых нашим рассудком явлений. Рассудочное познание с неизбежностью приводит нас к рациональным тупикам, к тому, что в философии называется антиномиями, т. е. к противоречиям, вытекающим с логической неизбежностью.

Всё это заставляет нас обратиться к *интуитивному* познанию, к глубинному вживанию в сущность познаваемого предмета. Интуитивное познание носит целостный характер, включая в себя не только физические, психические и духовные стороны познающего человека, но и самый предмет познания, который оно рассматривает как целостное явление. Интуитивное познание — это не автоматический (в духе, например, «теории отражения» марксизма-ленинизма), а творческий акт, это не только данная нам способность, но и бесконечное задание, понимаемое как бесконечное вживание в Истину. Одной из основных движущих сил интуитивного познания является любовь, без которой не-

мыслимо возрастание и углубление познания. Этот вид познания стирает грань между внешним миром и познающим человеком, ибо интуиция — не что иное, как творческая встреча познающего и познаваемого.

Интуитивный метод искони оплодотворял философию. В XX веке интуитивизм был наиболее полно и ярко изложен французским мыслителем Анри Бергсоном (1859—1941) и ныне здравствующим*) русским философом Николаем Онуфриевичем Лосским.

Какова же картина мира, которая рисуется нам на основании интуитивного познания?

Мир раскрывается нам как единство во многообразии. Мы видим различные ступени бытия — мир материальный, биоорганический, психический, социальный, идеальный и духовный. Каждая из этих ступеней обладает своим своеобразием, своими внутренними закономерностями. Вместе с тем, они тесно между собой связаны, воздействуют друг на друга, друг в друга проникают и друг друга дополняют. Такой взгляд на мир можно назвать *органическим*, ибо он подчеркивает первоцелостность мира.

*) Скончался 24.1.1965 г. — Р е д.

Отмеченную нами связь различных ступеней бытия можно также отразить термином *идеал-реализм*, подчеркивая этим самым связь двух сфер бытия — реальной и идеальной, т. е. сферы временно и пространственно обусловленного с надвременным и надпространственным бытием.

Говоря не только о многообразии, но и о ступенчатости бытия, мы как бы предпосылаем идею низшестояния и вышестояния, заложенную в структуре бытия. Иными словами, указанные нами выше пласты бытия представляют собою как бы ступени некой лестницы бытия. Таким образом, мы усматриваем *иерархическое* начало в структуре бытия, возрастание от низшей материальной ступени к высшей — духовной. Если духовное бытие нуждается в своем основании — в более низких ступенях бытия (как, например, человек для полноценности своего бытия нуждается в теле), то более низкие ступени фундированы (термин немецкого философа Макса Шелера), т. е. укоренены в более высоких. Вместе с тем, в этой взаимосвязи можно установить некие первичность и главенство за духовным бытием в смысле его временного предстояния и ценностного вышестояния. В этом смысле органический идеал-реа-

лизм прямо противоположен натурализму и материализму, которые все выводят из низшего, дух рассматривают как нечто вторичное по отношению к материи, и за материальными ценностями признают большее значение, чем за духовными.

Элементы органического и иерархического идеал-реализма мы в разные эпохи находим у столь различных мыслителей, как Платон, Гегель, Владимир Соловьев. Среди современных российских философов эту концепцию в наиболее близкой нам форме выразил С. А. Левицкий в своей книге «Основы органического мировоззрения».

Уже упомянутый нами мыслитель — Н. О. Лосский добавляет к понятию «идеал-реализм» эпитет «конкретный». Этим он отделяет отвлеченно-идеальное бытие от конкретно-идеального, т. е. вневременную идею от надвременного субстанционального деятеля (скажем, идею числа от живой человеческой личности).

Идея личности представляет собой ту отправную точку, которая может служить критерием возрастания ценности. Это личностное начало можно разложить на ряд составных элементов, например, на степень целостности, степень освобождения от закономерности

стей, степень способности действовать по целям, степень творческой энергии, степень преодоления времени и пространства, степень восприятия мира ценностей и т. д.

В этом смысле бытие может рисоваться в качестве постепенного возрастания личностного начала, идущее от бездушного материального мира, через концентрацию личностного начала в человеческом «я» к Абсолютной личности, которая на языке религии называется Богом.

Говоря о познании мира, мы исходили из человеческой личности. Говоря о космосе, о вселенной, мы ставили в центр нашего внимания ту же личность. Такое мировосприятие можно назвать антропоцентричным, сосредоточенным на человеке.

Антропоцентрическое мышление издавна свойственно философии. Мы можем, отчасти, найти его в диалогах Сократа в их платоновской интерпретации. Оно очень сильно в ранней христианской философии. В более позднее время мы встречаем его у Паскаля и Ницше. Разумеется, существовали и иные философские течения. Так, в XIX веке доминировал безличностный панлогизм Гегеля и столь же безличностный позитивизм, скажем, Огюста Конта. Однако в том же XIX веке

можно отметить реакцию на эти системы не только в лице уже упомянутого Фридриха Ницше, но и христианского экзистенциализма Сёрена Кьеркегора. В XX веке мы видим бурный расцвет экзистенциализма (правда, отнюдь не только в его христианской интерпретации), вышедшего далеко за пределы философии и оказавшего глубочайшее влияние на искусство, в частности, на литературу, живопись и музыку. Эта популярность экзистенциализма заставляет сказать о нем ниже несколько слов.

В центре экзистенциального философствования стоит не отвлеченная субстанция, а живой человек; не отвлеченная идея вечности, а то пересечение времени и вечности, в котором протекает свободный акт человеческой воли; не абстрактное бытие, а конкретное существование; не рационалистическая схема, а духовное переживание. Человек перед лицом Бога и Ничто, между бесконечностью и конечностью, переживая страх и «брошенность в мир», в дыхании беспредельной свободы и под тяжестью огромной ответственности; человек, выброшенный из колеи рутины и брошенный в мир решений — такая тональность экзистенциальной философии, знающей множество близких и чуждых

нам оттенков.

В порядке информации мы здесь укажем лишь на имена современных философов-экзистенциалистов — Карла Ясперса, Мартина Гейдеггера в Германии и Жана Поля Сартра во Франции. В России экзистенциализм носил особый характер, несводимый к западно-европейскому. В частности, среди русских мыслителей можно указать на Льва Шестова и Николая Бердяева.

Подводя итоги вышесказанному, мы можем указать на то, что вопросами познания, его достоверности и отношения к бытию занимается гносеология, включающая в себя теорию познания и логику. Вопросами бытия во всей его полноте занимается онтология или метафизика, а детальными проблемами — различные философские дисциплины, как-то: философия общества, философия истории, философия религии, философия искусства, философская антропология и т. д., а также различные естественные науки, как-то: физика, химия, биология, зоология и т. д. Интуитивизм и конкретный органический идеализм являются плодотворной установкой для исследования всех областей познания — сущего и должного. Однако последнее знание лежит в области непостижимого, к которому

можно лишь бесконечно стремиться, как бы асимптотически приближаться, не достигая его, однако, в пределах нашей земной жизни.

Но тут нас, в основном, интересует не познание, не сущее во всей его полноте, и даже не Абсолют, который является как бы зени-том, кульминационным пунктом всякого мировоззрения, а живая человеческая личность, с ее изнутри и извне заданным путем — таким, каким он является нашему интуитивному духовному опыту.

Тут мы склонны остановиться на *персонализме*, т. е. на учении, противопоставляющем себя любому другому учению, которое рассматривает человеческую личность как нечто вторичное, подчиненное, производное, лишенное самоценности. Таковы, например, материализм и, отчасти, спиритуализм, кладущие в основу бытия безличную материю или безличный же дух, не знающие тайны и ценности личности, подчиняющие ее отвлеченному закону, который на самом деле является не внешним, а внутренним, свободно признаваемым началом. Таков в плане социальном, например, коллективизм, который насильственно подчиняет личность интересам общества.

Персоналистические моменты мы находим

в ряде философских школ. В новейшее время эта линия была, быть может, яснее всего сформулирована в учении немецкого психолога и философа Вильяма Штерна, в частности, в его работе «Личность и вещь». Впоследствии в Германии персоналистическую концепцию защищал скончавшийся несколько лет назад Николай Гартман, а во Франции — Эмануэль Мунье. Среди русских философов, почти всегда близких к персонализму, можно указать, в частности, на Николая Александровича Бердяева.

Однако человеческая личность, обладая неповторимостью и самоценностью, не является чем-то замкнутым и законченным. Личность — не только реальная данность, но и идеальное задание. В этом смысле можно, например, говорить о «личноиде», как о становящейся личности. Личность не только не растет, если она пребывает в неподвижности, но саморазрушается и гибнет. В этом понимании личности персонализм, например, резко отличается от индивидуализма, который, провозглашая неповторимую ценность личности, не ставит ей творческих задач, не дает ей ориентировочных маяков, не указывает цели, в достижении которой личность только и становится таковой. Персонализм же, напротив,

усматривает основную ценность личности в том, что она способна свободно узреть свой вне ее лежащий долг и творчески ему служа, способна «придти к самой себе», совершать, актуализировать и совершенствовать свою сущность, приобретая и приумножая при этом свою ценность. Таким образом, персонализм выдвигает идею *служения* в качестве основной формы самостановления личности.

Идея служения в той или иной форме имеет немалое значение во многих этических построениях. Здесь мы лишь укажем на интересную работу Семена Людвиговича Франка — «Духовные основы общества».

Это служение, осуществляющееся через становление и самораскрытие личности, направленное на сверхличные верховные ценности, способно осуществляться лишь в свободе. Таким образом, понятие *свободы* — центральное понятие персоналистического мировоззрения.

Вместе с тем, свобода — нейтральная ценность. Она может быть направлена как на добро, так и на зло. Свобода знает свои отрицательные аспекты — анархию, произвол, которые способствуют не самораскрытию личности и ее творческому становлению, а ее

постепенному обеднению и разрушению. Значение свободы для личности можно сравнить со значением воздуха для биологического организма — он необходим для жизни, но он не является, вместе с тем, ее содержанием и целью. Так и свобода становится ценностью положительной или отрицательной в зависимости от того, каким содержанием ее наполняют. Свобода, как чистая возможность, теряет свой смысл. Она рождена не для сохранения, а для осуществления. Она ценна в решении, а не в воздержании от решения. Воздержание — это консервация, оскотление свободы, лишение ее смысла.

Идея свободы — несомненно одна из центральных проблем философии. Эту идею нельзя свести исключительно к проблеме индетерминизма и детерминизма, т. е. к проблеме свободы или несвободы человеческой воли. В этой области можно сослаться на очень интересный труд уже упомянутого Н. О. Лосского — «Свобода воли».

С понятием свободы теснейшим образом связана вся христианская мысль и, в частности, столь сложная проблема, как теодицея, т. е. оправдание Добра и объяснение зла в мире. В классической немецкой философии

мы встречаемся с очень интересным трудом Шеллинга, посвященным этой теме. Быть может, наиболее яркое обоснование детерминизма дал Барух Спиноза в своей «Этике». Среди более или менее современных детерминистических авторов можно указать на «Азбуку коммунизма» Бухарина. Страстным апологетом свободы был Н. А. Бердяев, утверждавший даже примат свободы над бытием. Очень интересные мысли на эту тему можно найти в труде русского философа Бориса Петровича Вышеславцева — «Философская нищета марксизма». Последней работой на русском языке, посвященной проблеме свободы, является, пожалуй, книга С. А. Левицкого «Трагедия свободы».

Быть может, самое красивое, что есть в человеческой жизни, это — жертва. Самая царственная жертва — это жертва свободы. Свобода рождена для жертвы. В этом ее трагизм и радость, ибо в свободной жертве свобода являет себя самое. В ней она не теоретически пребывает, а конкретно живет. Как жертва немыслима без свободы, так и свобода создана для жертвы, которая реализуется в служении. Причем жертва понимается нами здесь не как единичный акт, а как бесконечно творимый процесс, как самая жизнь

личности, которая, жертвуя свободой, осуществляет ее в каждом своем неповторимом акте.

В этом смысле идея *жертвенности* касается не только свободы, но и самой личности. Всякое служение есть трансцензус, — выхождение за свои пределы, а это не что иное, как жертва. Тут действует таинственный закон, согласно которому ценность личности возрастает сообразно ее выходу за свои пределы. В этом, может быть, основная тайна и главный смысл персонализма. Так, сократовское: «я знаю, что я ничего не знаю» открывает двери в подлинное познание, закрытое для всякого самодовольства. В этом смысл христианского: «потерявший душу, обретет ее», «первые да будут последними, а последние — первыми». Недаром в святоотеческой литературе можно найти определение святости, согласно которому она, в частности, является повышенным сознанием собственной греховности. Самоограничение есть условие роста. Уверенный в своем совершенстве неспособен к нему приблизиться.

Понятие жертвы сравнительно редко встречается в философии, хотя и очень тесно с ней связано. Так, еще на заре философии, почти

ничего не говоря о жертве, умер за свои убеждения один из величайших философов древности — Сократ. В мистике же, в мистической философии, жертва всегда имела огромное значение. Так, в частности, одной из самых ярких идей христианства, одним из наиболее одухотворяющих фактов истории человечества и того, что лежит за ее пределами, являлась жертва Спасителя — Иисуса Христа, умершего и воскресшего ради спасения всех людей и завещавшего: «нести больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

Как свобода, отрекаясь от своей потенциальности, от своей нейтральности, приходит к богатству своего осуществления, так и личность подлинно живет и обогащается в служении ценностям, лежащим вне ее. Служение самому себе — эгоизм — такое же обеднение личности, как и служение свободы самой себе. И то и другое — застой, отлучение от жизни и ее богатства.

Понятие служения неразрывно связано с творчеством. Так, служение может быть только творческим, а творчество всегда чему-то служит. Творчество — понятие противоположное работе. Работа выражается физиче-

ской формулой произведения силы на расстояние. Работу может осуществлять и машина и ветер. Работа не знает свободы и целенаправленности, она всецело причинно обусловлена. В самом же механическом человеческом труде, например, в системе конвейера, есть уже искры творчества, отрыв от чистой работы. С другой стороны, в столь творческой задаче, которая стоит, скажем, перед поэтом, есть элементы работы, связанности с пером и бумагой. Под абсолютным творчеством следует понимать деятельность абсолютной же личности, т. е. Бога, обладающего полной свободой, не нуждающегося ни в чем, лежащем вне Его, творящим из ничего. Таковым, согласно христианскому учению, было, например, сотворение мира. Таким образом, творчество рисуется нам в качестве бесконечного задания, в качестве возрастающего отрыва от механичности, от причинной обусловленности, в качестве преумножения свободы и внутренней полноты.

Удел человека — труд, понимаемый как отрыв от работы и преумножение творчества. Всякое служение — прежде всего творческий труд и в нем проявляет себя человеческая личность. Именно с таким пониманием труда связан замысел народно-трудового строя, по-

строение которого вытекает из обрисовываемого нами мировоззрения.

Говоря о служении и творчестве, мы естественно подходим к понятию ценности. В этом смысле развиваемую нами мировоззренческую установку можно назвать *аксиологической*, ценностноустремленной. Служение мыслимо только по отношению к ценностям. Служение и есть воплощение, осуществление ценностей.

Сфера ценностей столь же иерархична, как и бытие: ниже- и вышестояние внутриположено миру ценностей. Но, вместе с тем, ценности относятся не столько к миру сущего, сколько к миру должного. Немецкий философ Макс Шелер построил целую систему иерархического взаимоотношения ценностей. Так, в частности, он установил ступенчатую последовательность таких ценностей, как «полезность», «приятность», «витальность», «духовность», «святость». Он попытался установить в своей работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» объективное взаимоотношение ценностей. Но мы не будем входить во все эти тонкости. Мы укажем здесь лишь на то, что ценность — это качественное и, притом, обратимое понятие. Так, например, если качество «красный» не имеет

своей логической противоположности и, следовательно, не является ценностью, то «добрый», допускающий наличие своей противоположности — «злой», является ценностным суждением.

Отвлекаясь от всех сложностей построения аксиологической системы, мы позволим себе остановиться лишь на понятии верховных ценностей, т. е. тех ценностей, в служении которым, как мы говорили выше, раскрывает себя человеческая личность.

Исходя из вековой традиции человеческой мысли, мы можем сказать, что такими ценностями являются *Истина, Добро и Красота*. Что касается первой ценности, в ее сущностном аспекте, то на нее направлена онтология (как мы уже указали — учение о сущем), со всеми ее вспомогательными, как философскими, так гуманитарными и естественными науками. Второй верховной ценности посвящена этика — наука о нравственно должном, а третьей верховной ценности посвящена эстетика — наука о должном в области Красоты. Этим областям соответствуют — познание, добротворчество и художественное творчество. Этими задачами всегда мучилось человечество: они всегда рассматривались в качестве высоких и бесконечных заданий.

Эти задачи по-разному и в разные времена ставились человечеству, скажем, Платоном и Гёте. Их разрешали — философия, наука, законодательство, личный подвиг, художественное творчество. Указанные нами ценности, за редким исключением, — например, циничного писаревского «сапоги выше Шекспира!» — рассматривались в качестве высочайших целей, которые может себе поставить человек. Но за этими ценностями, которые знают разъединение (например, «истинное зло», «истинное безобразие», «благая ложь», «благая уродливость», «уродливая истина», «красивое зло»), человеческий дух невольно ищет их носителя (термин тоже принадлежащий Макс-у Шелеру, который различал между ценностями и их носителями), их всеобъединяющего источника. Таким Абсолютным источником ценностей может быть лишь то, что на языке философов называется Абсолютом, а на языке религии — Богом. В этом смысле Истина, Добро и Красота — не абстрактные идеи, которым «вынужден подчиняться» Бог, а то, что подчиняется Богу, Им нормируется, что является Его волением.

Как мы уже говорили, мы не намерены излагать здесь философию Абсолютного. В нашу задачу входило лишь указать на то, что

философия тендирует к идее Абсолютного, что она не может от нее отмахнуться, что в каком-то смысле это — центральная проблема вершин философии. Далее, мы хотели указать на то, что мировоззрение, о котором мы здесь говорим, имеет свои *религиозные* корни, что центральное для него — идея человеческой личности — носит в каком-то смысле религиозный характер (в духе учения о богоподобии человека) и от человека и через человека ведет к миру религиозных ценностей. Однако чисто религиозная тематика увела бы нас за рамки задач, поставленных настоящей краткой статьей.

Философия Абсолюта издревле интересовала человеческую мысль. Тут можно, с одной стороны, указать на так называемое апофатическое богословие (или философию), делающее ударение на непостижимость Абсолюта. Так, этим духом проникнуто учение Лао-Цзы, китайского мыслителя, основоположника даосизма; такова традиция индийской философии с ее пафосом Ничто; таковы построения греческого христианского мыслителя Дионисия Ареопагита. Из российских философов можно указать на книгу недавно скончавшегося С. Л. Франка «Непостижимое», показывающую, что на дне всякого

бытия есть некая непостижимая сфера. Вместе с тем, если никто из философов не говорил о возможности полного постижения Абсолюта, то многие шли путем, выраженным в словах средневекового философа Николая Кузанского: «Непостижимое постигается путем своей непостижимости», путем некоего асимптотического приближения к Абсолюту; бесконечно в Него вживаясь, с каждым шагом *приближения чувствуя и отдаление* — в силу опыта неисчерпаемости, рождающегося на путях богопознания. Путь религиозной философии — путь, которым шли очень многие мыслители, но, быть может, нигде религиозная философия не имела такого распространения, как в России. Почти все сколь-либо крупные русские мыслители уделяли внимание религиозной проблематике, начиная с Григория Саввича Сковороды (1722—1794) и кончая русским религиозно-философским Ренессансом начала этого века.

Одной из самых больших опасностей на путях человечества является искажение иерархии ценностей, замещение Абсолюта некой иной ценностью. В этом смысле следует понимать библейскую заповедь «не сотвори себе кумира». Таким «кумиром» в личной

жизни часто является материальное благополучие, поиски славы и т. д. Однако еще опасней, когда подобная подстановка происходит в идеологии целого коллектива. Так, история показала, к чему приводит абсолютизация «материи», «класса» — в коммунизме, или «крови», «силы», «нации» — в национал-социализме.

Одним из чрезвычайно сложных вопросов этики является вопрос о взаимоотношении целей и средств. В этом отношении надо сказать, что лозунг — «цель оправдывает средства» — является неприемлемым для персоналистического мировоззрения. Самым общим образом эта проблема разрешается в духе поиска гармонии между целью и средствами, что вытекает из замысла органического мировоззрения. В качестве частного аспекта этого вопроса можно указать на проблему сопротивления злу. Так, в истории русской мысли мы встречаемся с теорией непротivления злу у Льва Николаевича Толстого. С критикой этого несостоятельного, с нашей точки зрения, взгляда выступил, в частности, русский философ Иван Александрович Ильин.

Размеры настоящей статьи не позволяют нам, к сожалению, сколько-либо подробно остановиться на этических проблемах. Мы позво-

лим себе лишь указать на несостоятельность релятивистской морали марксизма-ленинизма (отсутствие абсолютных этических норм, «морально то, что служит интересам рабочего класса») и на то, что российская философская мысль, всегда очень чуткая к проблемам этики (одной из наиболее крупных работ в этой области является, пожалуй, «Оправдание Добра» Владимира Соловьева; из более поздних работ можно указать на «Этику преображенного эроса» Бориса Петровича Вышеславцева), всегда искала отнюдь не «классовую», а объективную этику.

Проблемы эстетики, пожалуй, менее разработанная область философии, чем этика. Меньше внимания уделялось ей и в российской философии. С точки зрения органического мировоззрения эстетические ценности неотрывны от других, они срачиваются с ними в своих глубинных истоках. В этом смысле чистое эстетство чуждо персонализму. Однако эстетика — это автономная область, которая не терпит над собой диктата, тем более, скажем, политического, в духе, например, «социалистического реализма».

Идее красоты многие российские мыслители

ли придавали большое значение. Так, например, писателю и мыслителю Федору Михайловичу Достоевскому принадлежит известная фраза о том, что «красота спасет мир». Уже упомянутый нами Вл. Соловьев, перекликаясь с Достоевским, писал: «Истина есть Добро, мыслимое человеческим умом; Красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение уже во всем есть конец, и цель, и совершенство».

То служение и то творчество, о котором мы говорили выше, то самораскрытие личности, о котором говорит персонализм, то воплощение и осуществление ценностей, в котором состоит верховная задача человека, — всё это происходит не в пустоте, а в человеческом обществе. Человек неразрывно связан с обществом, с другими людьми.

Взаимоотношения личности и общества — извечная проблема социальной философии. Существует два крайних ее разрешения — индивидуализм и коллективизм, утверждающие, в первом случае, примат личности над обществом, а во втором — примат общества над личностью. При индивидуализме мы имеем обеднение личности в силу ее самозамыкания, ее отрыва от общественного целого, ее

погрязания в эгоизме. В коллективизме мы видим явление обратное — обеднение общества, подавляющего и ущемляющего личность, отказывающего ей в свободе и своеобразии, которые только и могут обогатить общество. Это положение толкает нас к утверждению сотрудничества личности и общества, их взаимодополнения и совместного служения ценностям, носящим надличный и надобщественный характер. Такое учение, стремящееся к социальной гармонии на основании сотрудничества, называется *солидаризмом*.

Солидаризм можно рассматривать как производное от христианского учения о соборности, о таком единстве людей в справедливости, в правде, в Боге, при котором единство целого не нарушает свободы и своеобразия частей. Развитие этой идеи мы находим у святых отцов и учителей церкви, у русского мыслителя Алексея Степановича Хомякова, а также в уже упомянутой нами работе С. Л. Франка «Духовные основы общества». Однако сам термин «солидаризм» не российского, а западного происхождения. На Западе это учение разрабатывалось французскими мы-

слителями Леоном Буржуа и Шарлем Жидом, австрийцем Пешем, немцем Бёрнером и другими. С тридцатых годов этого века возникло самобытное солидаристическое движение, часть которого объединилась в революционную политическую организацию — Народно-Трудовой Союз.

Исходя из органического мировоззрения, солидаризм подчеркивает значение *нации* как автономного и органического социального сообщества. Однако нация рассматривается солидаризмом не в качестве самодовлеющей единицы, не как изолированный и шовинистически настроенный коллектив, а как часть вселенского целого, обогащающая это целое своим своеобразием.

Такое взаимоотношение нации и вселенскости лежит в традиции русской мысли, ее мы можем найти у ранних славянофилов и в статьях Вл. Соловьева, посвященных «русскому вопросу».

Общество живет и развивается во времени, в движении исторического процесса. *Историософия* — осмысление этого процесса — неотъемлемая часть завершенной философской системы. С точки зрения излагаемого нами

мировоззрения исторический процесс носит плюралистический характер, т. е. определяется множеством факторов (в противовес, например, марксизму, который склонен сводить всё многообразие факторов, определяющих исторический процесс, к экономике, к производственным отношениям, определяемым средствами производства). Среди этих факторов можно указать на мир идей, на который свободно отзывается человеческая личность, на общественные коллективы, на Провидение и, наконец, на материальные факторы (как-то география, биология и т. д.). Этот исторический процесс имеет свое задание, свою цель, которую мы склонны усматривать, в частности, в возрастании свободы, солидарности, справедливости, любви, в нравственном совершенствовании и духовном росте как отдельных личностей, так и человечества в целом. Однако этот исторический путь понимается нами не в духе механического прогресса, не в виде неизбежного развития по некоей прямой линии, а как бы в качестве поступательной кривой, каждый отрезок которой имеет отношение к вечности. Понятие вечности имеет вообще центральное значение для понимания времени, служащего канвой для исторического процесса. В этом смысле

солидаристическое мировоззрение носит *антиутопический* характер. Оно вдохновляется не порочной идеей «земного рая», стоившей человеку стольких разочарований и крови, а идеей бесконечного во времени, но в каждом своем отрезке самоценного совершенствования, устремленного к концу истории.

Историософии уделялось немало места в западной философии (особенно силен, например, историософский момент у Гегеля, откуда, между прочим, вышел историзм Маркса), однако интерес к этой проблематике был особенно заострен в российской философии, ибо эта тема очень тесно связана с этикой и религиозной философией, внимание к которым со стороны российской философии мы уже отмечали. Особенно близки нам в этой области элементы исторических построений В. С. Соловьева, П. И. Новгородцева (очень интересна его книга — «Об общественном идеале») и Б. П. Вышеславцева.

Таковы общие черты того мировоззрения, которое, по нашему убеждению, призвано сменить отжившую и человеконенавистническую доктрину марксизма-ленинизма. Разумеется, наша краткая статья не претендует

на научность (обоснование отдельных наших положений потребовало бы обширного исследования) и на полноту (здесь мы остановились лишь на некоторых моментах этого мировоззрения, да и то в очень общей форме). В нашу задачу входило лишь написание популярного очерка, посвященного тому мировоззрению, которое мы в разных планах называли органическим, идеал-реалистическим, персоналистическим и солидаристическим.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Михаил Булгаков
МАСТЕР И МАРГАРИТА

Полное издание. Без сокращений и вставок,
которыми советская цензура исковеркала это
замечательное произведение при публикации
его в журнале «Москва»

**В книге 500 страниц. Твердый переплет,
тиснённый золотом**

**Художественно исполненная цветная
суперобложка**

**Цена 22.50 нем. марки. В США и Канаде
— 6 ам. дол.**

Заказы направлять:

**Possev-Verlag, D-623 Frankfurt/Main 80,
Flurscheideweg 15**

Обезглавленная Москва

В. СОРОКИН

Московский Кремль вобрал в себя всё лучшее из достижений не только московских, но и киевских, новгородских, владимирских и суздальских мастеров. Он — не только архитектурный памятник. Его стены и башни, соборы и терема, дворцы и монастыри — это своеобразная каменная летопись.

Сделав Кремль местом своего постоянного пребывания, коммунистическая власть уничтожила добрую половину его исторических и архитектурных памятников. Некоторые древнейшие сооружения уничтожались не потому, что на их месте должно было строиться что-то более «нужное», а просто так, ради уничтожения...

Так погиб один из драгоценнейших памятников Кремля — церковь Спаса Преображения, известная в народе под именем Спаса на Бору. Одно ее название переносит нас за пределы десяти столетий. Место, где возникла церковь, было покрыто густым бором в те

дни, когда на Руси еще не было слышно о Москве. На склоне холма, на месте хижины какого-то Вукола, или Букола, была срублена церковь в честь Преображения. В 1330 году князь Иван Калита вместо деревянной соорудил новую, каменную церковь. На средства великой княгини Анастасии, супруги Калиты, Гайтан — старейшина иконников — с греческими и русскими учениками расписал ее внутренние стены. Иван Калита часто посещал свою любимую обитель и всячески украшал ее. Перед смертью он принял в ней иноческий чин.

В 1350 году сын и наследник Калиты — Симеон — пристроил к церкви придел и притвор, который служил княжеской усыпальницей.

Этот древний храм был ровесником Москвы. Здесь, между прочим, в 1392 году был похоронен сын Дмитрия Донского Иоанн, в иночестве Иосаф. Отправляясь на битву с Мамаем, Дмитрий Донской не преминул проститься здесь со своими предками.

При Николае I и Александре II в этом храме производились работы, имевшие целью восстановить его в первоначальном виде.

Эта обитель Спаса Преображения была тоже усыпальницей великих княгинь до тех пор, пока не был построен Вознесенский монастырь. Маленькая церковь Спаса Преображения, глубоко вросшая в землю от бремени веков, мешала почему-то советской власти. Ее разрушили. На склоне холма, где она стояла, сейчас растет трава...

По правую руку от Спасских ворот, при входе в Кремль, теперь стоит здание с колоннами, построенное в 1932 - 1934 гг. Оно предназначалось для школы ВЦИК, потом в нем помещался президиум Верховного совета СССР, а при Хрущеве его превратили в театр. Москвичи постарше, конечно, помнят, что на этом месте раньше находился Вознесенский монастырь — усыпальница наших великих княгинь и цариц. За ним виднелись купола другого монастыря — Чудова. Их обоих «народная власть» уничтожила...

Вознесенский девичий монастырь был основан супругой Дмитрия Донского — великой княгиней Евдокией, впоследствии инокиней Ефросинией. На семнадцать лет пережила она своего славного супруга, постриглась в воздвигнутой ею обители и там скончалась в 1407 году. С тех пор княгини российские, а

за ними царицы и царевны, не погребались больше в древней церкви Спаса на Бору, а находили место упокоения возле останков своей знаменитой прародительницы Ефросинии. Там, в Вознесенском соборе, между другими, были погребены мать и жены Ивана Грозного. Заложен был этот собор в год кончины основательницы обители и затем обновлен Петром Великим в 1721 году. Храм этот был как бы дополнением Архангельского собора и в нем продолжалась царственная летопись усопших. Но это были не гробы властителей нашей страны, а пристанище их тихих жён. Надо полагать, что в этом древнем соборе в продолжение столетий над гробницами горели свечи и теплились лампы. Ведь в грамотах XIV века встречается завет русских князей к их потомкам: «Чтобы не перестала память родителей и свеча над ними не угасала».

Кроме Вознесенского собора, на территории обители были и другие церкви. Была церковь преподобного Михаила Малина, сооруженная усердием первого царя из дома Романовых и его матери инокини Марфы. В этой церкви хранилось изваяние великомученика Георгия, стоявшее некогда на воротах

Кремля, в качестве герба княжества Московского.

В непосредственной близости от Вознесенского монастыря находился Чудов монастырь, именуемый Кафедральным. Он назывался еще «Ханский двор». Основан он был святителем Алексием, митрополитом Московским, в 1365 году. Об этом история повествует так. На место Московского митрополита должен был быть поставлен епископ Алексей. В связи с этим он отправился в Константинополь и там получил святительский сан от патриарха Филофея. На обратном пути его корабль застигла сильная буря. Святитель Алексей дал тогда обет воздвигнуть храм, если Господь спасет его от гибели.

По возвращении на Русь он был вызван в Орду для исцеления супруги татарского хана Чанибека — Тайдулы. Ей грозила слепота и она не могла нигде получить исцеления. Святитель Алексей ее исцелил. В знак благодарности хан подарил митрополиту перстень, служивший ханской печатью. Этот перстень, на котором был изображен дракон (татарский герб), давал митрополиту право на избрание места для построения монастыря. Выбор митрополита Алексея пал на участок земли, принадлежавший двору, в котором останавли-

вались ханские послы, приезжавшие на Русь. Тайдула подарила этот участок своему исцелителю. Святитель Алексей воздвиг там церковь во имя архангела Михаила, с приделом Благовещения в память чудесного исцеления Тайдулы. Отсюда и название — Чудов монастырь. Как сам ханский перстень, так и различные грамоты, в частности полученные от хана, до разрушения монастыря хранились в митрополичьей ризнице. Придел Благовещения был перенесен в 1686 г. в новую церковь, сооруженную при митрополите Андриане в честь святителя Алексея. Мощи святителя были перенесены в этот новопостроенный храм. Сейчас эти мощи находятся в Елоховском патриаршем соборе, куда их перенесли после разрушения Чудова монастыря. Обе церкви этого монастыря — Благовещения и святителя Алексея — имели прекрасные иконостасы, а в церкви святителя Алексея царские врата были серебряные, литые.

Почти шесть столетий стоял Чудов монастырь. Во времена патриархов он назывался Лаврою и был центром просвещения. В 1506 году туда прибыл ученый грек Максим, вызванный великим князем Василием Иоанновичем для разбора рукописей великокняжеской

библиотеки. Во времена патриарха Филарета в монастыре была создана школа, называвшаяся патриаршей, т. к. находилась в ведении самого патриарха. Первым учителем в ней был грек Арсений. Иноки Чудова монастыря занимались изучением греческого и латинского языков и переводом книг на русский язык. В их обязанность входило также исправление книг по греческим подлинникам.

Все русские государи, начиная с Дмитрия Донского, посещали эту обитель. Она была купелью наших монархов. В 1629 году здесь был крещен Алексей Михайлович, а в 1672 году — Петр Великий. Здесь же крестили и Александра Второго.

В одной из келий этого монастыря жил знаменитый инок Григорий, впоследствии ставший Дмитрием Самозванцем. Пушкин не раз посещал Чудов монастырь...

Современное описание Кремля и путеводители ничего об этих монастырях не упоминают. Не найти там следов и пяти кремлевских церквей, тоже по-видимому уничтоженных или превращенных в склады и другие «утилитарные» помещения. Это церковь в Боровицкой башне, церковь преподобного Иоанна Лествичника, Гостунский собор, цер-

ковь святых Константина и Елены и, наконец, церковь «Рождества Богородицы что на сенях».

Варварские разрушения времен Сталина продолжались и после него. В 1959 - 61 гг. уничтожено старое здание Оружейной палаты и часть Кавалерийских корпусов, выстроенных в середине XIX столетия. На их месте воздвигнут, в современном стиле, Кремлевский Дворец съездов. Нет сомнения в том, что в древнем Кремле такой постройке не место. Слишком резка разница между древним величием Кремля и современным, утилитарным назначением нового здания.

А что произошло вне Кремля? Разрушена живописная крепостная стена Китай-города, взорваны Воскресенские, Красные и Триумфальные ворота, снесена Сухарева башня. Из двадцати монастырей, существовавших в Москве, остался один (и то как музей) — Новодевичий, в котором внешне сохранились все церкви. Состояние нескольких других монастырей таково, что их никому не показывают. Из 450 церквей осталось не более 30, из которых несколько действующих.

Всё это власть замалчивает. Но когда снимался фильм «Война и мир», то, при вступле-

нии французов в Москву, не хватало фона. При продвижении войск по улицам города нужно было показать крупным планом хотя бы долю православной его особенности. Поэтому пришлось перенести часть съёмок под стены Иосифо-Волоколамского монастыря, на северо-запад от Москвы. Чудная его колокольня была взорвана отступающей Красной армией в 1941 году, но в монастыре сохранилось внешне несколько церквей. Стена монастыря и церкви послужили фоном для съёмок. На одном кадре фоном служит, сделанный из фанеры, одноглавый храм...

В тридцатых годах взорван один из старейших монастырей-крепостей России, Симонов монастырь. Расположенный на левом берегу Москвы-реки, в юго-восточном направлении, он был надежным стражем на подступах к Москве. Напоминанием о нем служат сегодня три сохранившиеся сторожевые башни. Одна из них — самая большая — носит название «Дуло», от имени татарского военачальника Дула, убитого у ее подступов во время одного из многочисленных набегов на Москву.

Этот Симонов монастырь был основан св. Сергием Радонежским в 1370 году. В 1379 году св. Феодор — племянник св. Сергия и

духовник Дмитрия Донского — перенес монастырь на новое место, отстоявшее от старого на четверть версты. Новый монастырь, по значению соборного храма в честь Успения Богородицы, стал именоваться — монастырь Пречистая Богородицы что на Симонове, а старый назывался Рождественским что на Медвежьем озерке или на Лисьем пруде.

Карамзин это Медвежье озерко, или Лисьин пруд, переименовал, в своей повести «Бедная Лиза», в Лизин пруд, в котором она и утопилась. С тех пор пруд этот сделался на долгие годы, до разрушения монастыря, излюбленным местом прогулок влюбленных.

Симоновский монастырь пользовался большим почитанием у удельных князей, царей и всего народа. Особенно заботились о нем Иван Грозный и Федор Алексеевич. До разрушения в стенах обители было шесть церквей.

Главным храмом был собор Успения Богородицы. Он существовал более 500 лет. Средний купол его был вызолочен червонным золотом. Внутри стены его были покрыты старинной росписью. В главном иконостасе находилась икона Господа Вседержителя древнего письма, в очень дорогом окладе.

Этой иконой св. Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. После битвы икона эта была привезена в Симонов монастырь вместе с телами двух убитых на поле брани иноков Ослябя и Пересвета.

Вторым замечательным храмом монастыря была Трапезная церковь, построенная царем Федором Алексеевичем в 1677 году. В этом храме был резной иконостас. Царские врата его были обложены серебром и позолотою. Стены и своды покрывала живопись.

Две чудотворные иконы Казанской и Тихвинской Божьей Матери были главными святынями монастыря. Обе они находились в Трапезной церкви. Где находится теперь Казанская икона — неизвестно. Тихвинский чудотворный образ хранится в церкви села Алексеевского, около сельскохозяйственной выставки, включенной в черту Москвы.

В монастыре погребено было много именитых людей: второй сын Дмитрия Донского — князь Константин Псковский, митрополит Варлаам, царь Симеон Бекбулатович, поэт Веневитинов, писатель Аксаков. Кладбище это уничтожено и могилы срыты.

Горькая судьба постигла в самой Москве историческое здание с проездными арками —

Воскресенскими или Иверскими воротами. Название свое ворота получили от надвратной иконы Воскресения Христова и чудотворной иконы Иверской Божьей Матери. Ворота эти находились в крепостной стене Китай-города, около Красной площади, при въезде на Тверскую улицу, а теперь улицу Горького.

Ворота построены были в царствование Федора Алексеевича в 1680 году. Сложены они были из крепостного тяжеловесного кирпича с железными связями и закрепами. В толстых стенах у обоих проездов до последнего времени уцелели пробои от двойных ворот, а в арках проездов — для опускных решеток, которыми закрывались эти проезды. Под зубцами воротных стен были видны осадные стоки, через которые осажденные лили на неприятеля кипяток, расплавленную смолу, серу и свинец.

Между проездными арками ворот, со стороны Тверской улицы, находилась часовня с иконой Иверской Божьей Матери, присланной в Москву Константинопольским патриархом в 1648 году. Все цари и императоры, въезжавшие в Москву на коронацию, останавливались у Иверских ворот, чтобы поклониться этой иконе. Петр Великий, празднуя

Ништадтский мир в 1721 году, торжественно въехал через эти ворота в Москву. Триумфальное шествие, состоявшее из целой флотилии, построенной наподобие настоящей, с распущенными парусами, прошло под их сводами под перезвон колоколов.

Ворота эти были снесены при расширении улицы, которую они перегораживали. Иверская икона находится теперь в храме Воскресения Христова что в Сокольниках.

Двое декоративных ворот — Красные и Триумфальные — постигла та же участь.

Впервые Красные ворота построены были со стеной земляного города и были деревянными. Красными назывались от цвета, в который были выкрашены. В царствование Петра I здесь совершалось празднование масленицы. Царь первый выпивал чарку за здоровье своего народа, садился за стол и начинал обед с тут же испеченных блинов.

Новые ворота, сменившие деревянные, сооружены были в 1742 году по случаю торжественного въезда в Москву для коронации императрицы Елизаветы Петровны. Строил их архитектор Ухтомский, по проекту которого построена также знаменитая колокольня в Троице-Сергиевой лавре. Ворота были выстроены из прочного камня, с вызолочен-

ной статуей «Славы» на их вершине... Сейчас здесь находится высотное здание, а площадь перед ним именуется Лермонтовской. Вряд ли поэт пожелал бы, чтобы его имя было приобщено к совершенному вандализму.

Триумфальные ворота, воздвигнутые в честь победы над Наполеоном, находились на Тверской улице (ныне Горького) около Белорусского вокзала. Их снесли при реконструкции города.

Тридцать семь лет понадобилось, чтобы вожди поняли всю бессмысленность этого варварского уничтожения. В 1969 году ворота эти восстановили на Кутузовском проспекте. Но о восстановлении других бессмысленно уничтоженных исторических памятников — не слышно...

Сегодня не все москвичи знают, что Сухарева башня существовала в их городе, была его исторической достопримечательностью. Ее снесли в кошмарные тридцатые годы.

В юные годы Петра Великого имел место второй бунт стрельцов. Полковник Сухарев и его полк остались, однако, верны царю и водворили в Москве порядок. Сухарева башня это был памятник верной службы и преданности. Воздвигнут он был в 1692 году на том

месте, где стоял полк Лаврентия Панкратовича Сухарева. Это было огромное здание с высокою восьмигранною башней и с проездными воротами под ней. Построено оно было по плану и чертежам самого Петра. Вскоре народ дал ему название «Невесты Ивана Великого».

Много легенд и действительных происшествий было связано с Сухаревой башней.

Знаменитый ученый граф Брюс — составитель Брюсова календаря — на этой башне производил наблюдения над движением небесных светил и планет. Народная молва, однако, приписывала ему колдовство: он якобы предавался кабалистическим опытам и составлял какой-то элексир бессмертия.

Говорили тоже, что в рапирном зале башни имели место заседания какого-то тайного общества «Нептун». Председательствовал Лефорт, царь был первым надзирателем, а царский духовник Феофан Прокопович первым оратором.

В 1812 году на Сухаревой башне случилось странное происшествие, которое рассказывалось многими очевидцами. За день до вступления французских войск в Москву над городом долго летал ястреб, лапы его были запу-

таны какими-то мочалами и веревками. Пролетая мимо Сухаревой башни, он запутался в крыльях двуглавого орла на шпиле. Долго бился, пытаясь освободиться, но, обессиленный, повис и издох. Народ, собравшийся смотреть на это, говорил: «Это недаром, беспрременно и Бонапарт запутается в крыльях русского орла». Народное предсказание оправдалось...

К уже уничтоженному в советское время прибавляются новые разрушения. Один только перечень разрушенных исторических объектов составил бы целую книгу — жуткую книгу. Возможно, что книга такая народом уже составлена и ждет своего часа быть опубликованной. В ней несомненно встанет и вопрос ответственности за эти деяния.

«Иродова закваска»

Б. В. Талантов о приспособленчестве официальных возглавителей Русской Церкви к атеизму)*

Последние годы истории нашей родины — годы становления православной общественности, годы пробуждения правосознания, годы борьбы за права и законность, охватившей широкую гражданскую общественность.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин вышел на улицу со своим плакатом «Уважайте собственную конституцию» 5 декабря 1965 года. Всего две недели отделяют этот его шаг от знаменитого письма московских священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина патриарху Алексию, которое было помечено 21 ноября 1965 года. Рост гражданского движения за права и законность в России и развитие сил церковной общественности идут с

*) Отрывок из книги: Глеб Рар. «Церковная общественность современной России»

Copyright, 1970, by „Possev“

тех пор параллельно, переплетаются между собой, образуют единый общественный процесс, — единую «Церковь людей доброй воли», по выражению псковского священника Сергия Желудкова.

Яркий представитель церковной общечеловечности современной России — Борис Владимирович Талантов.

Его имя стало широко известно в России и за границей после того, как группа мирян Вятской (Кировской) епархии в июне 1966 года обратилась к патриарху Алексию с открытым письмом и заявила о том, что «верующие Кировской епархии целиком и полностью поддерживают» выступление московских священников Н. Н. Эшлимана и Г. П. Якунина. Открытое письмо подписали 12 мирян Вятской епархии. На первом месте значится подпись Б. В. Талантова и указан его адрес: город Киров, улица Урицкого, дом 12, квартира 1.

После того, как открытое письмо попало и за границу, оно было опубликовано в № 82 парижского «Вестника Русского студенческого христианского движения». Комментируя «Вятский документ», Н. А. Струве в том же номере «Вестника РСХД» писал, что он — «первое *аминь*, произнесенное Церковью сло-

вам двух священников... Московские священники обобщили страдальческий опыт Русской Церкви за последние годы. Вятский документ — потрясающая иллюстрация к их обобщениям». Н. А. Струве видит в появлении «Вятского документа» и предшествовавших ему писем московских священников, почаевских монахов и других исповедников признак того, что в России, после 35 лет сталинщины, когда «было место только молчанию или сидению в лагерях», «снова ставится под сомнение вся религиозно-политическая линия митрополита Сергия».

И как ставится!

В 1967 году Самиздат начал распространять в России статью Б. В. Талантова «Сергиевщина или приспособленчество к атеизму». Подзаголовок статьи: «Иродова закваска». Автор начинает с упрека, адресуемого только что нами цитированному Н. А. Струве, который, по мнению Б. В. Талантова, в своей книге «Христиане в СССР»**) «как и другие на Западе, в общем одобряет деятельность патриарха Сергия». Б. В. Талантов полагает, что такая «неверная оценка... основана на том, что западным исследователям не-

**) N. Struve. „Les chrétiens en URSS“, Paris, 1963.

известны подспудные факты и явления Русской Православной Церкви».

Б. В. Талантов здесь ошибается. Очень многие «подспудные факты и явления» западным авторам известны. И на самом деле Н. А. Струве «и другие на Западе» не выражали одобрения политике митрополита, впоследствии патриарха Сергия, а лишь воздерживались от осуждения его деятельности, считая, что первой по этому вопросу должна высказаться сама гонимая Русская Церковь, а не церковные писатели за рубежом.

Устами мирянина Б. В. Талантова Русская Церковь заговорила:

«...Корни тяжелого церковного кризиса, который сейчас обнаружился, были заложены именно патриархом Сергием. В своем обращении к верующим 19 августа 1927 года митрополит Сергей изложил новые основы деятельности управления Церкви, которые были тогда же названы Е. Ярославским «приспособлением» к атеистической действительности СССР.

Приспособленчество состояло прежде всего в ложном делении всех духовных потребностей человека на чисто религиозные и общественно-политические. Церковь должна была удовлетворять чисто религиозные потребности граждан СССР, не затрагивая общественно-политических, которые должны были

разрешаться и удовлетворяться официальной идеологией КПСС. Общественно-политическая деятельность каждого верующего, по смыслу этого обращения, должна быть направлена на построение социалистического общества под руководством КПСС. В дальнейшем развитии это приспособленчество вылилось в теорию советских богословов, по которой коммунистический строй общества является единственным счастливым и справедливым, якобы указанным самим Евангелием. При этом не допускалось никакой критики (обличения) официальной идеологии, порядков и действий властей. Всякое обличение действий гражданских властей или любое сомнение в правильности официальной идеологии считалось отклонением от чисто религиозной деятельности и контрреволюцией. Церковное управление во главе с митрополитом Сергием не только не защищало верующих и церковнослужителей, попавших в концлагеря за обличение произвола и насилия гражданских властей, но и само, с рабской угодливостью, высказывалось за осуждение таких людей, как контрреволюционеры.

По существу, приспособленчество к атеизму представляло собой механическое соединение христианских догматов и обрядов с социально-политическими взглядами официальной идеологии КПСС (выделено Б. В. Талантовым). Фактически вся религиозная деятельность свелась к обрядам. Церковная

проповедь тех священнослужителей, которые строго придерживались приспособленчества, была совершенно оторвана от жизни, а потому оказывала ничтожное влияние на слушателей. В результате этого интеллектуальная, общественная и семейная жизнь верующих, воспитание молодого поколения остались вне церковного воздействия. Это таило большие опасности для Церкви и христианской веры. Нельзя поклоняться Христу и в то же время в общественной и семейной жизни говорить ложь, творить неправду, совершать насилие и мечтать о земном рае. Впоследствии приспособленчество к атеизму завершилось еретическим учением Хьюлетта Джонсона о новой религии, которая должна, по его мнению, заменить христианскую и явиться синтезом христианства и марксизма-ленинизма (см. Х. Джонсон, «Христианство и коммунизм», М., 1957 г.). Ныне абсурд учения Х. Джонсона очевиден».

Б. В. Талантов напоминает, что обращение митрополита Сергия 19 августа 1927 года произвело «тяжелое впечатление . . . как пресмыкательство перед атеистической властью». Напоминает и о том, что «епископы, осудившие обращение митрополита Сергия, скоро были арестованы и сосланы в концлагеря, где они и умерли», и указывает, что духовенство и миряне, отказавшиеся следо-

вать за митрополитом Сергием, образовали существующую и поныне «секту» ИПЦ — Истинно Православную Церковь. Впрочем, Б. В. Талантов ошибочно применяет здесь понятие «секты»: Истинно Православная Церковь хранит вероучение Церкви во всей чистоте и неповрежденности и должна рассматриваться, как полноправная часть Русской Церкви, сумевшая сохранить свою внутреннюю независимость и избежать подчинения органам атеистической власти.

Заключенные епископы с Соловков, митрополиты Кирилл Казанский, Агафангел Ярославский, Иосиф Петроградский, архиепископ Серафим Углицкий, епископы Варлаам Пермский, Евгений Ростовский, Дамаскин Глуховский, Дмитрий Гдовский, Сергей Нарвский, Василий Прилукский и многие, многие другие ценой своей жизни *предупреждали* митрополита Сергия о пагубности пути, на который тот встал и звал за собой Церковь. Мирянин Б. В. Талантов ровно 40 лет спустя *подводит итоги* пути, пройденному Церковью под руководством митрополита-патриарха Сергия и его преемника, патриарха Алексия:

«Многие и у нас, и на Западе считали и считают обращение митрополита Сергия вынужденным вы-

ступлением церковного управления в целях сохранения во время деспотии И. Сталина церковных приходов и церковнослужителей. **Но это неверно** (выделено Б. В. Талантовым). Коммунистическая партия увидела в этом обращении слабость Церкви, готовность нового церковного управления исполнять беспрекословно любые приказания гражданской власти, готовность выдать на произвол властей, под видом контрреволюционеров, церковнослужителей, дерзнувших обличать произвол и насилие. Вот как это оценил в 1927 году Е. Ярославский: 'С религией, хотя бы ее епископ Сергей прикрасил в какие угодно советские одежды, с влиянием религии на массы трудящихся мы будем вести борьбу, как ведем борьбу со всякой религией, со всякой церковью' (Е. Ярославский, «О религии», М. 1957 г., стр. 155).

Объективно это обращение и последующая деятельность митрополита Сергея была предательством Церкви (выделено Б. В. Талантовым). С конца 1929 года по июнь 1941 года происходило массовое закрытие и варварское разрушение церквей, аресты и осуждение тройками и негласными судами почти поголовно всех церковнослужителей, многие из которых просто были физически уничтожены в концлагерях.

В 1930 году папа Пий XI выступил перед миро-

вым общественным мнением с протестом против гонений на христиан в Советском Союзе. Как реагировал на это митрополит Сергей? Он в Богоявленском соборе города Москвы с крестом в руках выступил с заявлением, что в Советском Союзе никакого гонения на верующих и их организации нет и никогда не было. Отдельных священнослужителей и верующих, по его заверению, судят не за веру, а за контрреволюционные выступления против советской власти. **Такое заявление было не только чудовищной ложью, но и низким предательством Церкви и верующих. Этим заявлением митрополит Сергей прикрыл чудовищные преступления И. Сталина и стал послушным орудием в его руках (выделено Б. В. Талантовым).**

Хотя большинство епископов в 1927 году признало митрополита Сергия своим главой, однако в своей деятельности они не придерживались «Обращения» и в своих проповедях мужественно обличали произвол, беззаконие и жестокость гражданских властей, призывали народ твердо стоять за веру и помогать гонимым. Поэтому они за свои проповеди скоро были посажены в концлагеря и там погибли. Конечно, много церковнослужителей и верующих было посажено в концлагеря без всяких оснований, как потенциально опасные элементы. В этих условиях мужественное выступление митрополита Сергия в защиту правды и веры могло бы иметь боль-

шое значение для судеб Русской Православной Церкви, как имела большое значение для Польской Церкви мужественная борьба за веру и правду кардинала Вышинского в конце 1940-х годов.

Что же спас митрополит Сергей своим приспособленчеством и чудовищной ложью? (выделено Б. В. Талантовым). К началу второй мировой войны в каждой области осталось от многих сотен церквей 5-10. Большинство священников и почти все епископы (за исключением немногих, сотрудничавших с властями подобно митрополиту Сергию) были замучены в концлагерях. **Таким образом, митрополит Сергей своим приспособленчеством и ложью никого и ничего не спас, кроме своей собственной особы»** (выделено Б. В. Талантовым).

По словам Б. В. Талантова, восстановление церквей во время войны в гораздо меньшей степени может быть признано заслугой митрополита Сергия, чем полагают на Западе:

«Обращение митрополита Сергия к верующим гражданам СССР 22 июня 1941 года было воспринято истинно верующими как новое пресмыкательство перед деспотической властью и новое предательство интересов Церкви. **Все верующие в России считали и считают вторую мировую войну, как гнев Божий за величайшие беззакония, нечестие и гонения на христиан, имевшие место в России с начала Октябрьской революции** (выделено Б. В. Талантовым). По-

этому, в час грозных испытаний не напомнить народу и правительству об этом, не призвать народ к покаянию, не потребовать немедленного восстановления церквей и реабилитации всех невинно осужденных граждан СССР, **было великим грехом, великим нечестием.** Митрополит Сергей опять явил себя послушным орудием атеистической власти, которая в этот момент хотела использовать в своих целях религиозные чувства граждан с наименьшими для атеизма уступками.

Восстановление церквей в определенных и узких пределах было государственной политикой И. Сталина, а не результатом деятельности митрополита Сергея. В то время в народе и в армии открыто говорили о коренных изменениях внутренних порядков в стране. Народ надеялся, что сразу после окончания войны будут объявлены: свобода занятий и, в частности, роспуск колхозов, свобода партий и свобода совести. Открытие церквей было той костью, которую И. Сталин бросил народу, утомленному войной и голодом. Само открытие церквей происходило под контролем госбезопасности. Эти же органы подыскивали часто священников из числа тех, кто остался на свободе или отсидел свой срок заключения ... Во многих областях патриархия и новые епископы никакого участия в открытии церквей не принимали. Были случаи, когда новые епископы под тем или иным предлогом даже противо-

действовали открытию церквей и назначению в приходы священников, сидевших в концлагерях. Восстановление церковной жизни было неполным, внешним и временным. С 1949 года (выделено Б. В. Талантовым) КПСС стала незаметно переходить к новому давлению на Церковь.

Итак, открытие церквей в узких пределах не было делом рук патриарха Сергия или патриарха Алексия, но это открытие совершала сама атеистическая власть под давлением простого народа для успокоения его» (выделено Б. В. Талантовым).

Б. В. Талантов приводит примеры новых епископов, которые «хорошо усвоили Иродову закваску, то есть приспособленчество к сильным мира сего» и приводит дословную выдержку из проповеди, которую 28 мая 1967 года произнес епископ Кировский Владимир: «Мы должны приспособляться к новым обстоятельствам и условиям жизни подобно ручейку, который, встречая на своем пути камень, обходит его. Мы живем вместе с атеистами и должны считаться с ними и не должны делать ничего, что им не нравится». И к этому Б. В. Талантов добавляет: «Интересно, что Б. В. Талантову в КГБ 14 февраля 1967 года сказали почти то же самое: 'Вы, — сказал сотрудник КГБ, обращаясь к Талантову, — требуете открыть все закрытые церкви, но

вы живете вместе с атеистами и должны считаться с их желаниями, а они не желают, чтобы были открыты церкви'».

Свою статью Б. В. Талантов заканчивает решительным осуждением книги «Правда о религии в России», изданной Московской патриархией:

«В этой книге патриарх Сергей и митрополиты Алексей и Николай категорически утверждают, что в СССР никогда не было гонений на христиан, ... что епископы и священники в 1930-1941 годах были осуждены советскими судами исключительно за контрреволюционную деятельность... Чудовищная ложь этого утверждения видна уже из того, что очень многие священники, расстрелянные и погибшие в концлагерях при И. Сталине, были реабилитированы при Н. С. Хрущеве. Самые мужественные борцы за правду и христианскую веру объявляются в этой книге раскольниками, политиканами и чуть не еретиками. Эта книга должна быть предана проклятию; она будет вечным позорным памятником патриарху Сергию. **И теперь мы с полным основанием приспособленчество к атеистической власти можем назвать именем митрополита Сергия — сергиевщиной** (выделено Б. В. Талантовым).

Спасло ли приспособленчество (сергиевщина) Русскую Православную Церковь? Из изложенного ясно, что оно не только не спасло во времена деспотизма

И. Сталина Русскую Православную Церковь, но, наоборот, способствовало потере подлинной свободы совести и превращению церковного управления в послушное орудие атеистической власти (выделено Б. В. Талантовым).

Категорическое отвержение кардиналом Вышинским приспособленчества к атеистической власти и его последовательная и твердая борьба за евангельскую правду и подлинную свободу совести привело к тому, что сейчас в Польше Церковь действительно независима от государства и пользуется значительной свободой.

Итак — ложью нельзя защищать Церковь.

Приспособленчество — маловерие, неверие в силу и промысел Божий.

Приспособленчество не совместимо с истинным христианством, так как в основе его лежит ложь, угодничество сильным мира сего и ложное разделение духовных потребностей на чисто религиозные и общественно-политические. По учению Христа вера должна направлять интеллектуальную, семейную и общественную жизнь каждого христианина».

Это — программа, которую сам Борис Владимирович Талантов ставит перед возрождающейся церковной общественностью России.

ПОСЕВ Май 1970

ПОКУШЕНИЕ У КРЕМЛЕВСКИХ ВОРОТ ДЕЛО ИЛЬИНА

В январе прошлого года у Боровицких ворот Кремля, при встрече летчиков-космонавтов, было произведено несколько выстрелов по второй автомашине правительственного кортежа, в которой находились товарищи вернувшихся из космоса летчиков (а по первоначальному порядку второй следовала автомашина с Брежневым и Подгорным).

В опубликованном через день сообщении ТАСС коротко говорилось о «провокационном акте», а о действовавшем лице было только сказано: «Стрелявший задержан на месте преступления. Производится расследование» («Посев» № 2, 1969, стр. 2).

С тех пор, в течение четырнадцати месяцев, власти хранили молчание, хотя по Москве с первых же дней пошли слухи, что речь идет об армейском лейтенанте Ильине, из Ленинграда.

Теперь, 21 марта с. г., в «Известиях» появилась следующая короткая информация:

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

Как уже сообщалось в печати, 22 января 1969 года в гор. Москве во время торжественной встречи летчиков-космонавтов неизвестный гражданин, находившийся среди публики, произвел несколько выстрелов по автомашине, в которой следовали летчики-космонавты тт. Береговой, Николаева-Терешкова, Николаев и Леонов. В результате водитель автомашины был смертельно ранен и легкое ранение получил мотоциклист, сопровождавший кортеж. Стрелявший задержан. Им оказался Ильин, 1947 года рождения, житель гор. Ленинграда. В процессе расследования была проведена судебно-психиатричес-

кая экспертиза, в которой участвовали действительный член Академии медицинских наук СССР А. В. Снежневский, члены-корреспонденты Академии медицинских наук СССР В. М. Морозов и Г. В. Морозов и другие ученые-психиатры. Экспертизой установлено, что Ильин страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении. Рассмотрев материалы следствия, заслушав заключение экспертов и допросив свидетелей, суд признал, что Ильин совершил общественно опасные действия в состоянии невменяемости.

Учитывая, что Ильин является лицом социально опасным, суд принял решение изолировать его от общества и направить на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа.

А. В. Снежневский — директор Института психиатрии Академии медицинских наук СССР. **В. М. Морозов** — заведующий кафедрой психиатрии в Центральном институте усовершенствования врачей и консультант одного из главных управлений в Министерстве здравоохранения СССР. **Г. В. Морозов** — директор Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии имени профессора Сербского.

Показательно, что не упомянут Лунц Д. Р. — профессор, со сталинских времен и поныне заведующий в Институте им. Сербского «отделением спецэкспертизы», для политических, являясь одновременно сотрудником КГБ: он славится за самого беспринципного ученого-охранника, готового дать любое психиатрическое заключение, по указанию властей (см. «Посев» № 8, 1969, стр. 6).

ПОСЕВ Апрель 1970

СУД НАД П. Г. ГРИГОРЕНКО

27 февраля суд вынес определение (приговор — только для вменяемых) по делу П. Г. Григоренко, признав его лицом, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 70 и ст. 190¹ УК РСФСР и ст. 191⁴ УК УзССР, в состоянии невменяемости; освободить П. Г. Григоренко от уголовного наказания и поместить его в психиатрическую лечебницу специального типа в Казани, до выздоровления.

Адвокат Каллистратова подала на кассацию.

ПОСЕВ, ЧЕТВЕРТЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Июнь 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ ГОДАМИ

Вас. Гроссман
Все течет...

Социально-критическое произведение, недавно
вышедшее в Самиздате, автора на шумевшего
романа «За правое дело»

Художественное оформление. В книге 208 стр.
Цена в твердом переплете 18.80 н. м., в мягком
— 15.50 н. м. В США и Канаде — 6.30 ам. дол.
и 5.20 ам. дол.

Это — обращение к мировой общественности жены
генерала Григоренко, Зинаиды Михайловны
Григоренко

СВОБОДОЛЮБИВЫЕ ГРАЖДАНЕ МИРА!

Из-за тюремной решетки, из-под усиленной охраны дошло до меня письмо моего мужа Петра Григорьевича ГРИГОРЕНКО. Письмо — хроника. Записи того, что произошло с мужем за 10 месяцев пребывания в подвале ташкентского КГБ и в тюремной камере московского Института судебной психиатрии. Хроника издевательств и произвола. Хроника мужества и убежденности. Хроника страданий.

Как спасти мужа? 13 января 1970 г. я отправила письмо А. Н. КОСЫГИНУ. Написала о злодеяниях, чинимых над моим мужем; о дикой расправе, которая обрушилась на П. Г. ГРИГОРЕНКО за его демократические убеждения, за критику сталинщины. Я просила премьер-министра способствовать избавлению ни в чем не повинного человека от дальнейших мучений и гибели.

27 февраля 1970 г. в Ташкенте был вынесен судебный приговор по делу П. Г. ГРИГОРЕНКО. Виновен по статьям 70 и 190¹ УК РСФСР и по ст. 191⁴ УК УзССР. За деяния свои не отвечает, ибо невменяем. Подлежит принудительному лечению в тюремной психиатрической больнице г. Казани.

Таким образом, суд подтвердил заключение Института им. Сербского о невменяемости П. Г. ГРИГОРЕНКО (то есть заключение второй экспертизы, на которую следствие направило мужа после того, как первая — ташкентская — экспертиза признала его психически здоровым). Приговор обрек П. Г. ГРИГОРЕНКО на самое страшное, что может случиться с нормальным человеком...

Все, кто знаком с П. Г. ГРИГОРЕНКО, кто читал его произведения (военно-исторические исследования и открытые письма в защиту гражданских прав), все знают, что главная отличительная черта моего мужа — это ясность ума, здравомыслие. Но трезвость мышления у П. Г. ГРИГОРЕНКО совмещается с редкой способностью мыслить последовательно и честно, додумывать до конца. Вот за это

свойство — за бескомпромиссность разума и совести — муж и объявлен умалишенным. За это и обрекли П. Г. ГРИГОРЕНКО на участь, от которой, действительно, можно сойти с ума...

Это уже проделывали с ним раньше, в 1964-65 годах. Заключение о невменяемости. Ленинградская психобольница-тюрьма. Помню свидания в этой больнице. Под конвоем ведут к родственникам группы больных. Вот и муж. Мы рядом, и, кажется, можно на час отрешиться от окружающего кошмара. Вдруг раздается истошный вопль, и один из приведенных с искаженным лицом бросается на родных. «Он убил троих, — говорит мне муж, — во время припадков проявляет большую силу». В одной камере с мужем сидел человек, зарезавший шестилетнюю дочь; он был, как животное. Таково окружение: маньяки, убийцы, дегенераты. А есть кое-что пострашней — методы «лечения»...

Теперь этот ад предстоит мужу снова. Никому не известно, сколько лет. Но мне хорошо известно, что 62-летний инвалид долго этого ада не выдержит.

Следствие добилось своего: суд прошел без

подсудимого. ГРИГОРЕНКО был лишен права защищать себя. И стыные он — в качестве безумца — лишен вообще каких бы то ни было человеческих прав. Если бы ГРИГОРЕНКО выступил на суде, обнаружились бы, во-первых, все допущенные следствием беззакония (в их числе — избияения ГРИГОРЕНКО при искусственном кормлении), а во-вторых, обнаружилаь бы несостоятельность обвинения. Муж никогда не лгал и не клеветал (ст. 190¹), никогда не агитировал против советской власти (ст. 70), он лишь открыто и бесстрашно выступал против последствий сталинизма в нашей стране. За это и постигла его кара, ни с чем не сравнимая по бесчеловечности и цинизму.

ЛЮДИ! ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ГРИГОРЕНКО ГРОЗИТ СМЕРТЬ!

Я ОБРАЩАЮСЬ КО ВСЕМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ЗАЩИЩАЮЩИМ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, И КО ВСЕМ СВОБОДОЛЮБИВЫМ ГРАЖДАНАМ МИРА!

ПОМОГИТЕ СПАСТИ МОЕГО МУЖА!

СВОБОДА КАЖДОГО — ЭТО СВОБОДА ВСЕХ! 3 марта 1970 г. З. М. ГРИГОРЕНКО

ПОСЕВ Апрель 1970

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА В ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ БОЛЬНИЦУ*)

Вечером 29 мая из своей квартиры в г. Обнинске Калужской обл. был увезен в городскую калужскую психиатрическую больницу для «экспертизы» и «наблюдения» Жорес Медведев.

Группа работников милиции во главе с майором, главный врач Калужской психобольницы *Лившиц* и психиатр г. Обнинска *Кирюшин* вошли в квартиру и, не предъявив ни документов, ни заключения врачей, потребовали, чтобы Ж. Медведев поехал с ними в Калугу на психиатрическую экспертизу. Он отказался, сказав, что не будет оказывать сопротивления, но и добровольно не уйдет из своего дома. Находившиеся там коллеги Ж. Медведева стали упрекать работников милиции в нарушении законности, на что майор ответил: «Мы — орган насилия, а вы можете жаловаться куда угодно». На глазах жены, детей и друзей Ж. Медведеву скрутили руки и увели его. Ж. Медведев никогда ника-

*) В изложении событий использованы подробные записи Роя Медведева.

кими нарушениями психики не страдал и к психиатру не обращался.

Жорес Александрович Медведев — известный биолог и публицист. Его научные заслуги в области генетики признаны биологами всего мира. Он автор нескольких книг и более 100 научных статей. Широким кругам общественности в СССР и за рубежом Ж. Медведев известен своей работой по истории биологической дискуссии в СССР (первоначальное название «Культ личности и биологическая наука»). Недавно им закончена большая работа «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» (см. Хронику № 12). В 1969 г. Ж. Медведев без соблюдения законных формальностей был уволен по требованию Обнинского горкома КПСС из НИИ медицинской радиологии, и в течение девяти месяцев ему не выдавали необходимых документов для устройства на работу. После трехкратного вмешательства прокуратуры Ж. Медведев получил весной 1970 г. необходимые документы и направил их на конкурс в Институт медицинской генетики в г. Москве. Конкурс должен был состояться в начале июня.

Ж. Медведева забрали в психобольницу

вечером в пятницу, накануне двух выходных дней.

Его брат, Рой Медведев, крупнейшие биологи и другие ученые пытались обратиться в Минздрав СССР и РСФСР, в ЦК КПСС и КГБ, но безрезультатно. Везде отвечали: «Звоните в понедельник».

На воскресенье, 31 мая, была назначена психиатрическая комиссия из Москвы.

30 мая. Брату Ж. Медведева, его жене и друзьям удалось увидеть Жореса в больнице. Он был помещен в общую палату с действительно больными людьми.

Главный врач калужской больницы Лившиц не назвал никакого диагноза.

ПОСЕВ, ПЯТЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Ноябрь 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

**Подготавливаются к выпуску
следующие книги:**

Е. ОЛИЦКАЯ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Молодой, почти девочкой, пришла Олицкая в партию эсеров. История, облик, судьба партии находят свое отражение в судьбе и облике автора. Воспоминания детства и юношества обрываются первым арестом и продолжаются тридцатилетним путем по тюрьмам и лагерям.

ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЕХ

Дело Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского, Веры Лашковой

Документы. Записи. Комментарии.

МИЛОВАН ДЖИЛАС

РАЗГОВОРЫ СО СТАЛИНЫМ

Перевод с сербскохорватского. Книга включает также статью автора, написанную по поводу девяностолетия со дня рождения Сталина.

„Духовное убийство“

Выступление А. Солженицына

ВОТ КАК МЫ ЖИВЕМ: безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача. Врачи заявляют, что он — помешанный, майор милиции кричит: «Мы — орган насилия! Встать!», крутят ему руки и везут в сумасшедший дом.

Это может случиться завтра с любым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым — ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души (лично знаю его бескорыстную помощь безвестным погибающим больным). Именно разнообразие его дарований и вменено ему в ненормальность: «раздвоение личности»! Именно отзывчивость его на несправедливость, на глупость и оказалась болезненным отклонением: «плохая адаптация к социальной среде»! Раз думаешь не так, как положено, — значит ты ненормальный! А адаптированные — должны думать все одинаково. И управы нет — даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются как от стенки горох.

Да если б это первый был случай! Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более — неизвестных. Угодливые психиатры, клятвопреступники, квалифицируют как «душевную болезнь»: и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и избыточное хладнокровие, и слишком яркие способности, и недостаток их.

А между тем даже простое благоразумие должно было бы удержать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть д у х о в - н о е у б и й с т в о, это вариант г а з о в о й к а м е р ы, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся н и - к о г д а, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно.

И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, где человек переступает в людоеда!

Это — куцый расчет, что можно жить, по-

стоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести.

15 июня 1970 г. А. СОЛЖЕНИЦЫН

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
В СПЕЦЛЕЧЕБНИЦЕ КГБ

Из Москвы сообщают, что 7 июля московский городской суд приговорил Наталью Горбаневскую к принудительному «лечению» в психиатрической лечебнице особого типа, подчиненной КГБ. Дело рассматривалось в отсутствие подсудимой. Не были допущены в зал суда и иностранные журналисты и пришедшие друзья Горбаневской. Горбаневскую, участницу демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади, обвиняли в антисоветской агитации и клевете на советский строй, а также в том, что она — один из издателей «Хроники текущих событий», выходящего в СССР вольного журнала.

Двое, из присутствующих у здания суда, были задержаны за попытку подслушивания судоразбирательства.

Признав Горбаневскую «невменяемой», суд осудил ее на бессрочное заключение в «лечебницу» КГБ, истинное назначение которой известно нашим читателям из показаний В. Я. Тарсиса и из записок генерала Г. П. Григоренко, опубликованных в № 4 «Посева» за этот год.

О событиях, фактически приведших к преследованию Горбаневской, она сама рассказала в только что вышедшей в нашем издательстве книге «Полдень».

Наталья Горбаневская — мать двоих малолетних детей.

ПОСЕВ Июль 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

ПОЛДЕНЬ

Белая книга, посвященная процессу над демонстрантами, выступившими 25 августа 1968 г. на Лобном месте с протестом против оккупации Чехословакии.

МЕМОРАНДУМ АКАДЕМИКА САХАРОВА

Текст, отклики, дискуссии

Второе, расширенное издание.

МИЛОВАН ДЖИЛАС

РАЗГОВОРЫ СО СТАЛИНЫМ

Перевод с сербскохорватского. Книга включает также статью автора, написанную по поводу девяностолетия со дня рождения Сталина.

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

ФИЛОСОФСКАЯ НИЩЕТА МАРКСИЗМА

Классический труд по критике марксизма.
Четвертое издание.

Врач — высокое призвание

С. КИРСАНОВ

«Человек-врач равноценен нескольким
людям других занятий».

Гомер, «Илиада».

Отношение к врачу — человеку, обладающему знаниями, которые позволяют ему облегчать страдания и исцелять болезни других, было всегда, с первых проблесков человеческой культуры, выделяющим его из всех других профессий. Примером тому может служить стих из «Илиады», приведенный выше.

В тот же античный период были сформулированы и этические нормы поведения врача при выполнении своего долга. Эти нормы, — так называемая клятва, или присяга, Гиппократ, — содержат в себе, наряду с преходящими, ряд нестареющих принципов, которыми руководствовались врачи на протяжении двух с половиной тысячелетий. Приведем важнейшие из них:

«Я буду всегда применять знания об основах жизни, приобретенные мною, только на пользу и для излечения больных, но никогда не во вред или во зло для них».

«Я буду мою жизнь и мое искусство сохранять в чистоте и честности».

«То, что я узнаю о людях, услышу или увижу во время моей практики, я никогда не сообщу никому дальше, а буду сохранять в тайне».

На этих основах развивалась медицина и врачебная практика и у нас в стране. Достаточно вспомнить высокий морально-этический уровень наших земских врачей. Звание врача всегда означало в первую очередь призвание и морально-этические обязательства и только во вторую очередь служило профессией для заработка.

К сожалению, общественное развитие за последние десятилетия во всем мире идет в направлении упадка ощущения врачом своей деятельности как морально-этического жизненного призвания, при расцвете отношения к ней как к профессии для обеспечения своего жизненного уровня. Происходит коммерциализация медицины.

Параллельно этому происходит и бюрократизация деятельности врача, что связано со введением всеобщего больничного страхования и аналогичными институциями. Особенно сильно эта бюрократизация проявляется в странах социалистического лагеря, где вся медицинская помощь сосредоточивается в руках государства — с исключением как частной врачебной практики, так и (что особенно важно) работы медицинской общественности. Как противовес коммерциализации, социальные мероприятия государства оправданы, необходимы и даже желательны — при условии, однако, что государство не поглощает и не подавляет самостоятельной деятельности врачей и медицинской общественности.

Но в тоталитарных государствах, — таких, как нацистская Германия или коммунистический СССР, — происходит дальнейшее сращивание медицины с госаппаратом, и дело доходит до того, что определенная категория врачей работает в органах террора, идентифицирует себя с органами террора и идет на выполнение любых заданий этих органов, даже с личным «творческим» вкладом в террористическую технику.

Таковыми открыто выступившими в этой роли медиками были «кацетные врачи» или

«эсэсовские врачи» в гитлеровской Германии. Они ведали медицинскими учреждениями в нацистских концлагерях, и им были не чужды преступления, творившиеся над заключенными, — такие, например, как умерщвление «научно-обоснованными» способами, вроде инъекции фенола (или бензина) в вены, замораживания в холодильниках, в целях решения «научной» проблемы предельного охлаждения человеческого организма, и т. д. (не говоря уже о газовых камерах, которые были рутиной).

Категория «эсэсовских врачей» — одно из самых страшных и позорных явлений, оставшихся в памяти народов от нацизма. «Эсэсовские врачи» были одними из самых одиозных обвиняемых на судебных процессах над гитлеровскими преступниками. Наиболее сильные художественные произведения обличают их деятельность ярче, чем деятельность чиновников Гестапо.

Известно, чего можно ожидать от Гестапо и «СД» в гитлеровской Германии, от «ССД» в ульбрихтовской ГДР, от ЧК или КГБ в коммунистическом СССР, а также известно, что в любом народе находятся люди с преступными наклонностями, заполняющие ряды сотрудников таких учреждений: был бы «идейный»

режим, а заплечные исполнители найдутся.

Но совершенно другое дело — врачи; к ним предъявляются повышенные морально-этические требования, как это было со времен Гиппократы. А деятельность «эсэсовских врачей» отражена не только в художественной литературе, ей посвящено много научно-исторических исследований на разных языках мира. В частности, польский научный журнал «Пшеглонд лекажски» («Медицинское обозрение»), в Кракове, периодически посвящает специальные выпуски вопросам медицины в нацистских концлагерях, описывая как героическую помощь врачей-узников своим собратьям-заключенным, так и преступную деятельность «эсэсовских врачей».

Перейдем теперь к весьма актуальному вопросу о работе врачей в системе органов террора при коммунистическом режиме в СССР.

В период многомиллионных концлагерей сталинской эпохи врачи-заключенные также самоотверженно старались облегчить участь своих товарищей по судьбе. Бывали случаи сотрудничества так называемых вольнонаем-

ных врачей с концлагерной администрацией, но тогда это было исключением; большинство даже из вольнонаемных врачей чувствовали себя в первую очередь врачами, а лишь потом служащими «органов», и отождествления врача с чекистом, как правило, в те времена не было.

Положение, по-видимому, изменилось в послесталинскую эпоху, еще при «волюнтаристе» Хрущеве. Со второй половины пятидесятых годов прорываются сведения о том, что часть врачей морально опустилась до выполнения роли чекистов, роли заплочных мастеров, выполняющих функции изоляции или устранения неугодных режиму лиц.

Напомним некоторые случаи, ставшие широко известными общественности в СССР и за его пределами.

В декабре 1961 года писатель и скульптор М. А. Нарича, сидевший в тюрьме за то, что послал за границу рукопись своей автобиографической повести и тут же написал письмо Хрущеву с просьбой выпустить его из СССР, был переведен в тюремную больницу, с попыткой объявить его сумасшедшим. Но,

очевидно, в то время подбор кадров врачей-чекистов еще не был закончен, и Нарица вскоре был выпущен.

Летом 1962 года был арестован и заключен в психиатрическую больницу (имени Кащенко, под Москвой) писатель В. Я. Тарсис, который открыто, под своим именем, печатал свои социально-критические произведения за рубежом. Но Тарсис сломлен не был; под давлением мирового общественного мнения его через полгода выпустили, и он потом рассказал о своих мытарствах в новой книге «Палата № 7», где он, помимо прочего, описал ряд врачей-чекистов.

В декабре 1962 года тогдашний председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ильичев публично объявил психически ненормальным поэта и ученого А. С. Есенина-Вольпина (опубликовавшего свои произведения за границей), хотя в то же самое время журнал «Вопросы философии» напечатал выступление Есенина-Вольпина на научной конференции при Академии наук СССР. Есенин-Вольпин до и после того не раз подвергался принудительному «лечению» врачами-чекистами в «спецпсихобольницах».

В сумасшедших домах побывали и поэт Юрий Галансков, потом отправленный в

концлагерь за выпуск вольного журнала «Феникс», и поэтесса Наталья Горбаневская, участница демонстрации против оккупации Чехословакии (ныне снова находящаяся под арестом), и председатель колхоза Иван Яхимович, и типографский рабочий Алексей Добровольский, и художник Виктор Кузнецов, и генерал Петр Григоренко, и многие другие — так или иначе выступавшие против политики диктатуры.

Из материалов Самиздата известно, как старательно выполняет функции врача-чекиста профессор Д. Р. Лунц, со сталинских времен и поныне заведующий «отделением спецэкспертизы» для политических в Институте судебной психиатрии имени Сербского (Москва, Кропоткинский переулок, 23).

В Москве, кроме Института им. Сербского, известен ряд больниц, где содержатся объявленные психически ненормальными люди, посмевающие выступить против власти и ее политики. К таким больницам относятся: «Канатчикова дача» — Психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. Кащенко (Загородное шоссе, 2), «Матросская тишина» — Психиатрическая городская больница № 3

(Матросская тишина, 20), «Столбы» — Психиатрическая городская больница № 5 (станция Столбовая Московской железной дороги, село Троицкое) и Психиатрическая областная больница № 2 (ст. Столбовая М. ж. д., село Мещерское).

Имеются подобные заведения и в ряде других городов. Из материалов Самиздата известны «спецпсихобольницы» в Казани (существовала еще до войны), в г. Сычаевка Смоленской области, в Ленинграде (Арсенальная улица, 9), в Черняховске Калининградской области, в Минске, в Днепропетровске, были сведения о «спецсанатории» в Полтавской или Киевской области. Этим, конечно, список таких заведений не исчерпывается.

Созданием этих «медицинских» учреждений Хрущев и его наследники, видимо, сделали попытку разрешить проблему политзаключенных в СССР (Хрущев в свое время заявил, что в СССР политических узников нет). Такой метод еще в двадцатые годы был описан Е. Замятиным в его пророческой утопии «Мы»: всякий голосовавший против вождя «Благодетеля» объявлялся сумасшедшим, а голоса сумасшедших не могут идти в счет.

По той же диалектической логике в ленин-

ско-сталинские времена сначала заявляли, что впредь не будут строить ни церквей, ни тюрем, а потом превращали церкви в тюрьмы (так, еще при Ленине Соловецкий монастырь был превращен в концентрационный лагерь).

Свежим примером психиатрической расправы над политическим оппозиционером является дело генерала Петра Григорьевича Григоренко, известного своими бескомпромиссными выступлениями против неосталинских тенденций в политике власти.

Преследования Петра Григоренко начались еще при Хрущеве, в 1964 году. За свои выступления он был подвергнут аресту и затем судебно-психиатрической «экспертизе» в том же Институте им. Сербского и тем же Лунцем. Его признали тогда невменяемым, и это позволило властям избежать публичного судебного разбирательства дела. Что экспертиза была проведена и вынесла заключение по указке властей, видно из того, как генерал Григоренко был наказан: его исключили из армии, разжаловали в рядовые, лишили пенсии; такие репрессии в отношении человека, признанного невменяемым, даже по советским законам неправомерны.

Когда позже Григоренко выступил в защиту крымских татар, добивающихся возможности вернуться в родной Крым, а потом, в мае 1969 года, поехал в Ташкент, чтобы выступить общественным защитником на процессе крымскотатарских общественных деятелей, то он был там арестован органами КГБ и, после трехмесячного содержания под следствием, снова подвергнут психиатрической экспертизе на месте.

Но местные врачи, привлеченные к экспертизе, оказались морально на высоте требований своего высокого звания, не поддались давлению КГБ и признали Григоренко психически нормальным. Таким образом для него снова открывалась возможность публичного процесса, на котором он мог раскрыть произвол органов террора.

Тогда его перевезли в Москву и подвергли повторной экспертизе — всё в том же Институте им. Сербского при участии того же Лунца. Из описания самим Григоренко этой экспертизы, которое опубликовано Самиздатом, известно, что председателем экспертной комиссии был директор Института им. Сербского член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Г. В. Морозов, а остальные участники назывались лишь по имени и от-

честву. По-видимому, это объясняется, помимо прочих соображений, желанием их скрыть свое участие в явно подстроенном лицедействе.

В результате этой экспертизы, как того хотели органы террора, Григоренко опять был признан невменяемым.

Это преступное заключение врачебно-экспертной комиссии открыло возможность и для следующего преступного шага властей: заочный суд (над «невменяемым»!) вынес решение направить Петра Григоренко на принудительное лечение в Казанскую спецпсихолечебницу.

Подробности экспертиз и всех тюремно-следственных издевательств над Петром Григоренко, изложенные в его собственных записках, опубликованы в апрельском номере «П о с е в а» — вместе с обращением его жены Зинаиды Григоренко ко всем «свободолюбивым гражданам мира».

В этом обращении Зинаида Григоренко пишет:

«...трезвость мышления у П. Г. Григоренко совмещается с редкой способностью мыслить последовательно и честно, додумывать до

конца. Вот за это свойство — за бескомпромиссность разума и совести — муж и объявлен умалишенным. За это и обрекли П. Г. Григоренко на участь, от которой, действительно, можно сойти с ума...

Заканчивает Зинаида Григоренко призывом:

«Люди! Петру Григорьевичу Григоренко грозит смерть!

Я обращаюсь ко всем демократическим организациям, защищающим права человека, и ко всем свободолюбивым гражданам мира!

Помогите спасти моего мужа!

Свобода каждого — это свобода всех!»

Надо надеяться, что этот вопль о помощи найдет достаточный отклик, и мировая общественность окажет достаточное давление на правящую клику КПСС, чтобы спасти жизнь и облегчить участь Петра Григоренко — бескомпромиссного борца за справедливость.

Но врачи, обрекшие его на заключение в дом для умалишенных, — чего могут ожидать впереди такие ученые, как профессор Лунц и ему подобные?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вер-

немся к их коллегам из времен гитлеровского «Тысячелетнего рейха».

В Германии до сих пор отыскивают и судят врачей, сотрудничавших с нацистскими органами террора. Совсем недавно, 18 марта 1970 года, западногерманская пресса сообщила о предстоящем суде над кацетным врачом Шуманом. Доктор Шуман обвиняется в содействии систематическому умерщвлению душевнобольных при гитлеровском режиме (он был руководителем соответствующего специального заведения в нацистском «рейхе»).

Шуман разыскивался следственными органами с 1947 года. В 1950 году он сумел бежать из Германии и в течение десяти лет работал врачом в Египте и Судане. Когда его нащупали там, он бежал в Гану (из-под крыла «прогрессивного» диктатора Насера под крыло другого «прогрессивного» диктатора Нкрумы). Но после свержения Нкрумы в 1966 году он был выдан как уголовный преступник и с тех пор находился в предварительном заключении. Четверть века скитаний не спасли его от суда и наказания.

Могут возразить, что Шуман участвовал в массовых убийствах, а наши «спецпсихиатры» лишь ставят заключенным необъективные диагнозы, нужные органам террора. Но, во-первых, диагноз, отправляющий здорового человека в условия, угрожающие его здоровью и жизни, означает если не соучастие, то способствование убийству; а во-вторых, указание на большее преступление не освобождает от моральной и юридической ответственности за собственные преступления.

Западногерманский ученый Александр Митчерлих присутствовал в качестве наблюдателя от немецкой врачебной корпорации на процессе 23-х эсэсовских врачей, который проходил перед специальным военным судом в Нюрнберге с декабря 1946 года. В своей книге об этом («Дас Диктат дер Меншенфер-ахтунг», Гейдельберг 1947) он описывает преступные «научно-медицинские опыты» над заключенными, которые большей частью вели к смерти «объекта». Самым потрясающим для Митчерлиха было органическое слияние врача и эсэсовца: отсюда и холодная бесчеловечность в опытах.

Но где граница между «просто службой» в одном из государственных учреждений и сперва сотрудничеством, а затем и полным

срастанием с преступной организацией политического террора? И где граница между «только экспертизой», отправляющей здорового, но политически неугодного человека в сумасшедший дом, и «научно-медицинскими опытами» над «расово-неполноценными объектами»?

Не беремся предсказывать, как закончится карьера врачей, пошедших на сотрудничество с террористическими органами КПСС, но и им следовало бы подумать, что однажды, может быть, и им придется держать ответ перед судом, подобно Шуману, или скрываться от правосудия, бегая по земле, как бегал он. Может быть, многим врачам-чекистам и не придется дожить до такого народного суда, где прокурор поставит их лицом к лицу с нынешними жертвами их «экспертиз», но моральную оценку их деятельности они должны почувствовать уже теперь.

И тут главная роль принадлежит широким кругам врачей, работающих во всех республиках, краях и областях нашей многонациональной родины. Конечно, врачи вообще, как социальная группа, не могут нести ответственности за появление в их среде таких типов, как Лунц. Но, тем не менее, деятельность

таких лунцев бросает тень на каждого врача, если он не выразит достаточно ясно своего отношения к подобной деятельности.

Поэтому моральным долгом каждого медицинского работника, — как перед жертвами деятельности врачей-чекистов, так и перед медицинской общественностью, — является четкая позиция в этом вопросе: надо всюду, на работе и в быту, демонстрировать свое презрение к «работе» врачей-чекистов и их нерукопожатность в обществе.

Но одно требование является обязательным: каждый честный медицинский работник должен предавать гласности все ставшие ему известными случаи преступной деятельности врачей-чекистов. Умолчание фактов и имен тут делает его причастным к их преступлениям, возлагает и на него ответственность за то, что такие преступления возможны в нашей стране.

Крупнейший немецкий ученый-хирург Фердинанд Зауэрбрух (как сообщает А. Митчерлих в своей книге) присутствовал и даже участвовал в дискуссиях на конференции в мае 1943 года, посвященной докладам о «научно-медицинских опытах над людьми в концлагерях». В актах следствия по этому поводу имеется заметка прокурора о том, что

«о преступных экспериментах знали в ведущих кругах медицинского мира Германии... это были люди, занимавшие такое положение, которое обязывало их предпринять шаги для прекращения подобных действий».

Таких шагов ни профессор Зауэрбрух, ни другие немецкие его коллеги не предприняли. Но ведь и у нас Г. В. Морозова рекомендовали в члены-корреспонденты АМН не только безличные научно-медицинские учреждения, но и лично — ныне покойный академик Бирюков и ныне здравствующий академик Анохин. И они должны были бы перед рекомендацией поинтересоваться также деятельностью Г. В. Морозова в области экспертиз на предмет «спецпсихолечения» и выразить по поводу этой деятельности свое мнение.

Медицинские работники не должны допускать, чтобы врачи-чекисты своей преступной деятельностью позорили почетное, честное и авторитетное звание врача. Надо предавать гласности каждый случай преступной деятельности врачей-чекистов, — только тогда такая практика не станет массовым явлением, которое окончательно убьет былой престиж российских врачей.

ПОСЕВ Июнь 1970

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ТИПА — «СПЕЦПСИХОВОЛЬНИЦЫ» (СПБ)

Эти больницы предназначены только для принудительных процедур в условиях усиленного надзора.

СПБ в Казани существовала уже до второй мировой войны. Почтовый адрес: Казань-82, п/я УЭ 148.

СПБ в Сычёвке — Смоленская обл., открыта сразу после войны.

СПБ в Ленинграде — открыта в 1952 г. на Арсенальной улице.

СПБ в Черняховске (б. Инстербург в Восточной Пруссии) — открыта в 1965 г. Почтовый адрес: Калининградская обл., г. Черняховск, учр. 216.

СПБ в Минске — открыта в 1966 г.

СПБ в Днепропетровске — открыта в 1968 г.

СПБ в Орле — открыта в конце 1970 г. (ул. Разградская, 3). Почт. адрес: учрежд. ИЗ 55/1 «а».

Спецпсихосанатории в Полтавской и Киевской областях. В них направляют политических противников режима. Чем они отличаются от СПБ — неясно.

ОБЩИЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ БОЛЬНИЦЫ (ПБ)

Используются для нужд населения данной области или города и имеют особые отделения для принудительных процедур под надзором.

Москва

ПБ им. Кащенко, известная среди населения как «Канатчикова дача»: Психиатрическая городская клиническая больница № 1 им. Кащенко — Загородное шоссе, 2.

ПБ «Матросская тишина»: Психиатрическая городская больница № 3 — ул. Матросская тишина, 20.

ПБ им. Ганнушкина: Психиатрическая городская больница № 4 им. Ганнушкина — Потешная ул., 3.

ПБ «Столбы»: Психиатрическая городская больница № 5 — ст. Столбовая Московской ж. д., с. Троицкое (с Курского вокзала) — около 70 км. от Москвы. (О ней молва, что ее покидают только «ногами вперед»).

Психиатрическая клиника им. С. С. Корсакова — Москва, ул. Россолимо, 11.

Центральный научно-исследовательский институт судебной психиатрии им. проф. Сербского (ЦНИИСП) — Кропоткинский пер., 23.

Ленинград

3-я психоневрологическая больница им. Скворцова-Степанова — Фермское шоссе, 36.

5-я психоневрологическая больница — ул. акад. Лебедева, 39.

Научно-исследовательский психоневрологический ин-т им. В. М. Бехтерева Минздрава РСФСР — ул. Бехтерева, 3.

2-я психоневрологическая больница — наб. р. Мойки, 126.

4-я психоневрологическая больница — Лиговский пр., 128/71.

Р и г а

Республиканская психиатрическая больница Лат. ССР — ул. Аптекаса, 1 (до революции — государственная больница на Александровской высоте).

Рижская городская психиатрическая больница на Саркандaugаве (Краснодвинский р-н Риги). До революции — больница на Красной горке; во время независимой Латвии — университетская клиника; во время немецкой оккупации «Ам Ротенберг». Основанная 120 лет назад больница была образцовой привилегированной лечебницей для немецкого дворянского сословия.

Психоневрологический ин-т Минздрава УССР в Харькове и в Одессе.

ПСИХИАТРЫ — ИСПОЛНИТЕЛИ

Банщиков В. М. — проф., директор Психиатрической клиники им. С. С. Корсакова.

Белокопытов — майор, начальник СПБ в Черняховске.

Беляев Владимир Павлович — гл. психиатр г. Ленинграда, главврач 4-й психоневрологической больницы, сотрудник НИПИ им. Бехтерева.

Блинов — полковник, начальник СПБ в Ленинграде.

Бобылев Михаил Иванович — врач-психиатр СПБ в Черняховске.

Браверман Л. Б. — врач-психиатр 3-й ПБ им. Скворцова-Степанова в Ленинграде.

Бришке А. А. — главврач Латвийского неврологического диспансера г. Риги.

- Бычков В. А.** — главврач СПБ в Черняховске.
- Виттенберг З. Р.** — врач-психиатр в Риге.
- Крылов Л. Н.** — врач-психиатр, сотрудник НИПИ им. Бехтерева в Ленинграде.
- Краснянский О. А.** — зав. психиатрическим отделением следственного отдела № 1 в г. Риге.
- Кузнецова Екатерина Ивановна** — врач-психиатр СПБ в Ленинграде.
- Ландау Яков Лазаревич** — врач-психиатр в Ин-те им. Сербского.
- Лигуре Л. А.** — врач-психиатр в г. Риге.
- Лунц Даниил Романович** — проф., зав. отделением спецэкспертизы в Ин-те им. Сербского, полковник КГБ.
- Мальцева Майя Михайловна** — мл. науч. сотр. Ин-та им. Сербского.
- Маркис Л. А.** — зам. главврача по мед. части Латвийской ПБ в г. Риге.
- Марыненко** — сотр. Ин-та им. Сербского.
- Масляева** — зам. главврача ПБ им. Кащенко.
- Морозов Виктор Михайлович** — член-корр. АН СССР, сотр. Ин-та им. Сербского.
- Морозов Георгий Васильевич** — член-корр. АМН СССР, директор Ин-та им. Сербского.
- Морковин В. М.** — главврач ПБ им. Кащенко.
- Печерникова Т. П.** — врач-психиатр в Ин-те им. Сербского.
- Русинова З. Г.** — главврач Латвийской ПБ в г. Риге.

Светланова Н. К. — врач-психиатр 3-й ПБ им. Скворцова-Степанова в г. Ленинграде.

Случевский Ф. И. — главврач 3-й ПБ им. Скворцова-Степанова в Ленинграде, сотр. НИПИ им. Бехтерева.

Табанова — врач-психиатр в Ин-те им. Сербского.

Тальце — врач-психиатр в Ин-те им. Сербского.

Тельняковский Л. Н. — врач-психиатр, сотр. НИПИ им. Бехтерева в г. Ленинграде.

Тимофеев Николай Николаевич — главврач Советской армии во время войны, зав. каф. психиатрии НИПИ им. Бехтерева в г. Ленинграде, пенсионер.

Турова Зинаида Гавриловна — ст. науч. сотр. Ин-та им. Сербского.

Шафран Герман Леонидович — зав. 4-ым отделением ПБ им. Кащенко.

Щербатов Б. А. — врач-психиатр 3-й ПБ им. Скворцова-Степанова в г. Ленинграде.

САНИТАРЫ И КОРПУСНЫЕ СПБ В ЛЕНИНГРАДЕ

Давыдов Виктор, Дымов, Ермак, Корецкий, Пчалин Виктор Якимович, Русский Георгий, Саджайя Роберт и некто «Славик».

Леонид Владимиров
(Леонид Владимирович Финкельштейн)

Россия без прикрас и умолчаний

Второе издание

Ценная книга советского журналиста,
избравшего свободу в 1966 году

Стр. 325

Цена 19.00 нем. марок

В США и Канаде 5.00 ам. дол.

Заказы направлять по адресу:

**Potschke-Verlag, D-623 Frankfurt/Main 80,
Flurscheideweg 15**

«Клятва Гиппократа» и лицемеры из Академии медицинских наук

«Литературная газета» 26 августа перепечатала из американского журнала статью профессора Йельского университета Г. Калабреззи и противопоставила ей материал, подписанный академиком Академии медицинских наук СССР А. Вишневским и доктором медицинских наук В. Портным. Г. Калабреззи защищает мысль, что «поиск — право ученого», считает, что медицинские опыты нужны и, как юрист, ставит вопрос о правовых предпосылках, которые позволили бы уменьшить риск неудачных опытов и компенсировать пострадавших. Вишневский и Портной рядятся в тогу глашатаев высоких принципов медицинской этики:

«Советские врачи гордятся тем, что нашей социалистической морали одинаково глубоко чужды и пренебрежительное отношение к «отдельному» человеку, к его здоровью и благополучию, и делаческий подход в вопросе о жизни и смерти десятков и сотен тысяч людей». Социалистические мора-

листы приводят слова «клятвы» древнегреческого врача Гиппократы: «Я направлю режим больных к их выгоде... воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости». Правильно они пишут: «В плоть и кровь свою медик должен впитать убеждение: здоровье и жизнь всякого пациента для него священны и бесценны. В противном случае этому медику нечего делать в медицине».

Читая нравоучения американскому профессору, академик Вишневский и доктор Портной забывают, однако, упомянуть о том, что не в одной только гитлеровской Германии находились «медики, которым нечего делать в медицине», не в одних только Освенциме и Дахау «экспериментаторство» таких «медиков» принимало «чудовищно разнuzданные формы».

23 августа 1962 года за свою повесть «Сказание о синей мухе» был схвачен и направлен в больницу имени Кащенко писатель Валерий Тарсис. Свое пребывание в особой палате этой больницы Тарсис с документальной точностью описал в своей «Палате № 7». В этой повести он под незначительно измененными фамилиями вывел ряд действительно существующих московских психиатров («Янушкевич», «Кизяк», «Штейн»), Янушкевич, Кизева, Ротштейн, которые ставят заве-

домо ложные диагнозы и по указке кагебешников направляют вполне здоровых в психическом отношении людей в сумасшедшие дома.

Томится в шестиметровой камере специальной «больницы» в Черняховске (б. Инстербурге в Восточной Пруссии) Петр Григорьевич Григоренко. Его сосед по камере — агрессивно настроенный больной, зарезавший жену, находящийся все время в бредовом состоянии. Свободного пространства в камере — 2 шага. Выводят на прогулку на 2 часа в сутки.

В записках генерала Григоренко из ташкентской тюрьмы, которые в марте этого года сумела передать на Запад его жена, и которые мы опубликовали в апрельском номере «Посева», подробно выявлена неприглядная роль заведующего 4-ым отделением московского института имени Сербского профессора Д. Р. Лунца и директора этого института члена-корреспондента Академии медицинских наук Морозова.

Во время ареста Жореса Медведева 29 мая этого года в качестве приспешников КГБ выступали главный врач психиатрической больницы в Калуге А. Е. Лившиц и психиатр города Обнинска Кирюшин. Комиссия экспертов в составе врача института имени

Сербского Б. В. Шостоковича и калужских психиатров Г. П. Бондарева, Б. Н. Левченко и того же Лившица, хотя и «не нашла у Ж. Медведева явных отклонений от психической нормы» вынесла заключение, угодное кагебешникам, задержав его в больнице и поместив его в палату с действительно больными людьми. В состав второй комиссии, которая приняла решение окончательно поместить Ж. Медведева в сумасшедший дом (это решение было отменено на правительственном уровне после энергичных протестов Солженицына и ученых) вошли Г. Морозов, В. Морозов, Р. Наджаров. «Хроника текущих событий» упоминает здесь и врача-психиатра Портнова. Уж не идентичен ли этот Портнов с Портным, выступившим в защиту «клятвы Гиппократата» в «Литературной газете»?

Как выяснилось после освобождения Ж. Медведева, его «заочно обследовал» еще и психиатр Лизненко. Когда Ж. Медведев пришел говорить с председателем Обнинского горсовета о своем устройстве на работу (Ж. Медведева еще в прошлом году без соблюдения законных формальностей уволили из научно-исследовательского института медицинской радиологии и он до сих пор не может

добиться устройства на другую работу), в кабинете председателя горсовета оказался незнакомый Медведеву человек, назвавшийся представителем Калужского отдела народного образования. Он задал Медведеву два вопроса о поведении его сына. Этого было достаточно, чтобы незнакомец — Лизненко — составил заключение о «болезни» Ж. Медведева, которое и послужило основанием для его насильственного препровождения в больницу.

Ленинградский электрик Владимир Борисов в мае прошлого года участвовал в образовании Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР. 12 июня его арестовали переодетые врачами кагебешники. Допрашивали Борисова и вынесли заключение о необходимости направить его в тюрьму — психиатрическую больницу: главный психиатр Ленинграда В. П. Беляев, главный психиатр Ленинградского военного округа генерал-майор Тимофеев и врач 3-ей психиатрической больницы Случевский.

За распространение книг Синявского и Даниэля признали «невменяемым» и отправили в Казанскую психиатрическую тюрьму Виктора Кузнецова эксперты-чекисты Ландау, Печерина и всё тот же полковник госу-

дарственной безопасности профессор Лунц, Даниил Романович.

Имена врачей-убийц, доведших до самоубийства организатора «Союза независимой молодежи» в городе Владимире Владимира Борисова, направивших бессрочно в тюрьмы-больницы Наталью Горбаневскую, Ивана Яхимовича и сотни других ведомых и неведомых нам бесстрашных и нестигаемых людей, нам пока еще не известны. Но мы их узнаём. Узнаём и не забудем. Их преступления

«не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно» (Солженицын).

«ДУХОВНОЕ УБИЙСТВО»

Александр Исаевич Солженицын, выступая в защиту Ж. Медведева, писал:

«захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней».

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин в статье в защиту П. Г. Григоренко, уточняет, в чем именно состоит духовное убийство, практикуемое номенклатурой

КПСС при пособничестве врачей, забывших клятву Гиппократа, врачей-клятвопреступников.

Казалось бы, заключенному, направленному в «дурдом», не так уже трудно добиться освобождения. От заключенного требуется всего лишь, чтобы он

«согласился с правильностью определения суда о направлении его на принудительное лечение и дать обещание впредь не совершать поступков, которые к этому привели».

Есенин-Вольпин на примере П. Г. Григоренко показывает, что бы это, однако, означало. Он должен был бы признать, что был невменяемым, когда выступал за права крымских татар, признать ложным всё, что писал и за что боролся. Вынуждать такие признания — это и есть духовное убийство человека, считает Есенин-Вольпин. На языке же чекистов в белых халатах это — «социальная адаптация». Кто не желает пойти на такую адаптацию, в ком не сломлены честь и мужество, тот сознательно обрекает себя на пожизненное пребывание среди маниакальных убийц и других буйных душевнобольных.

«Кто способен неограниченно долго сопротивляться этому нажиму?», спрашивает Есе-

нин-Вольпин. Считанные единицы, люди исключительной силы воли.

Но «считанных единиц» оказывается не так уж мало. Сам Есенин-Вольпин, испытавший на себе самом методы воздействия и просто-чекистов, и чекистов-врачей; его друг и бывший сосед по дому В. Я. Тарсис; только что вернувшийся из концентрационного лагеря Владимир Буковский.

«Я ЭТОГО НЕ БОЮСЬ»

9 июня этого года Буковского вызвал помощник прокурора города Москвы Ванькович и заявил ему, что его «в любое время» могут вновь привлечь к ответственности, если он не прекратит своей «деятельности». Прокурор объяснил, что он имеет в виду передачу иностранным журналистам сведений о том, что Буковский пережил и что он видел в течение своего двухгодичного пребывания в психиатрической тюрьме в Ленинграде и трехгодичного срока, который он отбывал в концентрационном лагере в Воронежской области.

На это Буковский ответил: «Не надо мне угрожать. Я этого не боюсь. Если вам мало одного суда, одного моего последнего слова, будет два, а после

освобождения у меня будет свежий материал для нового интервью».

В прошлом номере «Посева» мы приводили выступление Буковского, которое вывез за границу корреспондент американской радиокомпании «Коламбия». Буковский говорил:

«Суть нашей борьбы заключается в борьбе со страхом, который сковал общество со времени Сталина, страхом, который до сих пор не отпустил людей и из-за которого всё еще существует эта система диктатуры... Именно в борьбе со страхом мы напрягаемся максимально. В этой борьбе большое значение имеет личный пример... Мне кажется, что количество людей, понимающих необходимость открытого, гласного протеста против беззакония растет с каждым днем».

В психиатрические тюрьмы направлены сотни, если не тысячи противников диктатуры, над которыми, по словам Солженицына совершили «кривую расправу без поиска вины, когда стыдно причину назвать». Некоторые не выдерживая инъекций, пыток обмоткой всего тела мокрой парусиной, которая сохнет, садится и душит связанного заключенного, не выдерживая постоянного пребывания среди настоящих душевнобольных, кончают жизнь самоубийством. Другие про-

должают борьбу. Случаев капитуляции, духовной смерти мы не знаем.

Академику Вишневскому и доктору медицинских наук Портному, поднявшим в «Литературной газете» вопрос о том, не устарела ли «клятва Гиппократата» надо сделать выводы из заверений в верности врачебной этике, которые они сделали от имени всех врачей нашей страны: пора перестать подавать руку врачам-клятвопреступникам, врачам-убийцам. Пора изгнать их из своей среды. Этого вправе ожидать от медицинской общественности страны Наталья Горбаневская, П. Г. Григоренко, Иван Яхимович.

Советский концлагерь

Точное число существующих в СССР лагерей неизвестно. Швейцарский Восточный институт, базируясь на данных, собранных американскими профсоюзами, в октябре 1968 года опубликовал карту с 56 лагерями. «Посев» в марте 1969 года опубликовал список, в котором было указано местонахождение 99 лагерей, оговорив, что это — лишь незначительная часть лагерей, существующих на самом деле.

Практически лагеря существуют во всех республиках, во всех областях СССР. Известно, что число заключенных в системе лагерей одной только Воронежской области достигает 90.000 человек.

В центральных областях страны большая часть лагерей принадлежит к категории лагерей общего режима, в которых содержатся преимущественно неопасные для диктатуры КПСС бытовые правонарушители.

Лагеря строгого режима расположены главным образом в районах лесозаготовок, строительства железных дорог и т. п., то есть там, где заключенных применяют в качестве рабочей силы на физических работах.

Лагеря особого режима, к которым принадлежат и «лагеря смерти», из которых вообще нет выхода, обслуживают урановые разработки и строительство военных объектов в Арктике, на Камчатке, на Курильских островах и в некоторых других районах страны.

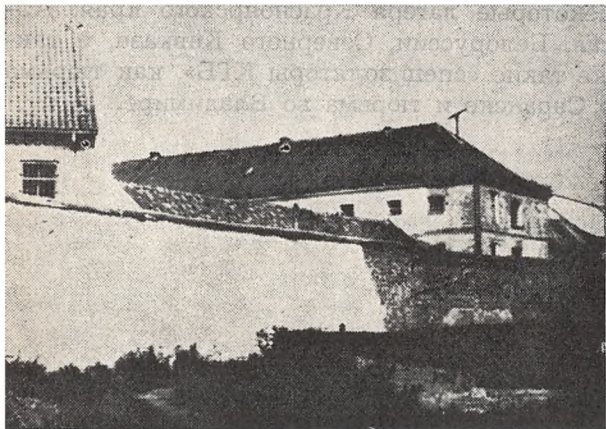
Лагпункт 17-а Дубровлага (системы лагерей строгого режима для политических заключенных в Мордовской АССР) по числу заключенных невелик. Он принадлежит к категории лагерей строгого режима. По понятиям КГБ это означает, что в этом лагере не истребляют людей, а всего лишь «перевоспитывают».

В лагпункте 17-а сосредоточены политические заключенные со средними сроками заключения, заключенные, у которых есть шанс выйти живыми на свободу.

Это — заключенные, сравнительно хорошо известные общественности. Таких заключенных, с точки зрения КГБ, выгоднее физичес-

ки искалечить и морально сломить и после отбытия полного срока выпустить, чем просто уничтожить.

Такие же функции выполняет и ряд других лаготделений и лагпунктов Дубровлага, некоторые лагеря Красноярского края, Алтая, Белоруссии, Северного Кавказа, а также такие «специзоляторы КГБ», как тюрьма в Саранске и тюрьма во Владимире.

Черняховск. Спецпсихобольница (б. немецкая каторжная тюрьма). Фото «Посева»

Местонахождение лагеря	Почтовый адрес
Кировская область, Верхнекамский р-н	П/я 231/23
„	„ 231/25
Коми АССР, г. Микунь, п/о Вежайка	„ 400/4-П
Коми АССР, Княжпогостский р-н, ст. Весляна, п/о Заимка	„ 248/3 — 5 **
Краснодарский край, Абинский р-н, пос. Новосадовый	„ 68/1 «А» **
Краснодарский край, г. Краснодар	„ 68/6 «I» **
Краснодарский край, г. Усть-Лабинск	„ 68/3
Краснодарский край, Приморско-Ахтарский р-н, ст. Ольшинская	„ 68/12
„	„ 68/12/9
Краснодарский край, Курганинский р-н, пос. Первомайский	„ УО-68/19
Курская область, г. Курск	„ ОК 30/1 «I»
„	„ ОК 30/1 «Д»
„	„ ОК 30/1 «Е»
Марийская АССР, п/о Марьино	„ ОШ 25/1
Минская область, г. Минск 47	„ УЖ 15/7 — 1
Минская область, г. Минск	„ 35/6 **

Могилёвская область, г. Бобруйск	„ УЖ 15/2
„	„ УЖ 15/2 «А»
Могилёвская область, г. Горки	„ УЖ 15/9 — 6**
Могилёвская область, г. Могилев	„ УЖ 15/15
Мордовская АССР, п/о Явас	П/я ЖХ 385/17 — 7
Мордовская АССР, ст. Потьма, п/о Явас	„ 385/2
„	„ 385/4
Мордовская АССР, ст. Потьма	„ 385/5
„	„ 385/7 **
„	„ 385/17
Николаевская область, п/о Н.-Григоровка	„ ЯА 128/53
Одесская область, г. Одесса	„ ЮГ 311/74
Омская область, г. Омск	„ УХ 16/3 «А» **
„ — 29	„ УХ 16/3 «Н» **
Орловская область, Кромский р-н, с. Шахово	„ 22/3
Павлодарская область, г. Павлодар — 12	„ 154/25
Павлодарская область, г. Экибастуз	„ 154/53 «Д»
Пермская область, г. Кизел, п/о Талый	„ 201 — 10 «А»
Пермская область, г. Кунгур	„ 389/18 — 4
Полтавская область, с. Кустолово-Суходолка	„ ЯА 128/9

Псковская область, Себежский р-н, пос. Курица	ЯЯ 61/3 «В»
Ровенская область, с. Рафеловка	„ 128/76 от. 5
Ростовская область, Сальский р-н, п/о Юловское	„ 398/3
Ростовская область, Матвеево-Курганский р-н, пос. Новыковка	„ 398/5
Ростовская область, Аксайский р-н, п/о Грушевское	„ 398/6 «В»
„	„ 398/6 «В»
Ростовская область, г. Шахты 19	„ 398-9-1 **
Рязанская область, ст. Стенькина	„ 25/6
Свердловская область, г. Нижний Тагил	„ УЩ 349/6 Е-12
Свердловская область, пос. Бисерть	„ УЩ 349-8-5
Ташкентская область, г. Ташкент — 5	„ 64/7
Харьковская область, г. Харьков — 35	„ ЮЖ 313/54 — 5
Херсонская область, г. Херсон	„ ЮЗ 17/61 — 4*
Челябинская область, г. Челябинск — 51	„ ЯВ 48/5
Челябинская область, Саткинский р-н, г. Бакал	„ ЯВ 48-9-5
Челябинская область, г. Катав-Ивановск	„ ЯВ 48-12-7

Читинская область, Карымский р-н, п/о Тыргетуй	„ 14/2
Чувашская АССР, г. Алатырь	„ ЮЛ 34/2 «А»
Чувашская АССР, пос. Козловка	„ ЮЛ 34/5 «А»
„	„ ЮЛ 34/5 «В»
„	„ ЮЛ 34/5 «Г»

ПОСЕВ Март 1

КТО ЖЕ СУМАСШЕДШИЕ?

*Из Открытого письма писателя
Ал. Петрова-Агатова Борису Полевому,
главному редактору журнала «Юность».
Письмо написано в конце 1969 года
в лагере 17 Дубровлага*

Известно ли Вам, за что осужден я? Спросите о моей судьбе Евтушенко и Гамзатова, Рекемчука и Щипачева, Слуцкого и Шефнера. Они принимали участие в моей судьбе. Я более 20 лет уже отбыл в местах заключения, посаженный во времена Сталина. Только в апреле 1967 года, после годовых штурмов ЦК и Верховного Совета Союзом советских писателей, меня освободили. Успел напечатать лишь две подборки стихов в журнале «Нева» (№ 3 за 1968 год) и «Простор» (№ 10 за 1967 год). Была одна передача по ленинградскому телевидению с новой моей песней «Если ты человек». Книга стихов, на которую был заключен договор с ленинградским издательством «Советский писатель», выйти не успела — арестовали. Очерк «Тайна старого костела» в журнале «Нева» № 8 за 1968 год был опубликован, когда я уже мерил шагами казематы «Лефортово».

Это письмо из Мордовии. И не просто из Мордовии, а из политического лагеря 385/17, где совсем недавно находился поэт Диниэль. Сейчас его уже здесь нет. Диниэль, как Вы знаете, был приговорен к 5 годам заключения за так называемые антисоветские произведения. Поэт — везде поэт. В лагере он оставался певцом свободы и правды. За это его

препроводили по этапу дальше. Сейчас он во Владимирской тюрьме. За забором писатели Юрий Галансков и Александр Гинзбург (вместе нас не соединяют). Рядом нашумевшая группа петербуржцев, верующие разных вероисповеданий, осужденные за веру, вчерашние студенты и солдаты, дерзнувшие мыслить и, наконец, сидящие уже третий десяток безвыходно «военные преступники», как правило безграмотные, изможденные старцы от 60 до 90-летнего возраста...

За что арестовали? Посмотрите «Дело». Его слушал Московский городской суд 7-8 января 1969 года. Разумеется, в закрытом заседании. Мне дали 7 лет за стихи о произволе времен Берия, написанные в те годы. Я знаю, что даже Вам трудно в это поверить. И я бы не поверил. Но, к сожалению, это так...

Здесь, вернее на 11-ом лагпункте, познакомился с Андреем Донатовичем Синявским. Встречали ли Вы этого человека? В советской печати он выглядит, как дегенерат и предатель родины. На самом деле это прекрасный христианин, человек высокой культуры, широкого интеллекта, честный гражданин своего отечества, талантливый литератор.

Выше я упомянул о петербуржцах. Всё это молодые люди, только что закончившие университет. Их лидер Игорь Вячеславович Огурцов во Владимире, верный его соратник — человек прекрасной души, светлого ума и нестигаемой воли Михаил Юханович Садо, только что вернулся оттуда на 3-ий лагпункт. Со мной бок о бок другие их соратники: искусствовед Николай Викторович Иванов, вчерашний преподаватель Ленинградского университета, инженер Георгий Николаевич Бочеваров, поэт Ми-

хаил Колосов и рассеянные по другим лагерям: литературовед Евгений Александрович Вагин, востоковед Платонов, недавно вернувшийся из Эфиопии, ученые Ивойлов, Бородин и другие. Группа вчерашнего директора школы Николая Федоровича Драгоша, студенты Николай Богач, Сергей Ходжинков. Все они хотели и хотят видеть свое отечество свободным от тирании. В этом, только в этом, их вина. Недаром в одной из арестантских песен поется:

Вчерашние студенты и солдаты,
Хотели мы и мыслить и дерзать,
За это нас в тюремные бушлаты
Одела Русь — родная наша мать.

А иеговисты? А пятидесятники? А старообрядцы? А баптисты? У них даже здесь отбирают Библию и Евангелие. Их насильно гонят на политические занятия, приобщая к марксизму под страхом водворения в карцер, или, в лучшем случае, лишения ларька.

Кстати, политическим разрешается получить в год лишь три продуктовые посылки в 5 кг. и «отовариться» (слово-то какое!) в ларьке на 5 рублей в месяц. Разумеется, о животных маслах, мясе, сахаре речи быть не может. Масло не положено по рациону даже в центральной больнице.

А Вы, Полевой, говорите: сумасшедшие. Кто же в нашем государстве сумасшедшие?

Возможно ли допустить, что нормальные люди в XX веке сажают за решетку других людей только потому, что эти последние по-иному мыслят, что они по-другому живут, что они верят в Бога? Я уже не говорю об изничтожении инакомыслящих голодом, своеобразной блокадой на истощение. Июнь 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО « П О С Е В »

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

В круге первом

Один из кругов ада советских концлагерей
времен сталинщины

Карманное издание

640 стр. 17.— н. м., 4.50 ам. дол.

Позорная система лагерей

*Письма политических заключенных
советским деятелям культуры*

Я обращаюсь к Вам с этим письмом как к писателю и депутату Верховного Совета СССР.

Я обращаюсь к Вам, потому что Вы и Ваши коллеги несете большую ответственность за формирование общественного мнения, за то, в каком направлении и как будет развиваться общественная жизнь страны.

Речь пойдет о большом, болезненном и трагическом для России вопросе, вопросе, который давно пора поставить прямо, мужественно и честно.

Это вопрос о том зловещем направлении, в котором развивается карательная политика в нашей стране.

Казалось бы, что после разоблачения чудовищных преступлений, творившихся в сталинских концлагерях, — тупо, жестоко и бессмысленно уничтожавших миллионы людей, искалечивших души как узников, так и их палачей. — будет, наконец, осознано, что политика концлагерей — это преступная антинациональная политика.

Казалось, будет осознано, что подобная политика означает истощение человеческих ресурсов нации, резкое ухудшение ее физического состояния и — самое страшное — духовное растрепывание нации.

Но обо всем этом не было сказано ни слова. Вся

трагическая глубина проблемы была искусно прикрыта рассуждениями об «ошибках», о «нарушениях социалистической законности» и т. п. Перевод этой проблемы в чисто юридическую плоскость начисто исключил возможность какого-либо качественно нового, позитивного решения. Проблема оказалась принципиально нерешенной.

В 1961 году появилось «Положение об ИТК*) и тюрьмах». Это «Положение» ликвидировало большинство улучшений, произведенных правительством после 1953 года в системе продолжавших функционировать лагерей, и обрекло массу людей на систематическое недоедание, изнурительный труд, холод, болезни и психические травмы.

В мае 1961 года был принят указ «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями». С лета 1966 года резко усилился поток отправляемых в лагеря людей в связи с новым указом ПВС СССР «Об усилении ответственности за хулиганство». После имевшего перед этим место единодушного осуждения «ошибок» прошлого, эти указы казались каким-то недоразумением, негодным продуктом административного мышления. Естественно было ожидать, что в июле 1969 г., в связи с принятием Верховным Советом СССР «Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик», высший орган государственной власти (во всяком случае формально считающийся таковым) будет руководствоваться в своих решениях общенациональными интересами с учетом перспектив будущего развития, а не административным рвением

*) Исправительно-трудовые колонии. — Р е д.

профессиональных тюремщиков. Но этого не случилось.

Позорная система лагерей принудительного труда (сохранившаяся только в России и в Китае) по-прежнему осталась краеугольным камнем пенитенциарной практики. Россия по-прежнему опутана сетью лагерей, в которых, вопреки всем международным конвенциям, где есть подпись и советского правительства, применяется принудительный труд, жестокая эксплуатация, где люди систематически недоедают, подвергаются издевательствам, где унижается их человеческое достоинство. Через эти лагеря пропускается непрерывный, миллионами исчисляемый людской поток, возвращающий обществу физически и нравственно искалеченных людей. Это результат сознательно культивируемой карательной политики, разрабатываемой особыми экспертами и рекомендуемый ими в специальных пособиях, с цинизмом, достойным экспертов по концлагерям третьего рейха. Вот несколько красноречивых выписок из «трудов» этих специалистов:

«В местах лишения свободы воспитательное значение имеет всякий труд: тяжелый, простой, механизированный и др.» («Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений». М., 1968, стр. 154).

«Наименьший воспитательный эффект дает применение труда осужденных в сельском хозяйстве, за исключением колоний-поселений. По своему характеру сельскохозяйственный труд требует свободного передвижения работающего на большой территории (трактористы, комбайнеры, шоферы, пастухи, доярки и др.), что не дает возможности организовать дей-

ственный надзор за осужденными и их охрану, свое- временно пресекать недозволенные связи, невозможно также ограничить потребление заключенными многих продуктов питания, которые производятся в этом виде колоний (молоко, яйца, овощи, фрукты и др.). Поэтому теряет свой смысл существующее для заключенных нормированное питание, а также право на посылки и передачи» (там же, стр. 153).

«Важный вопрос организации труда осужденных к лишению свободы — характер их труда... Для решения этого вопроса необходимо исходить из целого ряда предпосылок: во-первых, условия труда осужденных должны соответствовать содержанию наказания — причинение определенных страданий преступникам, ограничение их в правах и льготах...» (там же, стр. 152-153).

Тут не только откровенный цинизм, но и прямое нарушение закона, гласящего, что «исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ст. 1 Основ ИТЗ и ст. 20 УК). Но и это не самое страшное. Самое страшное здесь — это способ мышления, где нет уже места человеку, где человек подменяется подопытной единицей, подвергаемой чудовищным по цинизму экспериментам.

Самое гнусное здесь состоит в том, что вина с общества полностью переносится на «преступников»: им-де созданы все условия для честной жизни, а они по неосознанности нарушают закон. Раз, как торжественно объявляется во всех официальных документах по этому вопросу, социальных причин для преступности у нас нет, значит, вся вина ложится на нарушителей закона. Правда, наши юристы и пси-

хологи не разделяют взглядов «буржуазного» криминолога Ламброзо на биологическую предопределенность преступления, но на ее месте появляется не менее роковая предопределенность — пережитки и родимые пятна капитализма. Простите, что приходится много цитировать, — ведь все это утверждает-ся всерьез, как будто не бились над этой проблемой лучшие умы человечества! Как будто не было ни Гюго, ни Толстого, ни Достоевского! Все свелось к простому, даже примитивному рассуждению: раз они сами виноваты — значит давить их, и давить сильнее, ибо («бытие определяет сознание») чем жесточе наказание, тем сильнее страх, а чем сильнее страх, тем меньше преступлений.

Всегда и везде наказывали преступников, и в России тоже. Но всегда и народ, и лучшая часть общества, и литераторы — эта совесть России — и свою вину признавали перед «несчастливыми», как вскаки называл народ даже настоящих преступников.

Боязнь заглянуть в глубинные причины преступности приводит к судорожным попыткам побольше нарушителей закона отправить в лагеря, держать их там как можно дольше и жестче. Так создается иллюзия эффективной борьбы с преступностью, на самом деле возрастает степень карания, возрастает параллельно количество уголовно-наказуемых действий, а преступность растет (особенно среди несовершеннолетних). А методы «исправления» и «воспитания», применяемые в лагерях, лишь ожесточают, а зачастую и развращают брошенных туда людей.

За словами Основ ИТЗ об «отдельном содержании особо опасных государственных преступников» скрывается самое позорное явление нашей действительности — существование лагерей для политзаключенных.

Впрочем, это не совсем точно. В этих лагерях вместе содержатся военные преступники и политзаключенные.

Что касается доживающих свой век военных преступников, которые давно уже превратились в больных и немощных стариков, среди которых много попросту впавших в детство и душевнобольных, то тут всякий, даже карательный, смысл наказания, теряется. Какую социальную опасность представляют сейчас эти больные и немощные старики? Большинство из них, осужденные на долгие сроки еще во время войны (или сразу после), — малограмотные простые люди, попавшие в водоворот военного времени. И вина их, когда она вообще есть, лежит не столько на них, сколько на самом времени. А пройденный ими ад Колымы, Воркуты, Тайшета искупает даже самую страшную вину.

Основную массу политзаключенных составляют участники послевоенных национальных движений (Западная Украина, Прибалтика). Они сидят в лагерях уже по 20-25 лет, у них за плечами те же лагеря уничтожения (а у некоторых еще и немецкие), превратившие их из 17-18-летних подростков в 40-летних инвалидов. Некоторые из них осуждены повторно еще при Сталине за оказанное в той или иной форме сопротивление осужденной впоследствии политике физического уничтожения заключенных. За

чью же вину расплачиваются они теперь 25-летними сроками?

Что касается самих национальных движений, то нужно прежде всего признать, что как бы ни относиться к центробежным тенденциям, подавление их карательными методами не решает и не может решить столь болезненного для России национального вопроса. Вспомним, что движения эти вызваны были, главным образом, неправильной, более того, преступной политикой в области межнациональных отношений, проводившейся во времена сталинской диктатуры, когда целые народности насильно переселялись из родных мест, когда проводилась политика насильственной ассимиляции и т. д. Многие вопросы в области межнациональных отношений до сих пор остаются нерешенными, порождая недовольство и трения, пополняя контингент осужденных молодежью. Последнюю сажают, главным образом, за пропаганду национального самоопределения, что, с юридической точки зрения, прямо противозаконно, коль скоро Конституция СССР провозглашает «право наций на самоопределение, вплоть до отделения». Бросать людей в лагеря за пропаганду идей национального самоопределения — значит только разжигать межнациональную ненависть, чувство враждебности и отчуждения между нациями.

К «особо опасным государственным преступникам» отнесены также и проповедники различных религиозных сект и течений. Многие из них осуждены только за пропаганду религиозных взглядов. Причисление таких людей к «особо опасным государственным преступникам» не только прямо противо-

законно как нарушение провозглашенной в Конституции СССР свободы совести, но и лишено элементарного здравого смысла. Ведь для верующего человека пострадать за веру — значит быть особо отмеченным Богом. В глазах же сдиноверцев такие страдальцы получают ореол мученичества. Впрочем, требовать каких-либо осмысленных действий от разпущенной в ход карательной машины не приходится.

Наконец, к «особо опасным государственным преступникам» отнесены и так называемые «антисоветчики» (они же, по местной терминологии, «студенты», «марксисты» и т. п.), помещенные в лагеря и тюрьмы за выражение и распространение убеждений и идей, расходящихся с официальными. В связи с «обострением идеологической борьбы» количество таких людей растет. Борьба с идеями понимается как расправа с носителями еретических идей. Сажают за еретические мысли, высказанные в частном разговоре, на собраниях, на литературном или ином вечере. Сажают за публичное выражение несогласия с тем или иным актом правительства, сажают за чтение, хранение и распространение запрещенной литературы, список которой длиннее пресловутых «индексов» запрещенных книг, публиковавшихся Ватиканом. Сажают за издание за рубежом даже художественных произведений.

В условиях, когда любая расходящаяся с официальным направлением мысль подавляется репрессивными мерами, она вынужденно выражается нелегальным способом. Нелегальная политическая деятельность, таким образом, порождается в значи-

тельной степени невозможностью легального выражения взглядов, расходящихся с текущими официальными. А официальные взгляды на один и тот же предмет неоднократно менялись на нашей памяти. Я напому Вам об удивительном единодушии «общественного мнения», прессы и литературы в гневном осуждении «врагов народа» во времена сталинской диктатуры. Или о не менее удивительном единодушии в осуждении «преступлений периода культа личности» после 1956 года. Я напому Вам о таком же трогательном единодушии «общественного мнения», прессы и литературы в горячем одобрении мероприятий «нашего дорогого Никиты Сергеевича», впоследствии столь же единодушно объявленных результатом «волюнтаризма и администрирования» и осужденных.

Я отдаю себе отчет в том, что наши с Вами позиции во многом различны, что наши взгляды на многие проблемы могут не совпадать. Но проблема, о которой идет речь в этом письме, это проблема прежде всего этическая, общенациональная и даже общечеловеческая. И с этой точки зрения к ней не может быть разных отношений.

В заключение я хотел бы еще раз напомнить Вам, что большую долю ответственности за преступную антинациональную политику лагерей, за тот злоедейский поворот, который она принимает в последнее время, несет творческая интеллигенция России, формирующая общественное мнение, в том числе Ваши коллеги и Вы лично.

Игнорировать эту трагическую для нации проблему и замалчивать ее — преступно.

Аналогичное письмо каждый из ниже поименованных заключенных:

Леонид Бородин, Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Юрий Иванов, Виктор Калныньш, Вячеслав Платонов, Михаил Садо — направил одному из деятелей советской культуры:

Ираклию Абашидзе, Чингизу Айтматову, Расулу Гамзатову, Эрнсту Генри, Леониду-Леонову, Александру Твардовскому, Георгию Товстоногову.

ПОСЕВ Июнь 1970

**И ЗА БОЕВ ГРЯДУЩИХ ВЫСТРЕЛЫ
СПАСИБО, ПАРТИЯ, ТЕБЕ»**

**Спасибо, партия, тебе
За все, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть
Спасибо, партия, тебе.**

**Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушия,
За лень, измену и двудушие
Спасибо, партия, тебе.**

**Спасибо, партия, тебе
За этот вымысел и ложь,
За все портреты и доносчиков,
За выстрелы на Пражской площади,
За все, что ты еще солжешь.**

**За рай заводов и квартир,
На преступлениях построенных,
В застенках старых и сегодняшних
Расколотый и черный мир.**

**Спасибо, партия, тебе
За наше горькое неверие
В обломки формулы, потерянной
В туманной предрассветной мгле.**

**Спасибо, партия, тебе
За нашу горечь и отчаянье,
За наше подлое молчание
Спасибо, партия, тебе.**

Спасибо, партия, тебе
За тяжесть обреченной истины
И за боев грядущих выстрелы
Спасибо, партия, тебе.

Это стихотворение В. Новодворская написала и распространяла во Дворце съездов 5 декабря 1969 года, в «день конституции». В. Новодворская не пыталась скрыться в момент ареста, хотя и знала, что ей грозит тюремное заключение., ,

Суд происходил в отсутствие обвиняемой. Институт им. Сербского признал В. Новодворскую невменяемой с диагнозом: «Шизофрения. Параноидальное развитие личности». , ,

Адвокат Добужский, который должен был защищать Новодворскую, отказался с ней встретиться до суда, так как адвокат якобы по закону не имеет права встречаться с подзащитным, признанным невменяемым. , ,

Прокурор в обвинительной речи сказал, что действия Новодворской смыкаются с действиями террористов, стрелявших в космонавтов. , ,

Суд определил для В. Новодворской принудительное лечение в больнице специального типа в г. Казани.

ПОСЕВ Июнь 1970

Новое «исправительно- трудовое» законодательство

Т. ЛИСТОВ

В прошлом году (11 июля) Верховный совет СССР, на своей сессии, утвердил «Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» и ввел их в действие с первого ноября. Этот простран- ный документ, занявший две полосы «Из- вестий», представляет определенный интерес. С одной стороны, интересно отметить ряд его, по меньшей мере, спорных положений, а с другой стороны, следует обратить внимание общественности и заключенных на те права, которыми они должны теоретически пользо- ваться в местах заключения. Мы говорим «теоретически», потому что знаем, что подоб- ного рода законы нарушаются в Советском Союзе систематически и пока безнаказанно. Юрий Даниэль, хорошо знакомый с этими на- рушениями, писал по этому поводу:

«Я даю вам честное слово, что за то время, что я провел за проволокой, я ни разу не видел ничего,

что хотя бы отдаленно напоминало мне «исправление» или «воспитание». То есть, слова эти употребляются ежечасно, это самые ходовые термины в не слишком обширном лексиконе нашего начальства, но содержание их... Знаете: русское слово «позор» значит по-чешски «внимание». Так и здесь: кажется, что те слова и термины, которые мы привыкли употреблять, раз навсегда условились об их значении, — эти слова переведены здесь на какой-то особый, лагерный, нерусский язык. При таком художественном переводе голодный паёк может, разумеется, звучать как «воспитание», а наручники — как «перевоспитание» («Обсервер» 29. 6. 1969).

В первой статье «Основ» дается определение уголовного наказания, которое должно быть «не только карой за совершенное преступление», но должно исправлять и перевоспитывать осужденных... Интересно отметить, что в старом Уголовном кодексе РСФСР говорилось об «общественно-опасных действиях» и о применении к лицам, их совершившим, «мер социальной защиты». Эта терминология была заимствована из итальянской позитивистической школы уголовного права, которая отказывалась видеть в правонаруше-

нии этический момент преступления, а в санкции — этический момент наказания. В статье 9 старого Кодекса говорилось:

«Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства **и задачи возмездия и кары себе не ставят**».

Напротив, в статье 20 нынешнего Кодекса говорится:

«**Наказание** не только является **карой** за совершенное **преступление**, но и имеет целью...»

Как мы только что видели, эта терминология воспроизведена в первой статье «Основ». Это — явный отход от «ленинских норм».

Остановимся теперь на вопросе переписки. Нашей общественности и заключенным следует знать, что:

«Осужденным разрешается получать письма без ограничения их количества...

Осужденные имеют право обращаться с жалобами в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам...» (стр. 26).

Основываясь на этих положениях, следует писать заключенным и добиваться того, чтобы

они эти письма получали.

С другой стороны, закон дает осужденным право обращаться с жалобами, в частности, в общественные организации. Этим правом также следует пользоваться для доведения до сведения этих организаций случаев нарушения режима. В тексте не указано, что с жалобами можно обращаться только к советским общественным организациям; следовательно, заключенные имеют право обращаться и к другим общественным организациям, например в Международный Красный Крест или в Международную комиссию юристов в Женеве. Другое дело, что на практике эти письма, вероятно, не дойдут до адресатов. Но это уже будет нарушением закона, против которого можно будет протестовать.

Заключенным следует также знать, что для них «устанавливается восьмичасовой рабочий день» (ст. 28) и что их труд «оплачивается в соответствии с его количеством и качеством по нормам и расценкам, действующим в народном хозяйстве» (ст. 29). Им должно также предоставляться «индивидуальное спальное место и постельные принадлежности» (ст. 36).

До сих пор мы говорили о правах заключенных. Перейдем теперь к вопросу об ограничениях их прав.

В статье 36 «Основ» говорится, что нормы питания заключенных дифференцируются, в частности, в зависимости от их отношения к труду. Это — правило совершенно недопустимое, хотя оно и соответствует твердо укоренившейся в Советском Союзе практике. Заключенных заставляют выполнять невероятные нормы, под угрозой сокращения их пайка. Паёк сокращается, а нормы остаются те же. Голодный человек не в состоянии их выполнять (ему было трудно их выполнять и при нормальном пайке), и он попадает в замкнутый круг: чем меньше ешь, тем меньше выполняешь, а чем меньше выполняешь, тем меньше ешь. Подобная практика, как мы уже сказали, совершенно недопустима, и против нее следует протестовать, тем более, что, — как мы уже видели, — труд заключенных должен оплачиваться в соответствии с его количеством и качеством. Следовательно, если данный заключенный не выполняет норму, то его оплата автоматически сокращается, и этого должно быть вполне достаточно для санкционирования отношения человека к труду.

Еще в 1957 году Организация Объединенных Наций утвердила «Минимальные нормы обращения с заключенными». Мы не можем в этой статье привести все правила, разработанные ООН (их полный текст следовало бы опубликовать отдельно), укажем лишь некоторые из них. В статье 15 этого документа говорится, что заключенные должны иметь в своем распоряжении все туалетные принадлежности, необходимые для здоровья и чистоты, в том числе бритвенный прибор. Согласно статье 30 «Минимальных норм» меры взыскания могут применяться только после того, как заключенному была предоставлена возможность представить начальству свою точку зрения относительно проступка, в котором он обвиняется. В новых советских «Основах исправительно-трудового законодательства» не содержится подобной гарантии.

В статье 33 «Минимальных норм» ООН указывается, что наручники не должны ни в коем случае применяться для наказания заключенных. В статье 39 «Основ» также говорится, что наручники могут применяться только для «предотвращения причинения вреда окружающим или самим себе», но, как мы видим из письма Даниэля, на практике их надевают для «перевоспитания».

Для окончательной оценки нового советского исправительно-трудового законодательства следует подождать внесения в Кодексы союзных республик изменений, которые повлечет за собой принятие «Основ», но главные принципы были закреплены уже в этом документе.

На той же сессии Верховный совет СССР утвердил «Положение о предварительном заключении под стражу» и ввел его в действие также с первого ноября 1969 года. Следует обратить внимание общественности и лиц, заключенных под стражу, на те права, которые предоставляются последним статьей 9 этого «Положения»:

«Лица, заключенные под стражу, имеют право:

пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью один час; получать один раз в месяц передачу или посылку весом до пяти килограммов; получать денежные переводы; покупать по безналичному расчету продукты питания и предметы первой необходимости на сумму до десяти рублей в месяц; пользоваться своей одеждой и обувью;

иметь при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу;

пользоваться настольными играми и книгами из библиотеки места предварительного заключения;

обращаться с жалобами и заявлениями в государственные органы, общественные организации и к должностным лицам...»

Вероятно, многие подследственные очень бы удивились, прочтя этот текст и сравнив его с действительностью, но и здесь следует знать, что эти права закреплены в законе, следует их добиваться, а случаи их нарушения предавать гласности.

Единый фронт борьбы за Конституцию, Права, Свободу

Стремление нашего общества к идейному, моральному и политическому изживанию тоталитаризма приняло уже сознательные и организованные формы и отражается в самых разнообразных сферах общественной жизни. Это стремление отвечает как на местные и узкие, так и на общие и широкие проблемы общественной жизни. В борьбе за независимость общественного мнения, за самостоятельную общественность участвуют как отдельные граждане, так и группы и целые организации, в последнее время и политические. Независимо от объема поставленных задач и степени организованности и последовательности в своих действиях, это общественное движение имеет общую для всех, хотя формально и не зафиксированную, платформу борьбы за установление законности и гарантии прав человека.

За последние годы в общественном движении выявились группы, открыто выступившие в защиту прав, свобод и законности. Выступление этих групп нашло отклик и

сочувствие в широких кругах народа. Этому общественному движению противостоит власть, явно показавшая свое намерение не сдавать, а укреплять позиции диктатуры партийно-бюрократического меньшинства, опирающегося на догматические и оппортунистические элементы в партии и вне ее. Власть решительно и недвусмысленно отказалась от диалога с общественностью и стала на путь полного игнорирования ее требований. В современных условиях власть, очевидно, полагает, что она сможет удержаться на своих позициях только путем усиления аппарата насилия. Поэтому вместо привлечения к управлению страной знающих, творчески живых и морально незапятнанных людей, власть незаконно их преследует, натравливая на них оплот диктатуры — партаппарат и КГБ.

В стране существуют два полюса: власть и открыто провозгласившая свою независимость общественность. Поэтому каждый может сделать выбор между этими противостоящими и противоборствующими силами.

В этой обстановке единение независимых сил общества на общей платформе стало неотложной задачей.

Платформа единого фронта борьбы за Кон-

ституцию, Права и Свободу строится на согласии входящих в него лиц, групп и организаций совместно вести борьбу за соблюдение законности, за гарантии прав и свобод. Все эти права зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека ООН и не противоречат советской конституции. Следовательно, добиваться их осуществления в личной и общественной жизни и деятельности — неоспоримое право отдельных лиц и групп.

Лица, группы и организации, разделяющие Платформу единого фронта борьбы за Конституцию, Права и Свободу, создают Общественные Советы, которые должны стать рупором независимого общественного мнения и занять влиятельное положение в жизни всей страны. Общественные Советы намечают и проводят конкретные мероприятия для достижения целей, выраженных в Платформе единого фронта.

Участвующие в борьбе за Конституцию, Права и Свободу не лишаются права преследовать свои собственные цели и добиваться их свойственными им методами и способами. Но в рамках единого фронта они борются за устранение помех и создание условий, необходимых для нормальной деятельности лю-

бой независимой организации. Таким образом, Единый фронт борьбы за Конституцию. Права и Свободу не заменяет действующих организаций и не навязывает им своей платформы, содержащей лишь приемлемые для всех минимальные требования. В свою очередь, отдельные организации не навязывают Единому фронту своих специфических программных целей.

Их единство — в принятии Платформы единого фронта борьбы за Конституцию, Права и Свободу.

ПЛАТФОРМА ЕДИНОГО ФРОНТА

1. Отмена прямой и косвенной цензуры на все печатные издания с сохранением ответственности перед законом за разглашение военных тайн.

2. Ограждение всех видов творчества от вмешательства партийного и государственного аппарата, а также утверждение права каждого распространять и пользоваться результатами своего творчества вне рамок существующих творческих союзов.

3. Допущение независимых издательств и типографий и предоставление государствен-

ных типографий независимым общественным организациям, в том числе и Общественным Советам.

4. Доступ независимых общественных сил к средствам связи и массовой информации (радио и телевидение).

5. Беспрепятственная деятельность независимых организаций: творческих, научных, религиозных, молодежных, просветительных, благотворительных, артельных и кооперативных и т. д., созданных по почину общественных сил.

6. Обеспечение всем гражданам действительной свободы совести. Освобождение религиозных организаций от государственного контроля. Предоставление всем гражданам права открыто проповедовать свои убеждения и организовано воспитывать своих детей в соответствии с этими убеждениями.

7. Признание за гражданами права знакомиться с различными политическими течениями и входить в общение с различными политическими организациями.

8. Полная реабилитация всех пострадавших от сталинского произвола. Это означает опубликование результатов расследования и пересмотра дел для восстановления доброго

имени и возмещения материальных убытков невинно-пострадавшим и их семьям. Опубликование списков всех погибших в тюрьмах, лагерях и ссылке и предоставление близким всей информации о них.

9. Привлечение к ответственности тех, кто в сталинское время совершал преступления против человечности.

10. Привлечение к ответственности тех, кто и сегодня, злоупотребляя властью, нарушает права человека.

11. Недопущение экономических и административных репрессий против лиц, высказывающих свое мнение и выступающих против нарушения прав человека (снятие с работы, заключение в сумасшедшие дома, выселение и ссылка, конфискация произведений и собственности, лишение пенсии и т. п.).

12. Устранение из Уголовных кодексов всех статей, противоречащих Всеобщей декларации прав человека ООН. Обязательная гласность и беспрепятственное присутствие общественности при всех политических процессах.

13. Поскольку все следствия и процессы до сих пор проводились с нарушением элементарного требования гласности и других процессуальных норм, необходим пересмотр всех

политических дел и немедленное освобождение находящихся в лагерях, тюрьмах и ссылке политических заключенных.

14. Установление общественного контроля, с участием Общественных Советов, над местами заключения и условиями жизни в них, для пресечения произвола и выявления и отмены бесчеловечных правил и норм заключения.

15. Отмена ограничительных административных мер для всех, отбывших заключение.

16. Вскрытие и предание гласности фактов произвола КГБ.

17. Разоблачение и публичное осуждение платных и добровольных соглядатаев и доносчиков, следящих за частной и общественной жизнью граждан.

18. Организация общественного контроля, с участием Общественных Советов, над соблюдением законов, охраняющих права и интересы граждан. Выявление и предание гласности всех случаев произвола.

19. Составление, издание, распространение и обсуждение проектов новой конституции, а также изменений и дополнений действующих законов и конституции.

20. Снятие ограничений и поддержка хозяйственной инициативы граждан.

НТС, как политическая организация, имеющая свою программу необходимой перестройки общества и государства, но в то же время отрицающая любой вид тоталитаризма, а следовательно и политическую монополию, приветствует сотрудничество с другими политическими и неполитическими группами. НТС готов всемерно поддерживать общественные силы, ведущие борьбу за соблюдение законности и обеспечение гарантий прав человека. НТС призывает активные общественные силы сплотиться в Единый фронт борьбы за Конституцию, Права и Свободу для совместного преодоления преград, стоящих на пути к свободному и независимому проявлению общественных сил и мнений.

*Одобрено Советом
Народно-Трудового Союза
(российских солидаристов)
в июне 1968 года*

ПОСЕВ

Июль 1970

О наших с вами общих делах

Единая социалистическая система — реальность сегодняшнего дня. Стержнем этой системы являются коммунистические страны. В течение 23 лет прилагались огромные усилия, чтобы как можно теснее связать наши народы и государства, фактически создать единое сверхгосударство. Система управления государством, промышленность, сельское хозяйство отдельных стран лишь в деталях отличаются друг от друга. Той же цели всеобщей нивелировки служат и межгосударственные системы Комекон и Варшавский пакт. В каждой стране создана полная зависимость всей жизни от местных коммунистических партий, которые, в свою очередь, руководствуются директивами ЦК КПСС.

Сделано всё, чтобы периферия всецело зависела от центра, но как раз наличие этой жесткой связи и создает зависимость центра от периферии: процессы в отдельных странах угрожают существованию центра.

Материал штаба НТС от I. XI. 1968 г. — Р е д.

Связанность и взаимозависимость проявляются во всех аспектах жизни стран социалистической системы, но сейчас нас интересуют два наиболее важных из них: тождественность процессов в коммунистических партиях и процессов демократизации и либерализации среди интеллигенции наших стран.

Власть в России, в данное время, осуществляется неосталинистами, которые вот уже четыре года пытаются вернуться к сталинским временам. Усиливается террор, пресекаются всякие попытки либерализации, в самой партии догматики всё больше укрепляют свои позиции. Этот процесс равномерно развивался во всех странах блока, пока из строя не начала выходить Чехословакия. Там, в январе 1968 года, к власти пришли такие коммунисты, которые, в силу разных причин, утратили главные черты коммунистов сталинской школы. Они были готовы делить власть с другими и, кроме того, ставили интересы народа выше интересов партии.

Это — изменение качества, которое на языке коммунистов-сталинцев называется пре-

дательством. В силу связанности процессов, это изменение качества одной партии неминуемо должно было отразиться на партиях всей системы и привело бы к новому расколу между партиями, а, следовательно, к созданию нового коммунистического центра (четвертого после СССР, Югославии и Китая).

Можно утверждать, что одна эта угроза была достаточной причиной для интервенции в Чехословакии. С точки зрения сегодняшнего ЦК КПСС, чехословацкая компартия подлежит радикальной чистке от «бацилл либерализма», чтобы зараза не перебросилась на коммунистические партии других стран. Речь идет о самосохранении компартий, а за эту цель все они будут вести борьбу всеми доступными им средствами.

Во всех странах социалистической системы идет борьба интеллигенции за законность, за свободу слова и печати, за либерализацию в экономике. Но этот процесс никем не организуется. Он развивается спорадически и проявляется то в решительных активных действиях, то в лишь намечающихся тенденциях. По темпам своего развития он часто не

совпадает с остальным развитием в стране. Многие выступления носят локальный и лишь изредка, как в случае выступления Сахарова, международный характер, общий для всех стран социалистической системы.

В России эта борьба началась давно, но размеры страны и отсутствие демократических традиций замедляют ее развитие. В странах, где коммунизм пришел к власти позже, где террор не был таким массовым, где докоммунистические понятия законности и свободы еще в памяти людей, процессы протекают быстрее. Играть, конечно, роль и другие факторы, как-то: национальные, географические и исторические. Нет не только прямой организационной связи и координации действий, но не всегда даже осознается политическая взаимосвязь процессов. Во всяком случае, она сознательно не укрепляется.

И вот создается впечатление, что многие чехословацкие общественные деятели искренне думали, что их успешная борьба, значительно опережающая в своем развитии другие страны системы, касалась их одних, была частным делом чехов и словаков. Это — глубокое заблуждение. Успехи чехов и словаков чрезвычайно стимулировали соответственные процессы в других странах, в

первую очередь, в России. Конечно, прогрессивная интеллигенция наших стран не может не ощущать связанности процессов либерализации, но понимание это, видимо, не достаточно остро, раз оно не приводит к политической и организационной координации. С другой стороны, руководство компартий эту взаимосвязь понимает, что и вызывает их совместную реакцию. Каждая из партий сталкивается с этой проблемой в своей стране и каждая воспринимает ее, как смертельную опасность для своего существования.

1. КПСС, при поддержке компартий других стран (польской, немецкой, венгерской, болгарской), борется за единство в своих рядах, против образования еще одного вида коммунизма. Все они реально ощущают общность своей судьбы, что их власть зависит от их единства и может быть сохранена только путем решительной борьбы со всякой либерализацией, т. е. путем возврата к сталинизму, однако, для успокоения имеющих хорошую память, без нового Сталина.

2. Ощущение компартиями общности своей судьбы позволяет допустить положение, при

котором немецкие или венгерские дивизии были бы брошены в Москву, то ли для подавления народного восстания, то ли для поддержания догматиков в их борьбе с «либералами» или любой другой фракцией. Этим иностранным солдатам будет столь же трудно найти общий язык с населением, как русским солдатам в Чехословакии, и нет оснований сомневаться, что они так же выполняют заданную им командованием роль.

3. Прогрессивные силы во всех странах социалистической системы борются за те же идеалы, однако борьбу свою они ведут разрозненно. Это одна из причин, почему они не могут успешно противостоять единой системе коммунистических партий сталинского типа и несут поражения.

4. КПСС права, утверждая, что ни одно звено не может выпасть из социалистической системы. Она знает, что это может привести к обвалу всей системы.

НТС и раньше понимал общность дальнейшей судьбы наших народов и строил на этом понимании сотрудничество с отдельными представителями наших соседей. Однако,

кроме нас, никто не придавал этому вопросу первостепенное, принципиальное значение. Ни в России, ни в других странах блока не ощущали, что это, может быть, вопрос жизни и смерти наших стран.

В Германии (правда, Западной) многие политики рассчитывали добиться воссоединения с Восточной Германией путем какой-то умелой дипломатии, без коренных изменений в мировой системе социализма. Мы знаем, что этого никогда не будет.

Чехи, поляки, венгры, уже находясь сами в таком же положении, продолжали ощущать свою судьбу в отрыве от России. В период же между войнами это выражалось в презрительном отношении к русскому народу, в утверждении, что «у нас такого быть не может». Считалось: что бы в России ни происходило — нас это не касается, мы защищены границей — санитарным кордоном. А ведь именно в этот период закладывались основы «социализма», совершались самые массовые убийства, коммунистическая партия укрепляла свою власть. Слишком дорого — бесправием и террором, захлестнувшими и эти страны, приходится им платить за такую антихристианскую, аморальную позицию.

Долгое время только русские солдаты, сами обманутые и бесправные, с навязанным им извращенным пониманием патриотизма, законности и справедливости, несли бремя другим народам. Теперь на ту же ступень опустились солдаты других стран-оккупантов: венгры, поляки, болгары, восточные немцы. Это совместное преступление — большая победа КПСС, ибо оно связывает оккупантов презрением оккупированных, закладывает вражду на долгие десятилетия. Но окончательной победой над чехами и словаками будет тот день, когда их войска, совместно с другими, будут подавлять очередную вспышку борьбы, например, в Болгарии.

Мешает сближению наших народов и превратное чувство превосходства, упорно вселяемое в наш народ коммунистической партией. Утверждается: что нас много, что страна наша великая, что поэтому мы лучше других знаем, как жить, можем даже «помогать» другим вопреки их воле. И это утверждается несмотря на то, что у себя в СССР не смогли устроить достойную жизнь.

Однако нам кажется, что план КПСС не удался в одном смысле: после 21 августа понимание общности судьбы стало расти в народах наших стран и начало приводить к

практическим действиям, носящим пока, правда, больше декларативный характер. Речь идет о многих выступлениях как в России (Марченко, Григоренко и демонстранты на Красной площади), так и в других социалистических странах, в поддержку Чехословакии, против оккупации. Имеются также в виду и выступления чехословацкой общественности с ответными заявлениями, в частности по делу Литвинова, Даниэля и других.

Общность нашей судьбы, упрощенно выражаемая в лозунге «За вашу и нашу свободу», должна быть фундаментом, на котором нам следует строить нашу национальную политику. Во имя этой политики все мы должны поступаться своими интересами, как страны Европейского содружества поступаются своими, преодолевают веками установившиеся предубеждения. Другого пути у нас нет. Чешская, польская, русская интеллигенция должны чувствовать себя членами одного духовного сообщества, ответственного за степень свободы и законности на всей нашей территории. Мы, русские, должны при этом забыть психологию «старшего брата», основанную только на том, что нас больше.

Из такого понимания вытекают следующие конкретные действия:

1. Количественное увеличение и качественное углубление личных контактов между интеллигенцией наших стран. Поездки чехов в СССР, даже если им это сейчас противно, поездки русских в Чехословакию, даже если им стыдно. Использование всех легальных и полулегальных возможностей для встреч на конференциях, съездах и т. п. Интенсивная разъяснительная работа среди солдат оккупационных армий.

2. Углубление интереса к прогрессивным течениям и актам сопротивления в других социалистических странах, особенно в СССР. Информация своего народа о фактах борьбы, перевод и распространение документов этой борьбы, популяризация имён ее выдающихся участников. (Как пример, в СССР — Галансков, Буковский, Солженицын, Сахаров и др.). Издание их произведений на своем языке, официально или при помощи Самиздата. Информация других о том, что в этом плане происходит в своей стране.

3. Совместное политическое творчество. Разработка политических идей, отвечающих интересам наших народов. Поиск своего, «третьего пути». Такие тенденции доминиро-

вали в Чехословакии, проявлялись у польских студентов, заметны в работе академика Сахарова. В виде политической концепции эти мысли сформулированы в Программе российских солидаристов (НТС). Речь, естественно, не идет о создании единой политической программы, а лишь о том, чтобы политическая мысль не замыкалась в национальных границах, чтобы живые идеи были предметом обсуждения и интереса прогрессивной интеллигенции всех наших стран.

4. Активная взаимная поддержка прогрессивных элементов в разных странах, в первую очередь, демонстрации симпатии.

Эти и подобные мероприятия будут лишь медленно давать результаты, но другого пути у нас нет. Эти мероприятия будут постепенно вести к изоляции коммунистов-догматиков и, главное, создадут обстановку, в которой период последней борьбы за свободу будет сильно сокращен, вне зависимости от того, произойдут ли изменения так, как они происходили в Чехословакии, или в результате революционного взрыва в СССР.

Сопротивление реакционной политике партии растет прежде всего в среде интеллиген-

ции и молодежи. Всей России известны имена Галанскова и Гинзбурга. Синявского и Даниэля, Литвинова, Григоренко, Хаустова и многих других. Они выступают за свободу слова и печати, за законность. Как принципиальный защитник прав человека, большой популярностью пользуется поэт и математик Есенин-Вольпин, сын Сергея Есенина. Это движение еще в начальной стадии своего развития, но за ним будущее. Многие в России изучают опыт Чехословакии, думают, не удастся ли пойти по этому пути и России. Вот что пишет академик Сахаров: «На сегодня ключ к прогрессивной перестройке государственной системы в интересах человечества лежит в интеллектуальной свободе. Это поняли, в частности, в Чехословакии, и мы, без сомнения, должны поддержать их смелую и очень ценную для судеб социализма и человечества инициативу».

Одним из организующих элементов либерализации и освободительных процессов в СССР являются НТС. Мы ставим своей целью устранение однопартийной системы, обеспечение законности и основных свобод для человека. Мы предлагаем новую систе-

му экономики и общественных отношений и указываем свой путь от социализма советского образца, но не к капитализму. Программа НТС распространяется в России и объединяет всё большее число единомышленников. Деятельность НТС вызывает непрерывные нападки официальной прессы и органов КГБ, которые, однако, не могут пресечь развитие нашего движения.

Советская армия будет находиться в Чехословакии до тех пор, пока КПСС будет оставаться у власти в России. 1 год, 2, 5, 15, 50... Такова реальность, из которой следует исходить. Задача армии оказывать психологическую, а в крайнем случае и физическую, поддержку работе «советников», которые, опираясь на чешских коллаборантов, контролируют страну. Эта система будет действовать, пока наступит полная «нормализация», но и тогда нельзя будет вывести войска. Нельзя, т. к. в ЦК КПСС не доверяют чехословацким партийным руководителям. Одни, как Дубчек, рассматриваются как предатели дела коммунизма, другие виноваты в том, что не сумели удержать власть в своих руках, не

сумели в нужный момент «по-большевистски» взяться за пистолет и таким образом восстановить «единство» партии и народа. Будет, видимо, уменьшена численность войск, но это не играет никакой принципиальной роли.

И тем не менее положение в Чехословакии, если смотреть с позиций Москвы, Ленинграда, Киева, Варшавы, Будапешта, выглядит чрезвычайно оптимистично. В Чехословакии существует большое единство между народом и общепризнанными руководителями. Пока еще удалось сохранить значительную свободу прессы, собраний, передвижения. Но даже если эти свободы будут утрачены, останется ясное видение пути, которым следовало бы идти, и того, что на этом пути стоит.

Наконец, 8 месяцев «весны» восстановили доверие между людьми, что является источником сил для дальнейшей борьбы. Эти успехи достигнуты благодаря большой политической мудрости, выдержке и мужеству народа.

Н Т С

1 н о я б р я 1968 года

П О С Е В Август 1970

Призыв к действиям

ЙИРЖИ ПЕЛИКАН

О смысле и значении поступка Яна Палаха написано и сказано было много. Быть может, все. В счет, разумеется, не идут глупые попытки придворных пропагандистов замарать поступок молодого патриота выдумками о «махинациях западных разведок» и «правых оппортунистах»; такие попытки скорее свидетельствуют о моральном упадке людей вроде Вилема Нового и других, ему подобных. Что же касается нынешних попыток официальной пропаганды замолчать годовщину, которую вспомнила наша и мировая общественность, то надо понимать, что усилия снизить значение поступка Палаха спо-

Йиржи Пеликан — бывший главный директор чехословацкого телевидения, бывший председатель внешнеполитической комиссии парламента, бывший член ЦК ЧКП. После оккупации Праги он работал около года при чехословацком посольстве в Риме в качестве советника по вопросам культуры. На этих днях Гусак лишил его чехословацкого гражданства.

собны лишь вызвать реакцию, в высшей степени неблагоприятную для так называемой «нормализации», о которой печется нынешнее руководство. Поэтому я хотел бы вкратце показать значение поступка Палаха для нас, чехословацких коммунистов, открыто и активно участвовавших в проведении послеполетской политики.

Никто не может обвинить Яна Палаха в том, что его поступок был вызван чем-то похожим на честолюбие или карьеризм. Чистоту своего замысла он доказал, самой дорогой ценой купив свое право быть услышанным современниками. Мне кажется, что подлинный и высший смысл его поступка заключается в наглядном доказательстве, что молодое поколение способно пожертвовать всем во имя своих идеалов, что оно без колебаний жертвует и жизнью. Не излишняя горячность, не дешевое желание «себя показать», не неожиданный наплыв эмоций — нет, с полным сознанием ответственности и серьезности совершаемого. В первую очередь потому, что опыт последних лет, особенно начиная с января 1968 года, дал ему возможность познать и оценить высшие и ничем не заменимые блага: свободу, независимость и подлинный социализм. Отклик на поступок Яна

Палаха среди молодых людей доказал, что тут речь идет не об исключительном, обособленном поступке одиночки, а о символическом жесте, выражающем взгляды молодого поколения.

Снова и снова мне вспоминаются те дни второй половины января 1969 года в Праге. Новая надежда каким-то особым образом сливалась с ростом народного единства. Это почувствовали мы еще с августа 1968 года, но в то же время появлялось у нас и отчаяние, вызванное подсознательным роковым опасением, что мы теряем нечто невозвратное. Тогда только начинались поиски настоящего смысла поступка Палаха. Не все тогда понимали, что смысл заключался в настойчивом призыве дальше не уступать. Любая дальнейшая уступка — сколь веские доводы ни приводились бы в ее оправдание — не могла не стать изменой. Изменой нашей родине, ее народу, послеянварским надеждам; всему тому, во что мы верили под именем социализма и чему мы посвятили лучшие годы жизни.

Глядя на толпу, на десятки тысяч людей, которые проходили перед гробом Яна Палаха в спокойствии, полном достоинства, гнева и решимости, я не мог не думать о роковой

ночи с 20 на 21 августа 1968 года, когда полумиллионная армия ворвалась к нам в страну для того, чтобы подавить надежду на осуществление истинного социализма. Социализма, который соответствовал бы вековым нашим чаяниям, нашим традициям и образу мышления, и пользовался бы активной поддержкой большинства населения. Я должен был думать о тех, кто, наверное, ответственно тогда решил, что мы отказываемся от того, чтобы воевать за свои убеждения и свои права; отказываемся ради спасения человеческих жизней, прежде всего жизней молодого поколения. Многие так действительно и думали, многие только пытались таким образом заглушить голос совести и найти оправдание для капитуляции. Во всяком случае именно это решение было принято. В интересах сохранения надежды для будущего. В интересах народа. В интересах сохранения мира в мире. А прежде всего — так говорилось — в интересах спасения молодых жизней.

Своим жестом Ян Палах нанес жестокий удар всем этим попыткам объяснить и оправдаться. Он и его друзья, солидарные с его

жестом, доказали, что молодых людей совсем не интересуется вся эта наша трогательная о них забота — будто ради них мы должны волей-неволей уступить. Жест Палаха уничтожил легенду, так часто всплывавшую в чешской истории, о том, что наше историческое призвание — терпеть и жертвовать собой в интересах других народов или будущих поколений. Он доказал, что молодежь — или лучшая часть ее — способна на жертвы и знает, когда они нужны. Что она отвергает гнилые компромиссы, с отвращением относится к ним; что она способна и хочет бороться, даже если бой неравен и заранее обречен на проигрыш; что в ее глазах не каждый проигранный бой представляет собою поражение.

Поэтому мне кажется, что поступок, совершенный Яном Палахом, гордо и великолепно опроверг известные традиции, которыми мы привыкли даже и гордиться. Именно поэтому поступок этот многим представляется чем-то необычайным для стран «в сердце Европы». Ибо этим поступком воздана была слава безрассудству, безрассудному мужеству, презрению к смерти, принят был риск,

без которого не может быть ни борьбы, ни победы.

Именно обо всем этом я должен думать сегодня, по прошествии года, в течение которого свершилось то, чего мы тогда опасались, но свершилось быстрее и страшней, чем мы тогда и в мыслях допустить могли. Жест Яна Палаха был призывом ко всем нам прийти в себя, пока еще не поздно. Он был предупреждением перед лицом измены, которая подготавливалась, — измены всему тому, что нам дорого, измены себе самим, смыслу нашей борьбы и нашей жизни.

Мы тогда не вполне оценили этот драматический призыв, выраженный живым факелом, мы не совсем поняли его значение. Многие продолжали играть фразами о «признании действительности», о «необходимости спокойствия», о «катастрофических последствиях». За все это мы уже заплатили и еще будем платить. Неспособность понять предупреждение Палаха и должным образом реагировать на него — причина тому, что пришлось уйти Смирковскому, Криглу, Шику, потом и Дубчеку. А за ними десят-

кам, сотням, тысячам других коммунистов и патриотов, которые поначалу вынуждены будут отойти в сторону, а впоследствии, кто знает... И по этой же самой причине было втоптанно в грязь самое светлое время нашей новейшей истории, пришлось нам благодарить наших оккупантов, и потеряли мы доверие людей у себя на родине и уважение людей за пределами ее. По этой же самой причине мы растоптали или принесли в жертву моральные ценности, значение которых неисчислимо.

Но поступок Палаха остался призывом, обращенным ко всем нам, который нельзя замалчивать, от которого нельзя отделаться насмешкой. Он стал частью нашей современной истории. Ибо он доказал, что у нас есть не только традиция терпения и жертвенности, но и традиция действия, сопротивления, борьбы. Носителем и продолжателем этой традиции будет молодое поколение, которое в 1968 и 1969 годах за несколько месяцев постарело, повзрослело на много лет, созрело, и не в мудрых старцев превратилось, а в решительных бойцов. По крайней мере лучшая часть его.

В этом сознании единственный источник оптимизма — без легкомыслия, без иллюзий — такого, который только и возможен в эту тяжкую нашу эпоху, — тяжкую для нашей родины и для социализма в мире. Ибо то, что вчера хотел выразить Ян Палах своим жестом, на первый взгляд непривычным для нашего народа, то же самое его сверстники смогут в будущем выразить иначе: тем, хотя бы, что пойдут воевать. Без заранее выданной им гарантии, что будет победа, что будут союзники, что борьба не безнадежна. Как раз поэтому, быть может, борьба эта и увенчается победой. Ради того, чтобы жили те идеалы свободы, независимости и подлинного социализма, за которые сжег себя заживо Ян Палах.

Я вижу в этом повод к размышлениям; но и не только к одним размышлениям...

Исключение

А. И. Солженицына из Союза писателей

4 ноября великий русский писатель А. И. Солженицын был исключен из Союза писателей Рязанским отделением СП РСФСР. Из семи членов рязанского отделения на заседании присутствовали шесть: Василий Матушкин (Рязань), Сергей Баранов (Рязань, председательствовал), Николай Родин (г. Касимов, для кворума срочно доставлен из больницы), Николай Левченко (Рязань) и Солженицын. Отсутствовал, легши на операцию аппендицита секретарь отделения Эрнст Сафонов. Еще присутствовал секретарь СП РСФСР Франц Таурин, секретарь по агитации и пропаганде Рязанского обкома КПСС А. С. Кожевников, редактор издательства Поваренкин и еще трое лиц из областных организаций. На повестке дня один вопрос: Информация секретаря СП РСФСР Таурина о решении секретариата СП РСФСР «О мерах усиления идейно-воспитательной работы среди писателей».

Выступавшие обвиняли Солженицына в том, что он не выступал на предвыборных собраниях; не участвовал в обсуждении произведений начинающих авторов и не рецензировал их рукописи; высокомерно относился к рязанским писателям и их «небольшим достижениям в литературе»; его «Иван Денисович» — бескрылый человек; в его «Матренином дворе» — одни черные краски; его последнее творчество (хотя рязанские писатели и признавались, что незнакомы с ним) идет вразрез с их творчеством; он не дал отпора шумихе на Западе вокруг его имени; его творчество поставила на вооружение граница. Солженицын выступил с ответом, в котором доказывал необоснованность выдвинутых против него обвинений.

Пятью голосами против одного была принята резолюция: «Собрание считает, что поведение Солженицына носит антиобщественный характер, в корне противоречащий целям и задачам Союза писателей СССР. За антиобщественное поведение, противоречащее целям и задачам Союза писателей СССР, за грубое нарушение основных положений устава СП РСФСР исключить литератора Солженицына из членов Союза писателей

СССР. Просим секретариат утвердить это решение».

12 ноября в «Лит. газете» появилось сообщение об исключении Солженицына Рязанской писательской организацией и об утверждении этого решения секретариатом правления СП РСФСР. Ни одной фамилии (кроме Солженицына) и ни одной даты не приведено.

14 ноября «Лит. Россия» перепечатала сообщение «Лит. газеты» с добавлением фамилий рязанских писателей, а также писателей, участвовавших в заседании секретариата правления СП РСФСР: Л. Соболев, Г. Марков, К. Воронков, А. Барто, Д. Гранин, В. Закруткин, А. Кешоков, В. Панков, Л. Татьяничева, Ф. Таурин, В. Федоров, С. Хакимов. Снова — никаких дат. . . .

ПОСЕВ, ТРЕТИЙ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Апрель 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

В ближайшее время выходит из печати,
полученный из России,
программный документ

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

**Наша страна находится на поворотном пункте
истории**

Авторы документа Н. Алексеев и С. Зорин

А. Солженицын - лауреат Нобелевской премии

Известие о присуждении Нобелевской премии по литературе за 1970 год А. Солженицыну мгновенно облетело мир и вызвало оживленные комментарии.

Ниже мы сообщаем о первых откликах иностранной печати по поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии.

Французская печать реагировала на это известие особенно оживленно, — дополнительную роль здесь сыграло, вероятно, и то обстоятельство, что первая инициатива выдвижения А. Солженицына в число кандидатов на соискание премии исходила из Франции, от общества «Искусство и прогресс» («Ар э прогресс»), которую поддержала группа деятелей культуры во главе с нобелевским лауреатом Франсуа Мориаксом. Так, парижская «Фигаро» публикует отзывы о присуждении премии А. Солженицыну философа Габриэля Марселя, писателя Армана Лану и члена ЦК французской компартии писателя Луи Арагона.

«Это, несомненно, человек с огромным талантом... — говорит Габриэль Марсель. — Солженицын больше, чем писатель. Он человек, который всегда проявлял большую силу характера и удивительную независимость мысли... Нобелевская премия на сей раз присуждена человеку, чье имя равнозначно свободе».

«Солженицын — самый большой из современных писателей, — считает Арман Лану. — Однако он исключен из Союза советских писателей и решение Нобелевского комитета ставит советские органы культуры в затруднительное положение. Сейчас важно было бы знать, какой окажется советская реакция. Я от всей души желаю, чтобы этот выбор никого не озлобил и чтобы советские граждане, воспользовавшись решением Нобелевского комитета, отдали должное крупнейшему из своих писателей и сделали невозможной любую попытку использовать решение Шведской академии в политических целях».

«Я ничуть не удивлен тем, что такой превосходный писатель получил Нобелевскую премию, — заявил Луи Арагон. — Это лучше, чем если бы ее получил плохой писатель».

Орган французской компартии «Ю м а н и т е» поместила портрет А. Солженицына на первой странице. В статье, посвященной решению Нобелевского комитета (автор Андре В ю р м с е р), сказано:

«Солженицын писал всегда, исходя из своего собственного опыта. Он был свидетелем и жертвой трагедий, из которых, как он считает, наибольшей была трагедия иванов денисовичей...

Вопрос не в том, согласны ли мы с темпераментом, с духовной направленностью и мировоззрением Солженицына, а в том, какому писателю присуждена Нобелевская премия 1970 года — посредственному или выдающемуся? У нас нет сомнения в том, что она присуждена выдающемуся писателю».

Лондонские вечерние газеты первыми сообщили о присуждении нобелевской премии А. Солженицы-

ну. Газета «Ивнинг стандарт» сообщила, что «на Западе А. Солженицына считают современным Достоевским, в особенности за те силу и сострадание, с которыми он описал жизнь людей в сталинской России».

Все утренние лондонские газеты напечатали сообщения о Солженицыне. «Таймс» и «Дейли телеграф» поместили об этом передовые и репортажи. В «Гардиан» появилась большая статья известного комментатора Виктора Зожа. Среди остальных корректную заметку поместила и коммунистическая «Морнинг стар». Газета отметила, что получившие широчайшую известность на Западе «Раковый корпус» и «В круге первом» не были опубликованы в СССР. Свое сообщение «Морнинг стар» закончила напоминанием о том, что А. Солженицын был исключен из СП СССР «за то, что якобы писал антисоветские произведения и не осудил их опубликование на Западе».

Западногерманская печать тоже подробно комментировала присуждение А. Солженицыну Нобелевской премии. Крупная западногерманская газета «Вельт» считает, что произведения А. Солженицына несомненно заслуживают премии. Эта награда, говорит автор «Вельт», есть одновременное осуждение власти, которая хочет заставить замолчать писателя — и недаром в решении Нобелевского комитета говорится о той этической силе, которая исходит от произведений А. Солженицына. Решение Шведской академии, говорится в «Вельт», укрепит свободолюбивых российских писателей, не имеющих возможности печатать свои произведения в официальной печати, покажет им, что их упорст-

во не бесполезно. И вообще для советского правительства было бы лучше, если бы оно, после решения Нобелевского комитета, изменило политику в отношении литературы своей страны.

ПОСЕВ Октябрь 1970

Наказан мировой славой

«Власть должна принять ответственные решения»,
— говорили москвичи западным корреспондентам.

Власть приняла безответственное решение. Солженицын в Стокгольм не едет. Приняла власть свое решение подло и негласно: не прямо отказала Солженицыну в паспорте, а пригрозила, что в случае выезда, обратно не пустит. Всеми силами старалась и сумела шантажом заставить его самого отказаться от поездки.

Свора мелких псов, выпущенная властью на Солженицына, гордо рапортует сейчас о полной победе, достигнутой с точным соблюдением указаний верховного начальства. А выполнить указания было нелегко. Надо было осудить Шведскую академию и Солженицына, но осудить лишь в коротких заявлениях и статейках. Неубедительно, но осудили! Надо было осудить, но не прибегая к маститой сволочи, обойтись анонимными «представителями» и «корреспондентами». Осудили — абсолютно анонимно! Надо было найти осуждения и в иностранной печати, найти иностранных специалистов, подтверждающих советскую точку зрения. Нашли, при помощи лупы, но нашли великого Боноски и газету из города Лулео, число жителей которого перевалило за десять тысяч! Надо было заставить Солже-

ницына самого отказаться от поездки. Заставили! Добровольно отказался! Победа!

Победа ли?

Не будем говорить о том, какие крупные литературные имена на Западе высказались за присуждение Нобелевской премии Солженицыну. Не будем повторять имен западных коммунистов, которые не могли не признать его таланта. В России анонимной своре мелких псов, выпущенной властью на Солженицына, с открытым забралом, бесстрашно ответили 12 заключенных во главе с Юрием Галансковым, по данным иностранной прессы из спецпсихобольницы поздравил его В. Гершуни. Вместе с Петром Якиром подписали приветствие 36 представителей независимой общественности. С храбрым и решительным письмом-протестом выступил Мстислав Ростропович (печатается ниже). Свое письмо-объяснение, почему он не сможет приехать в Стокгольм, Солженицын написал с такой искренностью, про которую лондонская «Таймс» в передовой статье от 1 декабря говорит, что «эта искренность доступна только тому, кто умеет писать только честно и бесстрашно».

В своем письме Солженицын говорит, что готов был пройти унижительную процедуру, которой подвергаются желающие выехать за границу, но вынужден отказаться от поездки, т. к. нападки на него и преследования — увольнение с работы читателей его книг — заставляют его опасаться, что ему не дадут вернуться на родину. Солженицын просит представителя Академии приехать в Москву, чтобы

передать ему премию там. Нобелевскую лекцию он обещал послать по почте.

Главный директор Нобелевского фонда Нильс К. Стаале сообщил прессе, что Солженицыну написано для выяснения, не сможет ли он приехать позднее, и что до получения ответа, решения о посылке делегации Академии в Москву приниматься не будет.

Свою, уже цитированную нами, передовую статью «Таймс» назвал «Один из великих писателей России». Говоря о тесной связи Солженицына с Россией и о его отказе рисковать насильственной эмиграцией, газета заканчивает словами: «Многие русские видят в Солженицыне великого писателя. Настанет день, когда они скажут это открыто».

Победа ли?

В Стокгольм приехал Гречко. Его встретили демонстранты с плакатами: «Стокгольм ждал Солженицына, а Москва прислала Гречко!»

Победа ли?

ИЗДАТЕЛЬСТВО « П О С Е В »

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

В круге первом

Один из кругов ада советских концлагерей
времен сталинщины

Карманное издание

640 стр. 17.— н. м., 4.50 ам. дол.

Тихая Машенька

Вас. ГРОССМАН

Тихая Машенька... Вот уже нет на ней тонких чулок и синей шерстяной кофточки. Трудно сохранить опрятность в товарном вагоне, с напряжением вслушивается она в странную, словно не русскую речь воровок, соседок по нарам. С ужасом смотрит она на

«Тихая Машенька» — глава из романа Вас. Гроссмана «Все течет...» Свою работу над этим произведением автор закончил в 1963 г., но ни при жизни автора, ни после его смерти (1964 г.) оно не могло быть опубликовано в России, так как находится в резком противоречии с требованием коммунистической цензуры. Сейчас роман Василия Гроссмана «Все течет...» вышел в издательстве «Посев». В ближайшем будущем роман выйдет на английском, немецком, французском, итальянском и других языках.

Перепечатка или перевод на иностранные языки, даже в отрывках, воспрещается.

© 1970 by Possev-Verlag, V. Gorachek., Frankfurt/M.

эшелонную царицу — бледногубую истеричную любовницу знаменитого ростовского вора.

Вот Маша выстирала в кружечке платочек, остатками воды обтерла ступни ног, сушит платок на колене, всматривается в полумрак.

В тумане смешались последние месяцы: плач трехлетней Юльки, объевшейся на дне рождения, лица людей, производивших обыск, белье, чертежи, куклы, посуда на полу, вытащенный из горшка фикус, подаренный мамой к свадьбе, последняя улыбка мужа с порога комнаты, жалкая, молящая о верности, — вспоминая эту улыбку, она кричала, хваталась за голову; потом безумные недели, где всё, как прежде, а рядом с кастрюлей Юлькиной каши леденящий ужас Лубянки; очереди в приемной Внутренней тюрьмы, голос из окошечка: «в передаче отказано», беготня по родне, заучивание наизусть адресов близких, поспешная, неумелая продажа зеркального шкафа и книг, изданных «Академией», боль от того, что закадычная подруга перестала звонить по телефону, снова ночные гости и обыск до рассвета, прощание с Юлькой, которую не отдали, наверное, бабушке, а увезли в приемник, Бутырская тюрьма, где говорили шепотом, где иглой при шитье слу-

жили спички и выловленные из баланды рыбы кости, пестрое мельканье десятков выстиранных платочков, трусов, лифчиков — их сушили заключенные женщины, размахивали ими в воздухе; ночной допрос, и вот впервые в жизни на нее замахнулись кулаком, назвали на «ты» — блядью, проституткой. Ее уличили в недонесении на мужа, он был осужден на десять лет без права переписки за недонесенье на террор.

Маша не поняла, почему она и десятки таких, как она, должны доносить на мужей, почему Андрей, сотни таких, как он, должны доносить на товарищей по работе, на друзей детства. Следователь вызвал ее один только раз. Потом прошли восемь тюремных месяцев — день и ночь, ночь и день. Отчаяние сменилось тупым ожиданием судьбы, и вдруг, как морская волна, окатывала ее надежда, уверенность в скорой встрече с мужем и дочерью.

Наконец, надзиратель вручил ей узкую полоску папиросной бумаги, и она прочла: 58-6-12.

Но и после этого она надеялась: а вдруг отменят, муж оправдан, Юля дома, — и они встретятся, никогда не разлучатся. И от мысли об этой встрече обдавало счастливым ог-

нем и холодом.

Ночью ее разбудили: «Любимова, с вещами!» В черном вороне ее повезли, минуя Краснопресненскую пересыльную тюрьму, на товарную станцию Ярославской железной дороги, на погрузку в эшелон...

Особо ей запомнилось утро после ареста мужа, словно это утро все продолжалось.

Хлопнула парадная дверь, зашумел мотор, и стало тихо. В ее душу вошел ужас. Звонил в коридоре телефон, лифт вдруг останавливался на лестничной площадке против их двери, соседка, шлепая туфлями, шла из кухни, и неожиданно шлепание туфель стихало.

Она обтирала тряпочкой разбросанные по полу книги, ставила их на полку, она связала в узел белье, лежавшее на полу, — ей хотелось его прокипятить, вещи в комнате казались опоганенными. Она вставила фикус в горшок и погладила его кожаный лист, — над этим фикусом смеялся Андрюша, объявил его символом мещанства, и она в душе была согласна с ним. Но Маша никогда не позволяла обижать этот фикус и не разрешала Андрею вынести его на кухню — жалела бедную маму, — мама, совсем уже старенькая, везла его в подарок через всю Москву,

тащила на пятый этаж, так как лифт в те дни ремонтировался.

Все было тихо! Но соседи не спали. Они жалели ее, боялись ее и млели от счастья, что не к ним пришли с ордером на обыск и арест. Юленька спала, а она убирала комнату. Обычно она не занималась так старательно уборкой. Она вообще была равнодушна к вещам, ее никогда не интересовали люстры, красивая посуда. Некоторые ее считали плохой хозяйкой, неряхой. Но Андрею нравилось Машино равнодушие к предметам и беспорядок в комнате. А сейчас ей казалось, что если вещи займут свои места, ей станет спокойнее, легче.

Она посмотрела в зеркало, оглядела прибранную комнату. Вот «Путешествие Гулливера» на книжной полке там же, где и вчера, до обыска, фикус вновь стоял на столике. И Юля, до четырех утра плакавшая и цеплявшаяся за мать, сейчас спала. В коридоре было тихо, соседи еще не шумели в кухне.

И в своей чинно прибранной комнате Машенька ощутила режущее отчаяние. Ее всю осветило нежностью, любовью к Андрею, и тут же, в этой домашней тишине, в окружении привычных предметов, она, как никогда, ощутила беспощадную силу, способную сог-

нуть ось земли, — эта сила вошла прямо в нее, в Юльку, в маленькую комнату, о которой она говорила:

— Мне не надо и двадцати метров с балконом, потому что я здесь счастлива.

Юля! Андрюша! Ее увозят от них! Стук колес сверлит душу. Все дальше она от Юли, с каждым часом приближается Сибирь, данная ей взамен жизни с теми, кого она любила.

Нет уже на Машеньке ее клетчатой юбки, ее гребешком расчесывает трещащие, электрические волосы воровка с бледными тонкими губами.

Должно быть, лишь в молодом женском сердце живут одновременно две эти муки: материнская — страстное желание спасти своего беспомощного ребенка, и одновременно детская беспомощность перед гневом государства, желание спрятать голову на груди у мамы.

На этих грязных обломанных ноготках был когда-то маникюр, цвет его очень занимал Юльку, а когда-то папа сказал шестилетней дочери: «У мамки ногти, как чешуйка у рыбки». Вот и следов завивки не осталось, она причесывалась за месяц до ареста Андрюши, когда собиралась с ним на рождение к подру-

ге, той, что перестала ей звонить по телефону.

Юленька, Юленька, застенчивая, нервная — в приемнике. Маша тихо, жалобно мычит, в глазах у нее мутнеет — как защитить дочку от жестоких няnek, озорных недобрых детей, рваной и грубой приютской одежды, от солдатского одеяла, соломенной, колючей подушки. А вагон скрипит, стучат колеса, все дальше Москва и Юля, все ближе Сибирь.

Боже мой, да было ли все это? А через минуту казалось, не сон ли все это, что происходит сейчас, — эта душная полутьма, алюминиевая миска, воровки курят махорку на шершавых нарах, грязное белье, чешется тело, и тоска в сердце: «скорей бы остановка, хоть охрана защитит от уголовниц», а на остановке ужас перед замахивающейся прикладами, матерящейся охраной и мысль: «скорей бы уж тронулись»; и сами воровки говорят: «вологодский конвой хуже смерти».

Но не в скрипучих нарах, не в морозе на стенках вагона, едва потухает печка, не в жестокости охраны и в бесчинствах воровок ее беда. Беда в том, что в вагоне ослабело отупение, оуклившее ее душу во время восьмимесячного сидения в тюремной камере.

Всем существом чувствует она девять тысяч километров своего движения в сибирскую могильную глубину.

Здесь нет бессмысленной тюремной надежды на то, что откроется дверь камеры и надзиратель крикнет: «Любимова, на волю, с вещой», и она, выйдя на Новослободскую, поедет автобусом до дома, и вот ждут ее Андрей, Юля.

В вагоне нет отупения, нет лагерной беспамятной усталости, одно лишь окровавленное сердце.

А если Юля запишет штанишки, а мытье рук, сопли, ей нужны овощи, всегда раскрывается по ночам, спит голенькая.

Уже нет на Машеньке туфель, на ней солдатские ботинки, у одного ботинка оторвана подошва. Неужели это она, Мария Константиновна, что читала Блока, училась на филологическом, тайно от Андрея писала стихи, Маша, бегавшая на Арбат записываться к парикмахеру Ивану Афанасьевичу — Жану, Машенька, умевшая не только книжки читать, но и борщ варить, и печь торт-наполеон, и шить, и ребенка выкормившая. Маша, всегда восхищенная Андрюшей, его трудолюбием, скромностью, и восхищавшая всех вокруг

тем, что так преданно любила Андрюшу и Юлю, Маша, что умела плакать, и насмешницей быть, и выгадывать копейки.

А эшелон все идет, у Маши начинается тиф — голова мутная, темная, тяжелая. Но тифа нет, она здорова. И снова здесь, в эшелоне, надежда нашла дорожку к ее сердцу. Вот доехали до лагеря, и ей крикнут: «Любимова, выйди из рядов, тут на тебя пришла телеграмма — освобождение», — ну и так далее, и тому подобное: она едет в Москву пассажирским поездом, и вот Софрино, Пушкино, и вот Ярославский вокзал, она видит Андрея, и на руках у неё Юля.

И надежда заставляет ее томиться — скорее бы доехать до конечного сибирского пункта, получить телеграмму об освобождении. Как спешат худенькие ноги Юли, она бежит рядом с замедляющим ход вагоном.

Вот она, ограбленная воровками, сошла с эшелона — она прячет мерзнущие пальцы в рукава засаленного ватника, голова ее повязана грязным мохнатым полотенцем. А рядом стеклянно скрипят по снегу туфли сотен московских женщин, осужденных к десяти годам лагеря за недонесение на своих мужей.

Шагают ноги в шелковых чулках, спотыкаются туфли на высоких каблуках. Маше завидуют — она ехала в вагоне с воровками,

а не с «женами», ее обокрали, но теперь у нее ватник, в ботинки можно напихать бумаги и тряпья.

Спотыкаются, спешат, падают жены врагов народа, торопливо собирают узелки, рассыпавшиеся по снегу, но плакать боятся.

Маша огляделась: за спиной станционный сарай, товарные вагоны, как красные бусы на белоснежном теле, а впереди разворачивается темная змея — женский этап, кругом штабеля присыпанной снегом древесины, конвой в сказочно теплых полушубках, гавкают овчарки в теплой, густой шерсти. А упоительно чистый после двухмесячного эшелона воздух злее бритвенного лезвия. Поднялся ветер, сухой снежный дым понесло по целине, голова колонны утонула в белой мути. Холод хлещет по лицу, ногам, голова у Маши кружится.

И вдруг сквозь усталость, сквозь страх обморозиться и получить гангрену, сквозь мечту попасть в тепло и помыться в бане, сквозь оторопь перед грузной старухой в пенсне, лежащей на снегу с каким-то странным, глупо капризным лицом, увидела двадцатишестилетняя Маша в снежном тумане свою лагерную судьбу... а на прежней судьбе, за спиной ее, за тысячи верст, в Спасопесковском пере-

улке висит, болтается сургучная печать. Из тумана стали видны вышки, стражники в тулупах, распахнутые ворота. Вот в этот миг Маша одинаково ясно увидела две свои жизни: ту, что ушла, другую, что пришла.

Она бежит, спотыкается, дует на заledenевшие пальцы, и безумство надежды не оставляет ее — вот дойдут они до лагеря, там ей скажут о пришедшем освобождении. Поэтому она и бежит так, задыхается от спешки.

Какая нелегкая была у нее работа! Как болел у нее живот, ломило поясницу от недозволенной женщине непомерной тяжести комьев извести, а носилки и пустыми казались чугунными; как тяжелы лопаты, ломы, доски, бревна, баки с грязной водой, параша, полные нечистот, многопудовые груды мокрого стиранного белья.

Как тяжела была дорога в предутреннем тумане, во мраке к месту работы, как тяжелы были поверки в слякоть и стужу; какой тошной и какой желанной была кукурузная болтушка с лоскутом требухи, с поганой, липнущей к нёбу рыбьей чешуей; как подло, безжалостно воровали в бараках, какие нехорошие разговоры шли ночами на нарах, какая мерзкая возня, шепот и шуршанье; каким всегда желанным был черствый, тронутый

сединой черный хлеб.

С шестнадцатилетней Леной Рудольф, лежавшей на нарах рядом с Машей, стал жить уголовный Муха, обслуживавший котельную. Лена заболела сифилисом, у нее сошли ногти на руках и облысела голова, санчасть перевела ее в инвалидный лагерь, а мать Лены, сохранявшая в лагере изящество, светлоглазая, добрая и услужливая Сюзанна Карловна продолжала работать, хотя голова у нее была седая. Сюзанна Карловна делала зарядку до рассвета, обтиралась снегом.

Маша работала дотемна, как кобыла, как верблюдица, как ослица. Лагерь был режимный, она не имела права переписки, не знала, жив или казнен муж, где ее Юлька, попала ли в приемник, затерялась ли как безымянный зверек или мама нашла ее, да жива ли мама, жиг ли брат Володя? Она словно привыкла ничего не знать о своих близких, казалось, не мечтала о письме, хотелось работы полегче, не на морозе, не в тайге, где гнус сжирает, а при кухне, при больнице.

Но тоска по мужу и дочери продолжалась, надежда не умерла, это лишь казалось. Надежда спала. И Маша чувствовала ее сон, как чувствуют на руках спящего ребенка, а когда надежда просыпалась, сердце молодой жен-

щины наполнялось счастьем, светом и горем.

Она еще увидит Юлю и мужа. Конечно, не сегодня, не завтра. Пройдут годы, но она увидит их: как ты поседел, какие печальные глаза у тебя... Юленька, Юленька! Эта бледная тоненькая девушка — ее дочь. И Маша волнуется, узнает ли ее Юля, вспомнит ли ее, свою лагерную маму, не отвернется ли от нее?

Ее принудил к сожителству старший надзиратель Семисотов, выбил ей два зуба, ударил по виску, это было в первую лагерную осень. Она пробовала повеситься, но не сумела, веревка оказалась плохенькая. А некоторые женщины ей завидовали. Потом пришло тоскливое безразличие, она два раза в неделю плелась за Семисотовым в складское помещение, где были деревянные нары, покрытые овчиной. Семисотов всегда был угрюм, молчал, и она его боялась до умопомрачения, ее даже тошнило от страха, когда он, пьяный, разъярялся. Но как-то он дал ей пять конфет, и она подумала: «Вот бы Юле в детдом переслать». И не стала их есть, спрятала на нарах в тюфячок. Потом их украли. Однажды Семисотов сказал: «Грязная вы, шмара, деревенская себя бы не допустила до такого свинства». Он всегда ей говорил «вы», даже когда бывал сильно пьян. Слова Семи-

сотова ее обрадовали и все же она подумала: если выставит, придется снова с известковым раствором работать.

Семисотов однажды вечером ушел и не появился больше, она потом узнала, — он перевелся из лагеря. И она радовалась, когда сидела вечером на нарах в бараке, а не шла, понурившись, на склад. А потом ее выставили из конторы, где она при Семисотове мыла полы и топила печи, — ей ведь нечем было давать хабару, а ее место получила воровка, что в эшелоне отобрала у нее шерстяную кофточку. Она радовалась и в то же время ощущала обиду: он на прощанье даже полуслова не сказал ей, хуже, чем собаке. А она ведь когда-то имела постоянную прописку в Москве, жила в отдельной изолированной комнате, с мужем и Юлей, мылась в ванной, ела из тарелки.

А лагерная работа в зимние месяцы была тяжела, а работать в летнее время было тяжело, и в весенние и в осенние дни было тяжело работать, и она уж вспоминала не Арбат, не Андрея, а лишь то, что при Семисотове мыла полы в конторе. Неужели выпала ей такая лафа?

И все же надежда таилась в ней. Они увидятся... Конечно, она уже будет старухой, совсем седой. У Юли будут дети, — но все же

246

они увидятся, они не могут не увидаться.

А голова была забита тревогой, заботой, бедой. То рвалась рубаха, то нападали нарывы, то болел живот и нельзя было отпроситься в санчасть, то вдруг лопалась кожа на пятках и она хромала, а портянки чернели от пятен крови, то расползался валенок, то надо было во что бы то ни стало, не дожидаясь очередной бани, хоть немного помыться, хоть немного постирать, то надо было сушить промокший в непогоду ватник... А всё давалось с бою — котелок горячей воды, ниточка для штопки, иголочка напрокат, ложка с целым черенком, лоскуток, чтобы наложить латочку. Как спастись от мошки, как уберечь лицо, руки от недоброго, как лагерный конвой, мороза?

Но матерные ссоры, драки заключенных женщин были не легче лагерной работы.

А барачная жизнь все шла да шла.

Тетя Таня, уборщица из Орла, шепчет: «Горе живущим на земле...» У нее грубое мужичье лицо, оно кажется жестким, исступленным. Но в тете Тане нет ни жестокости, ни исступления, одна лишь доброта. За что эта святая попала в лагерь? С какой-то непонятной кротостью она готова мыть за вся-

кую полы, выполнять чужое дежурство.

Старухи-монахини Варвара и Ксения быстро шепчутся, умолкают, едва к ним подходят грешные мирянки. Они живут в особом мире: подписаться под бумагой — грех, назвать свое мирское имя — грех, пить из одной кружки с мирянками — грех, надеть лагерный бушлат — грех. Их можно убить, так упорны они в своей святости. Их святость видна в их одежде, белых платочках, поджатых губах, но в глазах их холод и презрение к лагерному страданию, к греху. Их святому стародевичеству противны бабьи страсти, бабьи беды, страдания матерей и жен, все это кажется им нечистым. Главное — это соблюдать чистоту платочка, кружечки, с поджатыми губами сторониться грешной лагерной жизни. Воровки их ненавидят, а «жены» недолюбливают, сторонятся.

Жены, жены, московские, ленинградские, киевские, харьковские, ростовские, печальные, практичные и не от мира сего, грешные, слабые, кроткие, злые, смешливые, русские и нерусские, женщины в каторжных бушлатах. Жены врачей, инженеров, художников и агрономов, жены маршалов и химиков, жены прокуроров и раскулаченных хуторян, российских, белорусских хлебобобов. Все они

ушли вслед за своими мужьями в скифский мрак барачных курганов.

Чем знаменитей был погибший враг народа, тем шире круг женщин, ушедших за ним в лагерный путь: жена, бывшая жена, самая первая жена, сестры, секретарши, дочь, подруга жены, дочь от первого брака.

Об одних говорили: «удивительно простая, скромная...», о других: «ох, совершенно невыносимая, надменная барыня, будто и здесь она на кремлевском положении». Такие и здесь имеют своих приживалок, подхалимок. Вокруг них ореол власти и обреченности. О них шепотом говорят: «Нет, уж эти живыми на волю не выйдут».

Были старухи с усталыми, спокойными глазами, попавшие в тюрьму еще при Ленине, насчитывающие десятки лет тюремной и лагерной жизни. Это народницы, социалистки-революционерки, социал-демократки. Их уважает стража, воровки с ними почтительны; они не встают с нар, если в барак входит сам начальник лагеря. Рассказывают, что одна из их, Ольга Николаевна, маленькая седенькая старушка, была до революции анархисткой, бросила бомбу в карету варшавского губернатора, стреляла в жандармского ге-

нерала. Теперь она сидит на лагерных нарах и читает книжечку, пьет из кружки кипяточек. Как-то Маша вернулась ночью со склада от Семисотова, эта старуха подошла к ней, погладила по голове, сказала: «бедная ты моя девочка». Ах, как плакала тогда Маша.

А недалеко от Маши лежит на нарах Сюзанна Карловна Рудольф. Ее муж, профессор, американизированный немец, христианский социалист, приехал с семьей в Советскую Россию, принял советское подданство. Профессор Рудольф осужден на десять лет без права переписки — расстрелян на Лубянке; Сюзанна Карловна и три дочери — Агнесса, Луиза и Лена — попали в режимные лагеря. Сюзанна Карловна ничего не знает о дочерях, младшая, Лена, теперь тоже не с ней, переведена в инвалидный лагерь. Сюзанна Карловна не здоровается со старухой Ольгой Николаевной, — та назвала Сталина фашистом, а Ленина — убийцей русской свободы. Сюзанна Карловна говорит: работой она помогает созданию нового мира и это дает ей силу переносить разлуку с мужем и дочерьми. Сюзанна Карловна рассказывала, что, живя в Лондоне, они дружили с Гербертом Уэллсом, а в Вашингтоне встречались с Рузвельтом —

президент любил беседовать с ее мужем. Она все принимает, ей все ясно, лишь одно ей не совсем ясно: она видела, как арестовавший профессора Рудольфа сунул в карман большую, величиной с детскую ладонь, уникальную золотую монету, стоимостью в сто долларов. На монете был изображен в профиль индеец с перьями, — человек, производивший обыск, взял монету для своего маленького сына, не подумав даже, что она золотая.

Все они — чистые, падшие, измученные и семижилые — жили в мире надежды. Надежда то спала, то просыпалась, но никогда не уходила от них.

И Маша надеялась, — надежда ее мучила, но надеждой можно было дышать, даже когда она мучила.

После режима сибирской зимы, долгой, как лагерный срок, пришла бледненькая весна, и Машу погнали вместе с двумя женщинами чинить дорогу, ведущую в соцгородок, где жили в бревенчатых коттеджах начальники и вольнонаемный персонал.

Она издали увидела свои арбатские занавески на высоких окнах и силуэт фикуса. Она видела, как девочка со школьной сумкой поднялась на крыльцо и вошла в дом начальника управления режимных лагерей.

Конвойный сказал: «Ты что, кино пришла сюда смотреть?» А когда они при свете вечерней зорьки шли к лагерю, возле склада пиломатериалов заиграло магаданское радио.

Маша и две женщины, что плелись вместе с ней, шаркая по грязи, опустили лопаты и остановились.

На фоне бледненького неба стояли вышки, и как крупные мухи застыли на них часовые в черных полущубках, а приземистые бараки словно вышли из земли и раздумывали — не уйти ли снова в землю.

Музыка была не печальная, а веселая, танцевальная, и Маша плакала, слушая ее, как никогда, кажется, в жизни не плакала. И две женщины рядом с ней — одна из них была раскулаченная, а вторая ленинградская, пожилая, в очках с треснувшими стеклами, — плакали, стоя рядом с Машей. И казалось, что трещины на стеклах очков сделались от этих слез.

Конвойный растерялся: ведь заключенные редко плакали, сердца их были схвачены, как тундра — мерзлотой.

Конвойный толкал их в спины и просил:

— Ладно уж, хватит, падло, вашу мать, честью вас, блядей, прошу.

Он все оглядывался, ему в голову не приходило, что женщины плачут от радио.

Но и сама Маша не понимала, почему вдруг ее сердце переполнилось тоской, отчаянием; словно бы соединилось все, что было в жизни: мамина любовь, клетчатое шерстяное платье, которое ей так шло, Андрюша, красивые стихи, морда следователя, рассвет над вдруг просиявшим голубым морем в Келасури под Сухумом, Юлькина болтовня, Семисотов, старухи-монашенки, бешеные ссоры коблов, тоска от того, что бригадирша стала, прищурившись, пристально поглядывать на Машу, как поглядывал на нее Семисотов; почему вдруг под веселую танцевальную музыку стала ощущаться грязная сорочка на теле, тяжелые, как сырые утюги, ботинки, пахнущий кислотой бушлат; почему вдруг бритвой полоснул по сердцу вопрос: за что, за что ей, Маше, за что ей эти морозы, это душевное растрепывание, эта пришедшая к ней покорность к каторжной судьбе?

Надежда, всегда давившая своей живой тяжестью ей на сердце, ушла, умерла.

Под эту веселую танцевальную музыку Маша навсегда потеряла надежду увидеть Юлю, затерянную среди приемников, коллек-

торов, колоний, детдомов в громаде Союза Советских Социалистических Республик. Под веселую музыку танцевали ребята в общешитиях и клубах. И Маша поняла, что мужа ее нет нигде, он расстрелян, и она уже никогда не увидит его.

И она осталась без надежды, совсем одна... Никогда она не увидит Юли, ни сегодня, ни седой старухой, никогда.

Боже, Боже, сжался над ней, Господи, пожалей, помилуй ее.

Через год Маша ушла из лагеря. Перед тем, как вернуться на волю, она пролежала в морозной землянке на сосновом настиле, и ее не торопили на работу, никто не обижал ее; санитары положили Машу Любимову в четырехугольный ящик, сколоченный из выбракованных отделом технического контроля досок, поглядели в последний раз на ее лицо, — на нем было выражение милого детского восторга и растерянности, то выражение, с которым она у склада пиломатериалов слушала веселую музыку, — сперва обрадовалась, а потом поняла, что надежды нет.

И Иван Григорьевич подумал, что на ко-

лымской каторге мужчина не равноправен женщине, — все же судьба мужчины легче.

ПОСЕВ Ноябрь 1970

«Посев» в Австралии

**Прием подписки, заказов на книги и другие
издания**

Генеральное представительство

Possev c/o „Unification“

497, Collins St., Melbourne C. 1.

**Подписка на журнал «Посев» принимается
только с доставкой авиапочтой.**

Стоимость годовой подписки — 18.30 ав. дол.

Цена отдельного номера — 1.60 австрал. дол.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Михаил Булгаков
МАСТЕР И МАРГАРИТА

Полное издание. Без сокращений и вставок,
которыми советская цензура исковеркала это
замечательное произведение при публикации
его в журнале «Москва»

**В книге 500 страниц. Твердый переплет,
тиснённый золотом**

**Художественно исполненная цветная
суперобложка**

**Цена 22.50 нем. марки. В США и Канаде
— 6 ам. дол.**

Заказы направлять:

**Possev-Verlag, D-623 Frankfurt/Main 80,
Flurscheideweg 15**

Безличная власть и властные группы в СССР

А. АВТОРХАНОВ

Внимательный наблюдатель послехрущевского политического развития СССР не мог не заметить, что мы имеем теперь дело с новым феноменом — консолидацией безличной власти. Я эту проблему рассматриваю здесь в двух аспектах: во-первых, в историческом, — как происходил процесс становления в стране сначала партаппаратной, а потом единоличной диктатуры; во-вторых, в социально-политическом, — как произошло перемещение власти от отдельных личностей обратно к властным группам. Такому рассмотрению проблемы я предпосылаю, — как величину данную, — объявленную режимом новую доктрину о коллективности диктатуры («коллективное руководство») и об осуждении всякого рода единоличной диктатуры («культ личности»). В структуре правящих органов как партии, так и государства, с пер-

вых же дней существования режима представлены различные социально-политические группы советского общества, либо непосредственно осуществляющие власть, либо оказывающие на нее свое влияние. На разных этапах эти группы играли разную роль, перемещаясь местами по степени своей важности.

Руководствуясь критерием их места в иерархии власти, я бы классифицировал эти группы следующим образом:

1. *«Властные группы»* (то есть те группы, которые участвуют в непосредственном осуществлении власти). Они суть:

- 1) партаппаратчики (сюда входят также комсомольская, профсоюзная и идеологическая бюрократия);
- 2) госаппаратчики (административно-управленческий аппарат государства);
- 3) офицерский корпус;
- 4) чекистский корпус;
- 5) хозяйственники (руководители промышленности и сельского хозяйства).

2. *«Влиятельные группы»* (то есть те группы, которые сами не участвуют в осуществлении власти, но оказывают на нее влия-

ние). Они суть:

- 1) ученое сословие;
- 2) техническая интеллигенция;
- 3) творческая интеллигенция;
- 4) «народная» интеллигенция (врачи, учителя и др.);
- 5) «знатные» рабочие;
- 6) «знатные» колхозники.

Только «влиятельные группы» имеют некоторое условное сходство с американскими «прешер группами»,*) а «властные группы» сами осуществляют, каждая в своей сфере, непосредственно государственную власть. Степень участия во власти «властных групп» и масштаб влияния на власть «влиятельных групп» выходит за рамки данного анализа. Я ограничиваю свою задачу анализом «властных групп», которые собственно и составляют, выражаясь партийным жаргоном, «партию и правительство».

При Ленине ведущую роль при осуществлении диктатуры играли две из «властных групп»: госаппаратчики (в том числе хозяй-

*) Pressure group — клика, оказывающая давление на политику. — Р е д.

ственников) и партаппаратчики. Партаппаратчики не имели права вмешиваться ни в дела государственного управления, ни в хозяйственную деятельность. Командный состав армии и Чека оставались лишь инструментами в руках верховной власти. Зато очень бросалось в глаза влияние и даже участие во власти через Советы групп рабочих и крестьян (недаром сама власть называла себя «диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства»).

Идя ко власти в 1917 г., Ленин знал, что лозунг «вся власть большевикам» не мог иметь шанса на успех в тогдашней многопартийной демократической России, зато лозунг «вся власть Советам» не только обещает успех, но, кроме того, эти Советы явятся искомой формой власти, как создающие общенародный фасад многопартийной диктатуры. Однако с первых же дней захвата власти, ЦК партии большевиков взял на себя роль верховного директивного органа над ВЦИК Советов и Советом народных комиссаров. Соответственно ту же руководящую политическую роль играла нижестоящая иерархия партийных комитетов по отношению к нижестоящей иерархии исполкомов Советов, но существовал установленный Лени-

ным и партией принцип невмешательства партийных органов в оперативно-управленческие функции советских органов. Партия в лице ее высших органов (съезд, ЦК, Политбюро) давала лишь руководящие директивы о направлении внутренней и внешней политики, а Советы управляли страной. Поэтому власть Советов, как органов государственного управления, была не фиктивная, как сейчас, а реальная. Поэтому-то во главу Совета народных комиссаров и стал сам Ленин, занимая в ЦК партии официально лишь должность члена Политбюро. Таким образом установилось разделение властей: ЦК определял политику, а Советы управляли страной. В определенном смысле это было новым изданием знаменитого «двоевластия» до Октябрьского переворота. Оно противоречило самой природе большевизма, с его непрекращаемым монистическим постулатом о единой и неделимой власти партии. Оно противоречило также государственной доктрине Ленина, согласно которой советская государственная система, в отличие от западной парламентской системы, не знает разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Хотя на самой вершине пирамиды власти — в ЦК, Совнаркоме и ВЦИК, в ос-

новном, сидели одни и те же лица, тем самым смягчая характер «двоевластия», но на нижних этажах пирамиды государственные органы не находились в прямом подчинении у партийных органов. В резолюции, написанной Лениным и принятой XI съездом партии (1922), прямо сказано:

«Сохраняя за собой общее руководство и направление всей политики советского государства, партия должна провести гораздо более отчетливое разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов».

Резолюция указывала далее, что обсуждение и принятие решений по хозяйственным вопросам тоже входят в компетенцию советских органов, а партия должна «сосредоточиться на основной работе общего руководства работой всех государственных органов просвещения и организации рабочих масс». Так официально было установлено разделение властей — власти Советов и власти партии. Этому «двоевластию» партии и Советов был положен конец еще при жизни Ленина, но не Лениным, а Сталиным, когда он стал генеральным секретарем ЦК. Внешней констатацией этого факта и явились слова из ле-

нинского «завещания»: «т. Сталин, сделавшись генеральным секретарем, сосредоточил в своих руках необъятную власть». То была власть не одного Сталина, а всей иерархии партаппаратчиков.

Через год, на XII съезде (1923), на котором отсутствовал Ленин по болезни, Сталин впервые изложил в развернутом виде свою собственную доктрину единовластия партаппарата. Резолюция XI съезда была фактически пересмотрена. В новой резолюции XII съезда говорилось, что

«съезд предостерегает против слишком расширительного истолкования упомянутых решений (решений XI съезда — А. А.)... В переживаемый период партия руководит и должна руководить всей политической и культурной работой органов государственной власти, направляет и должна направлять деятельность всех хозяйственных органов республики... Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме **диктатуры ...компартии**».

На том же съезде Зиновьев (который делал политический отчет ЦК) и Троцкий (который делал доклад «о вопросах промышленности») в полном согласии с новой доктриной Сталина повторяли формулу «диктатура партии», хотя сам Сталин тщательно избегал

данной формулы, а впоследствии в борьбе против Зиновьева даже критиковал ее. Но на деле именно под руководством Сталина диктатура партии превратилась в диктатуру партаппаратчиков.

«Великая чистка» 1936-1939 гг. внесла в конструкцию этой диктатуры решающее изменение. Она выдвинула на первый план силу, которая до сих пор действовала за кулисами партаппарата и контролировалась им — это чекистский корпус. С тех пор установилась личная диктатура Сталина, который начал опираться на чекистский корпус, как на ведущую силу. Чекисты и партаппаратчики при Сталине поменялись ролями.

Смерть Сталина и уничтожение ведущей головки чекистского корпуса во главе с Берия, покончив с режимом личной диктатуры, существенно изменили как место в системе власти, так и взаимоотношения между чекистами и партаппаратчиками. Партаппаратчики не только вернули себе свою былую власть, но в борьбе за нее нанесли тягчайшие физические и моральные удары чекистскому корпусу. Весь аппарат политической полиции снизу доверху был реорганизован на началах коллективного управления (Комитеты госбезопасности) и поставлен под полный

контроль партаппарата. Во главе сети комитетов госбезопасности стали сами партаппаратчики вместо профессиональных чекистов (Шелепин, Семичастный, Андропов). Но и тут на политическую сцену появляется новая властная группа.

В борьбе против чекистской монополии власти партаппаратчики оказались вынужденными апеллировать к другой потенциально властной силе, которая на всем протяжении истории режима оставалась вне политической игры; эта сила — армия. Даже Сталин, борясь с различными оппозициями, в том числе и с Троцким, который стоял во главе Красной армии, не вводил военных в свою борьбу за власть, ибо знал, что власть, полученная через военных, будет зависеть от военных. Наследники Сталина нарушили этот принцип:

а) Берия был свергнут в опоре на военных (1953);

б) Маленков был свергнут в опоре на военных, в результате чего маршал Жуков стал военным министром (1955);

в) группа Молотова — Маленкова — Кагановича была изгнана из ЦК в опоре на военных, в результате чего маршал Жуков стал

членом Президиума ЦК (1957);

г) когда маршал Жуков стал задавать тон не только во внешней, но и во внутренней политике (обвинение в бонапартизме), то Хрущев избавился от него, опять-таки опираясь на тех же самых военных, на этот раз военных соперников Жукова (Конеv, Малиновский) (1957).

Советская армия таким образом постепенно превратилась из объекта политики в ее субъект, из инструмента власти в фактор власти.

Когда Хрущев испытал на деле не только продолжающееся давление военных, но и их явную претензию участвовать во власти, то он думал разрешить проблему тем, что предложил назначить себя Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами СССР (факт беспрецедентный в СССР в мирное время). Однако это нисколько не изменило положения. В этом Хрущев убедился, когда он, не считаясь с интересами военного ведомства, начал производить сокращение армии, военного бюджета, военной индустрии и даже пересматривать военно-стратегические планы Советской армии и ее Генерального штаба. Тут против Хрущева образовалась сильная и сплоченная военная оппозиция, опираясь на которую партийные заго-

ворщики и произвели свой переворот против Хрущева (1964). Опять и опять армия оказалась в игре, на этот раз не только против первого секретаря ЦК и премьер-министра, но и против собственного «Верховного главнокомандующего».

Однако ЦК КПСС хорошо понимал всю опасность для себя участия армии в «дворцовых переворотах». Поэтому Кремль хотел воспользоваться смертью министра обороны маршала Малиновского, чтобы взять военных под строгий контроль ЦК, для чего Политбюро намеревалось назначить министром обороны партаппаратчика. СССР находился целых восемь дней без министра обороны (опять факт беспрецедентный в истории СССР), на протяжении которых продолжался совершенно очевидный торг с военной кликой о новом министре, но военные не уступили. Так был назначен министром обороны маршал Гречко.

Вот с этих пор Советская армия стала силой, активно участвующей в определении советской внешней политики вообще, в установлении основных принципов большой советской военно-политической стратегии в особенности. Это привело к потере свободы действия кремлевского руководства в общей

политике. Если «политизация» военных продолжится и дальше, то вся советская политика рискует стать слугой советской военной стратегии и внешнеполитического тщеславия советских милитаристов. Формальное отсутствие военных в Политбюро или их незначительное представительство в составе ЦК (около 10⁰%) еще ни о чем не говорит. Из истории мы хорошо знаем, что военные клики, не входя формально в состав верховного руководства своих стран, фактически определяли их внешнюю политику, становились как бы «государством в государстве» (Германия, Япония). Преобладанию военных способствует и чисто деловой момент: советские военные лидеры по своим талантам и организаторским качествам стоят гораздо выше советских политических лидеров. Ко всему сказанному о военных надо добавить другой, совершенно новый фактор в истории развития советской армии: в армии произошла и продолжает происходить научно-техническая и технологическая революция. Советский офицерский корпус, на который опирается военная клика, уже не тот, который был до войны или во время войны. Нынешний советский офицер — это не просто командир, а командир-техник, командир-водитель

сложнейшей военной техники. Примитивный партийный надзиратель любого уровня у него уже не пользуется былым авторитетом.

В чем же сказалась во внешней и внутренней политике новая политическая роль советской армии? Ограничусь здесь указанием на наиболее выдающиеся примеры.

1) Из внутренней политики: а) восстановление приоритета развития военной индустрии, нарушенного Хрущевым; б) реабилитация военными Сталина как выдающегося полководца во второй мировой войне (вопреки XX и XXII съездам); полная политическая реабилитация маршала Ворошилова (вопреки июньскому пленуму ЦК 1957 г. и XXI и XXII съездам партии); г) реабилитация маршала Жукова и фактический пересмотр решения октябрьского пленума ЦК 1957 г. о Жукове и роли политорганов.

2) Из внешней политики: а) обострение советско-китайского конфликта под нажимом военных, чтобы прощупать силу сопротивления Китая для решения вопроса о целесообразности превентивного удара по нему; б) оккупация Чехословакии, чтобы полностью сохранить не только военно-стратегическую позицию, но и восстановить военно-политическую гегемонию СССР как во внеш-

ней, так и во внутренней политике в странах Варшавского пакта; в) курс на скорое превращение СССР в великую военно-морскую державу; г) военно-политическая активизация на Средиземном море и на арабском Востоке.

Если соучастие во власти советской военной клики является фактом совершенно очевидным, то сложнее и менее наглядно соучастие во власти третьей, после партаппаратчиков и военных, «властной группы» — чекистского корпуса. Прежде чем стать новым соучастником во власти в Кремле, чекистский корпус должен был пройти через такие унижения и жестокие удары, которые, в конечном счете, доказали, что удары по Чека есть удары по самой сущности коммунистической системы властвования. История показала, а разоблачения преступлений НКВД только подтвердили, что советская государственная система может существовать лишь как полицейская система. Советская политическая полиция — это не обычная служба на страже государственной безопасности; она — функциональная величина от чекистской субстанции всего режима. Все сферы советской жизни — политики и экономики, идео-

логии и культуры, быта и нравов, органически пронизаны духом чекизма. Поэтому, когда Хрущев и его ученики начали посягать на это «святая святых», разоблачая перед всем миром советскую инквизицию, то не только сателлиты, но и сам советский народ начал выходить из-под контроля Кремля.

Образовавшуюся опасность заметили старые сталинские члены Президиума ЦК. Они решили избавиться от Хрущева, как от основного виновника кризиса советской государственной системы. Состоялось решение Президиума ЦК от 18 июня 1957 г. о снятии Хрущева. Однако, опираясь на военных, как указывалось выше, Хрущев не только удержался у власти, но и еще сумел разогнать Президиум ЦК, объявив большинство его членов «антипартийной группой». Хрущев пошел дальше. На XXII съезде он разоблачал не столько культ личности Сталина и отдельных чекистов, сколько высшие партийно-государственные учреждения: сталинское Политбюро и НКВД.

С тех пор, собственно, и началась гибель Хрущева. Партаппаратчики поняли, что Хрущев, установив фактически новую единоличную диктатуру, систематически и самоуверенно ведет их к самому краю пропасти.

Опираясь опять-таки на военных и заключив союз с чекистами, они свергли Хрущева.

Вот с этого момента чекистский корпус вновь стал одной из ведущих сил на вершине и в иерархии власти. Прямым результатом этого явились: а) частичная политическая и полная военная реабилитация Сталина; б) реабилитация чекистского корпуса как учреждения; в) восстановление отмененной Хрущевым сталинской традиции о включении центральных и местных руководителей политической полиции в состав соответствующих руководящих партийных органов; г) систематическое создание культа «советских героических разведчиков» в периодической печати, художественной литературе, кино и т. д., а также массовое награждение орденами внутренних и международных шпионов СССР; д) запрещение критики действий органов НКВД во время «великой чистки»; е) предоставление органам КГБ вновь широких полномочий по вербовке и развертыванию сексотской (шпионской) сети; ж) предоставление органам КГБ вновь права административных репрессий против политической оппозиции (хотя некоторые из этих репрессий формально «узаконивают» через так называемые «суды» и нередко через су-

масштабные дома).

Таковы три главные группы сегодняшней безличной власти в СССР — партаппаратчики, военная клика и чекистский корпус.

Остановимся вкратце на роли, которую сегодня играют две остальные «властные группы» — на роли госаппаратчиков и хозяйственников. Хотя обе эти группы юридически входят в состав понятия «партия и правительство», но их участие во власти носит подчиненный характер.

Советский государственный аппарат, как уже указывалось выше, к концу правления Ленина и началу правления Сталина превратился в простой придаток партаппарата, в его исполнительный механизм. Поэтому руководители советского государственного аппарата располагали властью постольку, поскольку они персонально включались в состав руководящего партийного аппарата своего уровня. В их задачу входило юридическое оформление через государственный аппарат тех политических и организационных решений, которые принял параллельный партийный аппарат.

Для иллюстрации этой аксиомы незачем обращаться к местной практике, достаточно

обратиться к вершине власти — к Верховному совету СССР и Совету министров СССР.

По конституции СССР Верховному совету СССР принадлежит высшая законодательная власть, а Совету министров СССР — высшая исполнительная власть; между тем, ни тот, ни другой орган не только не имеют права законодательной инициативы, но даже не могут выпустить и простой нормативный акт, если на то не будет предварительного решения ЦК КПСС или указания его соответствующего отдела. Номенклатурные чиновники государственного аппарата, без исключения, всех уровней, назначаются и снимаются при закрытом решении соответствующего партаппарата, но партаппарат считает нужным, чтобы обнародование таких назначений и снятий происходило путем формальных постановлений государственного аппарата.

Из всего этого ясно, что партийная машина СССР одновременно является и его государственной машиной. Этой узурпацией своей власти партийным аппаратом советское государство нисколько не тяготится, ибо его руководящая верхушка, как сказано, сама является частью партийной машины. Известная протокольная формула Кремля «руководители партии и правительства» только констати-

рует существующее положение, что номинальные руководители советского государства — Президиума Верховного совета СССР и Совета министров СССР — играют выдающуюся роль только потому, что они одновременно являются руководителями партии в качестве членов Политбюро ЦК КПСС (по формальным признакам из 11 членов Политбюро 5 человек являются госаппаратчиками, 5 человек партаппаратчиками и 1 человек представителем профсоюзной бюрократии). По этому принципу составлена и вся нижестоящая иерархия власти. Вот это соучастие во власти через свое представительство в партийной машине и делает советскую государственную бюрократию «властной группой».

Соучастие во власти хозяйственников или советских менажёров ограничено исключительно одной сферой — экономической. Правда, это самая важная сфера в государстве, в котором собственником всех средств производства, единственным работодателем и монопольным распределителем народного дохода является само партийное государство. Поэтому-то Ленин говорил, что самая главная политика в советской России — это экономическая политика. Даже больше: по Ленину вообще сама «политика является концентрированным выражением экономики».

Отсюда вытекает, что тот класс советского государства, который непосредственно управляет экономикой, — хозяйственники, — является не просто влиятельной силой, а властной силой, то есть, по моей концепции, «властной группой».

Но эта такая «властная группа», у которой сегодня действительно нет амбиции на политическую власть. Ее политический оппортунизм так же беспределен, как и ее жажда профессиональной карьеры. Поскольку эта карьера больше зависит от воли партаппарата, чем от их собственных знаний, то только те хозяйственники делают карьеру, которые в угоду догме готовы пожертвовать объективными законами хозяйствования и хозяйственной целесообразностью вообще.

Тем не менее, было бы непростительной ошибкой считать советских хозяйственников бездарными винтиками партийно-государственной машины. Держать всё в контакте, да еще добиваться гигантских научно-технических и технологических успехов в такой антиэкономической системе, как советская, могут только очень выдающиеся люди. Свержение Хрущева с его «волютаризмом» и «субъективизмом» в экономической политике (ликвидация экономических министерств, создание системы местных совнархозов) зна-

чительно подняло влияние хозяйственников на общую экономическую политику партии.

Инициатива хозяйственных реформ Косыгина, несомненно, исходила в первую очередь от них. Однако ввиду давления партаппарата и преобладания среди высших хозяйственников догматиков-плановиков над радикалами-«рыночниками», реформы Косыгина оказались куцыми и не достигли своей цели. Но кажется, что тут последнего слова еще не сказано. Новое поколение хозяйственников может оказаться и более радикальным в отношении реформ и более амбициозным в отношении участия в общей политике.

Дальнейшее развертывание «второй индустриальной революции» с ее грандиозными перспективами и фантастическими возможностями сделают хозяйственников и научно-техническую интеллигенцию, на которую они опираются, ведущей силой не только экономического управления, но и творческой экономической инициативы. Такая эмансипация советской экономики от догматических оков партийных ортодоксов имела бы своим объективным результатом возрастание *политической роли* хозяйственников в той же мере, в какой происходило бы сужение *хозяйственной роли* самого партаппарата.

Итак, каковы же общие выводы?

Вместо бывшего единовластия партаппарата, после смерти Сталина, сегодня в СССР установилось «троевластие» трех «властных групп»: партаппарата, как ведущей группы, и двух его союзников по власти — военной клики и чекистского корпуса. В свете такого явления совершенно беспредметным является вопрос о том, кто и какое место на вершине иерархии власти занимает каждый из членов Политбюро. Внешне бросающийся в глаза триумвират «Брежнев-Косыгин-Подгорный», как и само «коллективное руководство» в целом, есть лишь персональное выражение властной комбинации этих трех «властных групп». Это сползание власти от лиц к группам и есть советское проявление так называемого плюрализма. Но этот плюрализм противопоставлен как доктрине большевизма, так и историческому опыту монопартийной диктатуры, тем более, что отношения между группами «троевластия» далеко не являются идиллическими. Одна из этих групп, а именно — чекистский корпус был и остается для обеих других групп (партия и армия) одиозной силой. У партии и у армии связаны с чекистским корпусом жуткие ис-

торические воспоминания. Это благодаря чекистам они потеряли свои ведущие кадры в эру Ежова-Берия. Это чекисты, которые, сделавшись главной опорой и содержанием правления Сталина, держали партаппаратчиков в вечном страхе и унижении. Если все это сегодня прощено, то не забыто. Прощение тоже произошло далеко без энтузиазма, а в силу категорического повеления обстоятельств: как раз опыт правления Хрущева показал, что контролировать народ без чекистов дело безнадежное.

Отношения между партаппаратчиками и офицерским корпусом тоже не были и не являются гармоничными. Советские командиры и командующие хорошо знают, что институт политкомиссаров и «замполитов», а равно и вся сеть политотделов и политуправления в армии являются организационным выражением политического недоверия партаппарата к руководителям армии. Попытка освободить армию от этой опеки политорганов стоила маршалу Жукову его поста министра обороны и члена Президиума ЦК. Жукова убрали, но проблема осталась. Генералитет («маршалитет») Советской армии ее автоматически разрешает тем, что сам становится частью верховной власти. Вероятно, недалеко то вре-

мя, когда роль политорганов в армии будет сведена постепенно к роли политпросветительного аппарата при командирах, хотя партаппаратчики этому решительно будут сопротивляться.

Бесполезно, да и невозможно вдаваться здесь в детали, кто же из членов «коллективного руководства» представляет ту или иную «властную группу», кроме тех случаев, когда связи между группами и лицами являются очевидными из-за занимаемых ими должностей. Поскольку режим «троевластия» есть режим безличной власти, то лица важны здесь лишь как представители стоящих за ними «властных групп», которые в любое время могут заменить или выкинуть любого из членов «коллективного руководства».

Хотя «троевластие», казалось бы, есть свидетельство расширения рамок диктатуры и, как таковое, его надо было бы рассматривать как исторически прогрессивный процесс, но данное «троевластие» есть союз самых реакционных сил в государстве. Военная клика думает лишь военными категориями, то есть категориями агрессивными, великодержавно-империалистическими, советская политическая полиция, естественно, думает категориями мракобесов, а партаппарат уже по своей

природе синтезирует в себе качества обоих своих союзников.

Создавшееся положение таит в себе глубокие внутренние противоречия. Первое противоречие состоит в том, что партаппарат делит власть со своими союзниками, тогда как союзники не делят с партаппаратом политической ответственности; союзники предпочитают действовать за кулисами. Второе противоречие сводится к тому, что для «троевластия» в целом этими кулисами служит «коллективное руководство», члены которого все не хотят быть только кулисами. Морально-политическая ответственность за действия партаппаратчиков, военной клики и полицейского аппарата целиком падает на «коллективное руководство», причем даже за такие действия, которые ими предпринимаются без формального решения «коллективного руководства». Реабилитация Сталина военной и чекистской кликой вопреки XX и XXII съездам, не только без решения нового съезда (как это должно было быть), но даже без решения Пленума ЦК или Политбюро, довольно ярко характеризует истинную силу «троевластия» и глубину падения «коллективного руководства».

Но оно всё еще не сдаётся. Очень похоже

на то, что за узурпацию своей власти оно винит генерального секретаря ЦК. Еще менее оно согласно и на установление новой единоличной власти в стране. Я считаю, что все спекуляции на Западе о якобы обозначившемся единоличном лидерстве Брежнева просто беспочвенны. Как раз в юбилейном ленинском номере журнала «Вопросы истории КПСС» (№ 4, 1970) напечатана статья, которая называется «Ленинский принцип коллективности в деятельности партии». Центральная идея этой статьи выражена в следующей цитате из Ленина: *«Надо подчеркнуть с самого начала, чтобы устранить те или иные недоразумения, что только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленуме ЦК, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно»* (стр. 73). Эта цитата, приведенная в данное время и в данных условиях, имеет лишь один смысл: прямое предупреждение Брежневу и косвенное предупреждение группам «троевластия».

ПОСЕВ

Сентябрь 1970

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЮМОР

История СССР в шести картинах

Картина 1. Парад на Красной площади. На трибуне Ленин. Проходят колонны демонстрантов, колонны машин. На последней машине чья-то ехидная надпись мелом: «А при царе мы всегда ели мясо!»

Картина 2. Парад. На трибуне Сталин. На последней машине надпись: «А при Ленине мы часто ели мясо!»

Картина 3. На трибуне Хрущев. На машине надпись: «А при Сталине мы иногда ели мясо!»

Картина 4. На трибуне Брежнев. На машине надпись: «А при Хрущеве мы иногда ели кукурузу!»

Картина 5. На трибуне Линь Бяо. На машине надпись: «А при Брежневе мы иногда ели!»

Картина 6. На трибуне Нкрумумба. На машине надпись: «А при Линь Бяо нас не ели!»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

В ближайшее время выходит из печати,
полученный из России,
программный документ

ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ

**Наша страна находится на поворотном пункте
истории**

Авторы документа Н. Алексеев и С. Зорин

ОГЛАВЛЕНИЕ

1970 г.

стр

Непроведенная реформа	5
Заметки о путях западной и русской молодежи	27
Контуры нового мировоззрения	49
Обезглавленная Москва	79
"Иродова Закваска"	95
Покушение у Кремлевских ворот. Дело Ильина	109
Суд над П.Г.Григоренко	111
Свободолюбивые граждане мира!	113
Заключение Жореса Медведева в психиат- рическую больницу	117
" Духовное убийство "	121
Наталья Горбаневская в спецлечебнице КГБ....	123
Врач — высокое призвание	125
Психиатрические больницы специального типа "Спецпсихобольницы" (СПБ).....	143
"Клятва Гипократа" и лицемеры из Акаде- мии медицинских наук	149
Советский концлагерь	159
Местонахождение лагерей	163
Кто же сумасшедшие ?	167
Позорная система лагерей	171
Стихотворение В. Новодворской	181

Новое "исправительно-трудовое"	
законодательство	183
Единый фронт борьбы за Конституцию, Права, Свободу	191
О наших с Вами общих делах	199
Призыв к Действиям	213
Исключение А.И.Солженицына из С.С.П....	221
А.Солженицын — лауреат Нобелевской премии	225
Наказан мировой славой	229
Тихая Машенька	233
Безличная власть и властные группы в СССР	257
Оглавление	285

**АДРЕС РЕДАКЦИИ
POSSEV-REDAKTION
D 623 FRANKFURT/MAIN 80, FLURSCHEIDEWEG 15**

